

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№5 МАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2022

О жизни Извбеллы д'Эсте и трех ее портретах читайте на стр. 73

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Вениамин Каверин. Открытая жизнь 4
<i>Алла Зубкова</i>	Последний энциклопедист 56
<i>Евгения Гордиенко</i>	Игра для левой руки 90

Судьбы

<i>Илья Рюмин</i>	Полет горного орла 17
-------------------	------------------------------------

Из российской истории

<i>Дмитрий Зелов</i>	Три века мифов и легенд 24
----------------------	---

Рассказ

<i>Светлана Чуфистова</i>	Платье с оборками 34
---------------------------	-----------------------------------

Чтобы помнили

<i>Геннадий Гусаченко</i>	Дядя Коля-Торпедоносец 49
---------------------------	--

Это интересно

<i>Иван Переверзин</i>	Афоризмы 70
<i>Юрий Прокопчук</i>	Московский и Ленинградский зоопарки в годы войны 98

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	«Подруга благородных искусств». Изабелла д'Эсте и три ее портрета 73
---------------------	---

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Полина Долинская: «Папа научил меня бесконечной любви к театру» 80
------------------------	---

Поэзия

<i>Андрей Шацков</i>	Стихи 84
----------------------	-----------------------

Непридуманная история

<i>Сергей Криворотов</i>	Смотри в глаза! 105
--------------------------	----------------------------------

Из российской истории

<i>Денис Логинов</i>	Пройдя веков таинственную даль 117
----------------------	---

Детектив

<i>Наталия Солдатова</i>	Канкан пожилой дамы 126
--------------------------	--------------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса Малого театра Полина Долинская
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.04.2022

« Наш знаменитый детский сказочник Корней Чуковский, на произведениях которого воспитывались поколения советских мальчишек и девчонок, долгое время оставался одним из самых недооцененных литературоведов и критиков Серебряного века, автором классического исследования о Некрасове. Мало того, благодаря ему мы узнали четверть неопубликованных до революции стихотворений Некрасова. Знаток англоязычной литературы, Корней Иванович редактировал собрание сочинений Оскара Уайльда, переводил Уитмена, писал о творчестве Чехова, Достоевского, Толстого, Анны Ахматовой. Его последней детской книгой стали «Приключения Бибигона». Сегодня Чуковский — один из самых издаваемых авторов, а его стихи, как и раньше, остаются любимым чтением миллионов малышей XXI века.

Юрий **Осипов** «Корней Чуковский. Славная жизнь»

« Иногда разведчикам, имена которых обычно остаются неизвестными, удается прожить не одну жизнь, а две или даже несколько, несмотря на смертельную опасность, подстерегающую на каждом шагу. Вот и героиня нашего очерка прожила две жизни, став во второй не просто известной — знаменитой. Но при этом никому в голову не приходило отождествлять популярную детскую писательницу Зою Воскресенскую с опытным асом советской разведки. Да и читатели, восторгавшиеся ее произведениями, давно выросли и почти забыли кумира своих детских лет. Но история не терпит пустоты. Ее заполняют либо мифами, либо собранными по крупицам реальными фактами. В любом случае образ остается...

Денис **Логинов** «Две жизни одной женщины»

« О ней писали литературные критики Добролюбов и Белинский, ее стихи включались в школьные хрестоматии, и многие из них заучивались наизусть. Это об удивительной женщине с несчастной судьбой — поэтессе Юлии Жадовской. В селе Субботино Ярославской губернии в 1824 году в семье местного помещика Жадовского родилась долгожданная дочь, которую нарекли Юлией. Увы, радость родителей была омрачена тем, что девочка родилась инвалидом: без левой руки, с тремя пальцами на правой, и с плохим зрением. Вообще будущая жизнь поэтессы была далеко не легкой. При этом она, по словам ее двоюродной сестры Готовцевой, «смогла сохранить ясность духа и ровность характера, несмотря на то, что была глубоко несчастна». Видимо, сам Господь вмешался в ее судьбу, одарив девушку удивительным поэтическим даром. Стихи Жадовской в чем-то созвучны поэзии Лермонтова, Плещеева, Тютчева. Кроме того, ее лирика привлекала многих русских композиторов: на музыку положено 23 стихотворения. Это и Даргомыжский, и Глинка, и Рахманинов, и Варламов. А знаменитый романс Даргомыжского «Я все еще его, безумная, люблю», не раз исполняла знаменитая Полина Виардо.

Виктор **Елисеев** «Певвица женской неволи»

« Иронический детектив Елены **Колчак** «Убийство в стиле ретро»

Вениамин Каверин

ОТКРЫТАЯ ЖИЗНЬ

Автор «Двух капитанов», излюбленной книги советской молодежи ряда десятилетий, был человеком прямым, неуступчивым. В молодости входил в культовое литобъединение «Серапионовы братья», вместе с Чуковским, Зощенко, Шкловским и другими видными литераторами, и на всю жизнь сохранил присущий им дух вольнолюбия и независимости. В 1958 году Каверин оказался едва ли не единственным в СССР крупным писателем старшего поколения, кто отказался участвовать в травле Пастернака в связи с публикацией на Западе его романа «Доктор Живаго» и присуждения ему Нобелевской премии, не побоялся подписать обращение в защиту высланных из Союза талантливых собратьев по перу — Ю. Даниэля и А. Синявского.

Он никогда не изменял своим демократическим убеждениям. Фронтальной корреспондент, кавалер ордена Красной Звезды, он в сопроводительной статье к вышедшему в 62-м году в серии «ЖЗЛ» роману Булгакова «Жизнь господина де Мольера» впервые восторженно отозвался об еще не опубликованном по цензурным соображениям «Мастере и Маргарите». И подготовил для IV писательского съезда 1967 года доклад, который начальство ему запретило зачитывать.

Примечательно, что понравившийся Сталину и удостоенный высшей государственной премии его имени роман «Два капитана» спас автора от горькой участи брата-академика, трижды отсидевшего в лагерях, хотя писатель умудрился ни разу не упомянуть в романе партию, комсомол и самого «вождя народов»...

Вениамин Александрович Каверин родился в апреле 1902 года в Пскове, в семье военного капельмейстера Абея Зильбера и его жены Анны Дессон, владелицы магазина музыкальных инструментов. Он был самым младшим из шестерых детей и позже назовет их семью сложной, недружной, но в некотором отношении замечательной и весьма заметной в сонном провинциальном городе.

Глава семейства, человек музыкально одаренный, перебрался в Псков из Омска, где служил в пехотном полку. Две трети суток он самозабвенно репетировал в казармах с оркестром военные марши, так что домашним хозяйством и воспитанием отпрысков занималась, как могла, мама будущего писателя, которая тоже была музыкально одаренной и образованной женщиной. Выпускница Московской консерватории, она виртуозно играла на рояле и давала уроки музыки. А еще Анна Григорьевна организовывала в Пскове гастроли Веры Комиссаржевской и Федора Шаляпина. Благодаря ей все дети в семье умели играть на разных музыкальных инструментах, много читали. Младший, любознательный Веня, прислушивался к разговорам старших братьев и их друзей, среди которых выделялся Юрий Тынянов, ставший впоследствии замечательным историческим писателем и исследователем литературы. В те годы он являлся для Каверина непререкаемым авторитетом и наставником. А поз-

же они не только близко сошлись, но и породнились — женившись на сестрах друг друга. Тынянов первым, раскритиковав стихи 13-летнего Вени, посоветовал ему писать прозу и отметил у него хороший слог. По рекомендации Тынянова Каверин в 1920 году перешел из Московского университета в Ленинградский на историко-филологический факультет, после которого окончил еще «Ленинградский институт живых восточных языков» по отделению арабистики.

Кандидатская диссертация «Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского» была им на время отложена, ее он защитил в 1929 году. А семью годами раньше опубликовал свой первый рассказ «Хроника города Лейпцига за 18... год». Творческий псевдоним «Каверин» автор позаимствовал у гусара и дуэлянта Петра Каверина, приятеля молодого Пушкина, выведенного им под собственной фамилией в «Евгении Онегине». А вместе с этим псевдонимом начинающий писатель унаследовал от памятного прототипа смелость, прямоту и бескомпромиссность.

Институтские семинары, лекции, а еще — знакомства с писателями и рассказ «Одиннадцатая аксиома», который Каверин отправил на конкурс, объявленный Домом литераторов. Рассказ получил премию, но что еще важнее, его отметил Горький.

Литературная судьба Каверина складывалась удачно. В 23-м он из-

дал первую книгу рассказов «Мастера и подмастерья». Горький, внимательно следивший за творчеством молодого собрата, книгу похвалил, назвав автора «оригинальнейшим писателем». Имели успех и пьесы Каверина, которые брали в репертуар именитые театральные режиссеры. Сам Мейерхольд предлагал ему сотрудничество, однако Каверин отказался, сосредоточившись на прозе.

И — написал в 1928 году весьма своеобразное, искрящееся юмором произведение «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Написал фактически «на слабо», желая доказать, что жанр романа еще сохранил свой потенциал. Автор вывел здесь себя и своих приятелей под вымышленными фамилиями как представителей нового поколения, которые получили от большевистской власти право «не уважать отцов» и которые были «рождены одной эпохой, вскормлены другой и пытаются жить в третьей».

Временем действия романа выбрана 20-е годы, а в основу сюжета положены судьбы близких автору литераторов, студентов, преподавателей. В сущности, мы видим здесь образы нарождающейся советской интеллигенции. Все они пытаются найти свое место в стремительно меняющейся жизни. И все они находятся в неразрывной связи с темой революции. Но не все сумели реализовать свои способности, осуществить свое жизненное предназначение. Кто-то

опоздал, кто-то, наоборот, выступил слишком рано...

Каверин создал под покровом веселого дурачества достаточно грустный роман о попытке бунта некоторых его героев против напрасно прожитого времени, о людях, ушедших от самих себя. На вопрос, как им к себе вернуться, где и в чем искать счастье, уверенно набравший силу писатель ответил уже в трехтомнике повестей и рассказов, которым отметил свое 28-летие.

Тем не менее, в тридцатые годы талантливого прозаика рапповцы объявили литературным «попутчиком», приписав ему «жажду буржуазной реставрации». Обвинение было серьезным, за ним могли последовать репрессии. Уняв свою гордость, Каверин написал в оправдание идейно выдержанный роман «Исполнение желаний». Молодое, да и старшее поколение книгой зачитывались, но самокритичный автор назвал ее «инвентарем назидательности». И — засел за «Двух капитанов», главное и самое известное свое произведение, в котором показаны смелые путешествия и духовные искания советской молодежи довоенной и военной поры. Причем зловещий отблеск сталинской эпохи, нет-нет, да и ложится на овечьные романтикой полярных открытий и научных подвигов страницы романа.

«И теперь страшно мне вспомнить, что сделалось с матерью, когда она

узнала, что забрали отца. Она не заплакала, но зато, только «дядя» ушел, села на кровать и, стиснув зубы, сильно ударилась головой о стену. Мы с сестрой заревели — она даже не оглянулась. Бормоча что-то, она билась головой о стену. Потом встала, накинула платок и ушла».

Вот так, не радостно, а трагично начинается это проникнутое верой в будущее, пафосом беззаветного служения Родине просветленное произведение, вдохновлявшее поколения молодых читателей, избрав-

спондентом второй по значимости в стране газеты «Известия» (первой, понятное дело, являлся орган ЦК КПСС «Правда») он отправился на Ленинградский фронт, затем — на Северный флот, где помимо написания ярких статей и очерков, печатавшихся в центральной прессе, собирал материал для продолжения «Двух капитанов». В победном 1945-м ему вручили орден Красной Звезды.

В 1923 году молодой Каверин женился на сестре своего друга Юрия

Литературная судьба Каверина складывалась удачно. В 1923 году он издал свою первую книгу рассказов «Мастера и подмастерья». Максим Горький, внимательно следивший за творчеством молодого собрата, книгу похвалил, назвав автора «оригинальнейшим» писателем. Имели успех и его пьесы, которые брали в репертуар именитые театральные режиссеры.

ших девиз обаятельных героев «Двух капитанов»: «Бороться и искать. Найти и не сдаваться».

Вождь, по слухам, «Двух капитанов» похвалил и книге вручили Сталинскую премию с очень внушительным денежным эквивалентом. В последующие десятилетия нестарееющее произведение Каверина не раз экранизировали и даже сняли по нему телесериал.

Великую Отечественную войну Вениамин Александрович встретил уже литературным мэтром. Корре-

Тынянова Лидии, детской писательнице. Это был счастливый брак, в котором родились двое детей — сын и дочь. По стопам родителей они не пошли и выбрали медицину, стали профессорами, защитили докторские диссертации. Семья всегда была для Вениамина Александровича надежным тылом и опорой в неустанном творчестве, в его многотрудной борьбе за правду и справедливость, за честь и достоинство художника.

В смутный 54-й год после смерти Сталина и расстрела Берии, когда

*Серapiroновы
братья.
Слева направо:
К.А. Федин,
М.Л. Слонимский,
Н.С. Тихонов,
Е.Г. Полонская,
М.М. Зощенко,
Н.Н. Никитин,
И.А. Груздев,
В.А. Каверин*

еще никто не знал, куда ветер подует, Каверин на II писательском съезде выступил с призывом уважать свободу творчества и дать справедливую оценку литературному наследию Михаила Булгакова и Юрия Тынянова, пока еще находившихся в загоне.

Это было ему тем более непросто, что несколькими годами ранее его трилогия «Открытая книга» была встречена разгромными статьями и рецензиями, объявившими роман враждебным социалистическому строю, хотя читателям новое произведение Каверина очень понравилось.

В то время писатель уже переехал из Ленинграда в столицу, жил, в основном, на даче в Переделкино, где и трудился над «Открытой книгой», рассказывающей о становлении у нас в стране микробиологии. Первый том трилогии вышел в 1948 году, второй — в 56-м, на страницах

альманаха «Литературная Москва». Это была уже совсем другая эпоха — XX съезда партии, разоблачения Хрущевым культа личности Сталина и начала так называемой «оттепели» в искусстве и общественной жизни. Поэтому продолжение нашумевшего романа встретили спокойно.

Несмотря на романтическую приподнятость своих произведений, Каверин никогда не избегал в них острых конфликтов, связанных с проблемой выбора, с проблемой совести и нравственного идеала. Это в полной мере присуще «Открытой книге».

Как и в «Двух капитанах», центральными героями здесь выступают выходцы из социальных низов — умные, смелые и благородные люди, сумевшие не только развить в себе лучшие качества, преуспеть в любимой профессии, совершить научные открытия, но и вывести на свет истину, вопреки упорному противо-

действию интриганов и приспособленцев.

Подобно «Двум капитанам», «Открытая книга» тоже может быть причислена к приключенческому жанру. И главная героиня книги Таня Влащенко обладает теми же отличительными чертами, что и Саня Григорьев из предыдущего романа. Она энергична, талантлива, честна и глубоко порядочна, верна в дружбе и любви. Вот только жизнь у Тани сложилась куда тяжелее и трагичнее, чем у ее литературного предшественника.

В этой огромной эпопее есть и острый сюжет, и таинственные письма, и загадочное убийство, и влекущая героиня, и набор других сюжетных перипетий, которые под камуфляжем развлекательного чтения уводили серьезный смысл и злободневность этого масштабного произведения от возможных цензурных обстрелов...

В 60-е годы, уже при Брежнев, писатель опубликовал в «Новом мире», лучшем литературном журнале страны, возглавлявшемся тогда А.Твардовским, острые статьи, в которых пытался реабилитировать Зощенко. А в 70-е не побоялся выступить в защиту преследуемого властями Солженицына. Возраст и житейский комфорт не умили его демократический настрой, его бойцовский характер. В художественном же творчестве Каверина поздних лет зазвучали поистине исповедальные ноты.

В 1972 году он подарил читателям пронзительно искренний роман «Перед зеркалом», а в 76-м — автобиографическую повесть «Освещенные окна». Детство и юность автора показаны здесь на фоне больших исторических событий, которые, собственно, и подтолкнули его к первым литературным опытам. Вдумчиво и взволнованно вглядывается писатель в свое далекое прошлое. Порой не без иронии.

«Я вспомнил, как незадолго до Первой мировой войны семья стала клониться к упадку... Мелочи, казавшиеся давно забытыми, возникли перед моими глазами: шпаги отца, которыми мы фехтовали, — при парадном мундире он должен был носить шпагу,...пепельница из крышки черепа, исписанная изречениями; длинная запаянная трубка с розовой жидкостью — эти предметы стояли и лежали на письменном столе старшего брата. На черепе красными чернилами было написано: «Memento mori». Старший брат говорил, что розовая жидкость — это яд кураре».

Впечатляющую попытку зафиксировать нечто ускользающее, восстановить фрагмент ушедшей эпохи, сделать читателя свидетелем удивительно глубокого любовного чувства, протянувшегося сквозь годы, представляет собой роман в письмах «Перед зеркалом». В основу его легли реальные письма одной художницы, которая, живя в эмигра-

ции, поддерживала общение с другом юности. Каверин тактично и убедительно «развил» эти письма, создал внутри них художественную ткань, пронизав ее увлекательным сюжетом.

Перед нами — подающая надежды в живописи молодая Лиза Тураева, пылкая, порывистая, и талантливый

да мы танцевали венгерку, мне было страшно, что Вы потеряете свое пенсне...»

«Верлиока», «Немухинские музыканты», «Песочные часы». Волшебные сказки Каверина, написанные им под конец жизни, расходились по всему Советскому Союзу и были

Молодой Каверин был женат на сестре своего друга Юрия Тынянова Лидии. Это был счастливый брак, в котором родились двое детей — сын и дочь. По стопам родителей дети не пошли и выбрали медицину, защитив впоследствии докторские диссертации и став профессорами. Семья всегда была для Вениамина Александровича надежным тылом и опорой в неустанном творчестве, а также в его борьбе за правду и справедливость, за честь и достоинство художника

математик Константин Карновский, сдержанный, рассудочный. У каждого из героев встает проблема личного выбора в сложную и противоречивую эпоху судьбоносного выбора страной дальнейшего пути. Причем читаем мы только письма Лизы и из них узнаем о содержании писем Константина.

«Костя, какие разные Ваши два письма. Первое — восторженное, а второе — такое унылое, как будто Вы что-то дорогое потеряли... На праздниках я, как и в прошлом году, была на балу в мужской гимназии... тот вечер вспоминается мне, как будто я прочитала о нем в какой-то книге... Вы пригласили меня... и.., ког-

прочитаны едва ли не каждым пионером, маршировавшим строем под звуки горна и мечтавшим о подвигах. В сказках писатель продолжал основную тему своего творчества — тему поиска правды.

Юным читателям он, весьма прямолинейно, однако без дидактики и морализаторства, доходчиво разъяснял, где добро, а где зло, кому надо в ладоши хлопать, а кого наказывать. Это сказки, в которых реальность и вымысел неразрывно связаны. Причем в совершенно обычную жизнь вдруг врываются настоящие чудеса, настолько органичные, что воспринимаются современными

ми школьниками — какими-нибудь Петькой и Таней или Старым Трубочным Мастером, Пекарем и другими взрослыми персонажами совершенно в порядке вещей.

Последним крупным произведением писателя явилась мемуарная книга «Эпилог». Ее он писал в 70-е, писал «в стол», без надежды опубликовать, поскольку подверг в ней жесткой критике за конформизм, отступничество многих мэтров литературы. Подводя итог прожитой жизни и творчеству, он создал фактически энциклопедическую панораму литературного процесса минувшей эпохи, создал сердцем. Оттого так интересно читать, о чем думали, во что верили его собратья по перу

Книга, отличающаяся отточенным каверинским стилем, открывает нам много Каверина. В своих художественных произведениях он все же старался оставаться в тени героев. В «Эпилоге» мы видим в лице автора, прежде всего, человека и

гражданина, предельно честного, но не лишённого слабостей и сомнений, стремящегося разобраться в хитросплетениях Времени.

О публикации «Эпилога» в СССР не могло быть и речи, однако печатать мемуары за границей Каверин не хотел и передал рукопись на хранение известному прозаику, автору бессмертного «Чонкина» Владимиру Войновичу, отправленному в принудительную эмиграцию. Книга вышла у нас в 1989 году, Вениамин Александрович успел дождаться сигнального экземпляра...

Каверин не переставал писать до последних дней жизни, но осуществить все замыслы ему не удалось. Прощальная книга о Тынянове, дружбу с которым писатель пронес через деся-

тилетия, осталась неоконченной. Люди, знавшие его, говорили, что литературу он любил намного больше, чем собственное творчество, которое никогда не переоценивал. Мог откровенно рассуждать о своих неудачах, к коим относил, например, даже столь успешную «Открытую книгу». «Если бы я писал, как Бунин! Но этого нет, — заметил он однажды поэту М. Синельникову, — и в нынешнем своем положении я могу

только любить русскую литературу и служить ей».

Вениамин Александрович умер на 89-м году жизни весной 1989-го. Могилу Каверина на Ваганьковском кладбище в Москве украшает гранитная плита с автографом его подписи, той же, что воспроизводится на обложках разных изданий каверинских произведений, которые по-прежнему востребованы массовым читателем.

Вениамин Каверин

СИЛА СИЛЬНЫХ

Неделю назад он защищал диссертацию на тему «Древнейшие сказания германского народа». Аудитория была полна, и старый Кирпичников, открывая заседание, сказал длинную изящную фразу о своих учениках, сменивших перо на винтовку и с одинаковым успехом сражающихся на фронтах войны и науки.

Аня тоже была на защите. Она сидела как на иголках, потому что скоро нужно было бежать кормить это удивительное, некрасивое, сморщенное существо, которое только-только появилось у них в комнате, а уже заставляло всех думать о нем, смотреть на него и улыбаться. Он делал ей знаки, что пора, но она кивала, смеялась и все сидела, раскрасневшаяся, счастливая.

Несколько раз ему приходила в голову досадная мысль, что, пожалуй, его так не расхваливали бы, если бы он не приехал с фронта. Но ведь работа в самом деле была, кажется, недурна — все-таки он первый установил связь готской саги об Эрманрихе с легендой о Нибелунгах. Как бы то ни было, он был единогласно избран кандидатом наук, и Кирпичников

в заключительном слове сказал, что, в сущности, это докторская диссертация, не хватает только более подробного анализа скандинавских источников, в частности песен Эдды.

После защиты он растерялся от поздравлений и позвал к себе слишком много гостей. Негде было даже усадить их в маленькой комнате, полной книг и пеленок.

Все это было ровно неделю назад. Да полно, было ли это? Мертвое, изрытое снарядами поле лежало перед ним, земля, на которой был посеян и взошел хлеб, сгоревший и развеявшийся по ветру вместе с пороховым дымом, земля, на которой было сделано все, чтобы человек не мог существовать.

По одну сторону этого отрезка земли лежали, прячась за глинистыми буграми, немецкие солдаты, пришедшие в чужую, далекую страну по приказу своих командиров, уничтожающие, грабящие, сжигающие все на своем пути, живущие лишь сегодняшним днем, не желающие смотреть в глаза будущему, которое грозило им гибелью и позором. Их было немало, не меньше взвода.

Напротив них, по эту сторону мертвого ржаного поля, лежал только он один, кандидат филологических наук, младший лейтенант Лев Никольский.

Он был окружен и по всем правилам той войны, которую немцы вот уже более двух лет вели на континенте Европы, должен был сложить оружие и сдаться в плен победителям. Но он не считал себя побежденным. Пулемет еще работал, а если бы и замолчал, в ход пошли бы винтовки и гранаты.

Двенадцать мертвых товарищей, еще вчера вместе с ним защищавших этот голый кусок земли с одинокой березой, лежали здесь и там вдоль траншеи. Тринадцатый был еще жив. Это был разведчик Петя Данилов, любимец всего полка, талантливый и умный юноша, писавший стихи и читавший их вслух в самые горячие минуты боя.

Теперь он лежал, раненный в грудь, и смотрел в небо, осеннее, но ясное, с редкими, освещенными снизу облаками.

Береза вздрагивала от выстрелов, и желтые листья время от времени падали на раненого. Один лист упал на лицо, но Петя не смахнул его, не пошевелился.

«Умер?» — оглянувшись и увидев это бледное спокойное лицо, на котором лежал желтый лист, подумал Никольский.

В одну из редких пауз тишины он подполз к Пете и, смахнув лист, взял Петю за руку:

— Ну, как ты, а?

— Ничего, — чуть слышно ответил Петя. — Дышать трудно. Послушай... — Он помолчал, потом стал с трудом вынимать из кармана гимнастерки бумаги. — Тут мои стихи остались. Если уйдешь, пошли их вместе с письмом, ладно?

Накануне он долго писал это письмо, и Никольский знал, что он пишет девушке, которая часто приходила к нему, еще когда часть формировалась в Ленинграде.

— Ладно, pošлю. Пить хочешь?

Он поставил подле Пети кружку с водой и вернулся к пулемету.

Должно быть, не больше пяти минут он провел с Петей, а уж немцы, воспользовавшись тем, что пулемет замолчал, намного продвинулись к траншеям. Никольский дал очередь, другую. Они залегли.

Слева, метрах в двухстах от березы, находилось немецкое орудие. Правда, оно стреляло не по траншее, а в глубину, туда, где на горизонте были видны темные, еле дымящиеся развалины горящей деревни. Но в любую минуту оно могло ударить и по траншее, которую защищала часть, состоящая из двенадцати убитых, одного смертельно раненного и одного живого. «Эх, подобраться бы к этому орудью!» И тропка была, вот там, где за выходами бурой взрытой земли начиналось болотце с высокой травой. Но нечего было и думать. Никольский понимал, что немцы захватят траншею, едва только замолчит пулемет.

Но когда начало темнеть, он невольно вернулся к этой мысли. Солнце заходило, и, обернувшись, он увидел, как под легким ветром клонилась трава на болотце. Теперь тропка была почти не видна. Ему показалось, что Петя зовет его, он оглянулся и ответил шепотом: «Что?» Петя замолчал. Но прошло несколько минут, и слабый голос снова произнес что-то. Никольский прислушался, и в первый раз его сердце дрогнуло, он крепко сжал зубы, закрыл глаза, чтобы справиться с невольным волнением. Петя читал стихи. Он бредил, но голос был ясный, звонкий.

Есть улица в нашей столице,

Есть домик, и в домике том

Ты пятую ночь в огневице

Лежишь на одре роковом, — читал он, закрыв глаза, и каждое слово доносилось отчетливо, плавно.

— Петя, Петя... — взяв его за руку, тихо сказал Никольский.

Петя открыл глаза. Глаза были туманные, и одно мгновение он смотрел на Никольского, не узнавая. Потом очнулся и чуть слышно спросил:

— Что?

— Петенька, голубчик... Ты меня слышишь? Пулемет нельзя оставить, а то бы я к ним с тылу зашел. К тому орудию, понимаешь? А так все равно конец. Ты не можешь?.. — Он не окончил, такой бессмысленной вдруг показалась ему эта мысль.

Петя приподнялся на локте. Он хотел что-то сказать, но промолчал и, часто, трудно дыша, стал садиться. Волосы упали на лоб. Никольский откинул их и, держа его лицо в руках, говорил что-то, не слыша себя, беспорядочно и быстро.

— Петенька, — говорил он, — милый...

— Дай-ка воды, — отчетливо сказал Петя.

У него было потемневшее, страшное лицо, когда, сунув руку в кружку с водой, он начал водить по лицу, по глазам. Потом вылил воду на голову и, тяжело опершись на Никольского, пополз к пулемету.

— Есть. Иди, — сказал он, схватившись за ручки пулемета, — а я... Да иди же, — нетерпеливо повторил он, видя, что Никольский медлит, и дал очередь. — Видишь? Все в порядке. Я еще покажу им...

Пробираясь по траншее к болотцу, Никольский услышал Петин голос между двумя пулеметными очередями:

Не снятся ль тебе наши встречи

На улице в жуткий мороз,

Иль наши любовные речи

И ласки, и ласки до слез?

Должно быть, Петя переоценил свои силы, потому что пулемет замолчал, едва только Никольский добрался до выхода из траншеи. Пулемет замолчал, и, не теряя ни минуты, немцы пошли в атаку. Притаившись за большими комьями мокрой земли, Никольский видел, как, стреляя из автоматов, они набежали на траншею и, мешая друг другу, стали прыгать в нее.

Не остерегаясь больше, он поднялся и, сжав зубы, смотрел, как немцы кололи убитых, стреляли в них. И вот... Сердце у него замерло. Высокий худой солдат наклонился над Петей, который, уткнувшись в землю лицом, лежал у пулемета. Потом немец выпрямился. Нож блеснул — раз, другой, третий... Он колот ножом! Лицо уже было залито кровью, а немец все поднимал свой нож — высоко, неторопливо, как будто целясь. В глаза? В сердце?

Никольский вскрикнул и прикусил губу. Все стало для него другим в эту минуту. Он не спал трое суток и почти ничего не ел. Еще полчаса назад он лишь мучительным усилием воли заставлял себя стрелять, следить за своими движениями, думать. Теперь все переменялось. Он снова был

свеж и бодр. Время, тянувшееся бесконечно долго, вдруг разделилось на самые короткие секунды, и сердце билось в такт этим секундам, отчетливо и мерно.

Втянув голову в плечи, он мягко опустился в траву и бесшумно пополз, скорее угадывая, чем видя чуть примятую, пересекавшую болотце тропинку. Редкие выстрелы автоматов еще слышались в траншее — на всякий случай немцы продолжали стрелять в мертвых. Но для него во всем мире наступила одна огромная тишина, и в этой тишине оглушительно громко билось его сердце. Он подобрался к оружию сзади и некоторое время лежал, слушая, как разговаривали немцы. Он ждал, когда весь расчет соберется подле оружия. Минута, другая... Он приподнялся и бросил одну гранату, потом сразу вторую. Все, что произошло потом, было похоже на сон, и это был самый лучший и радостный сон в его жизни.

Немцы были захвачены врасплох, и первым же снарядом из уже заряженного оружия он убил сразу человек двадцать. Петино лицо, бледное, с прядью белокурых волос, упавших на лоб, стояло перед ним, и не было ничего выше, благороднее во все времена, во всем мире, как убивать и убивать фашистов. Он убивал с восторгом, с радостью, с чувством полного, еще никогда не испытанного счастья.

За стихи, которые Петя читал между пулеметными очередями, за дымящиеся развалины сожженной деревни, за ограбленных женщин и детей, бродящих по лесам без крова и пищи, за горе каждой семьи, за разлуку с близкими, за Аню с маленьким сыном, которых он, быть может, больше никогда не увидит...

Из газет:

«Младший лейтенант Лев Никольский на одном из участков Ленинградского фронта, будучи окружен фашистами, в течение суток один держал укрепленный рубеж. Оставив у пулемета раненого товарища, Никольский подобрался с тыла к небольшому немецкому оружию и, овладев им, прямой наводкой уничтожил до 50 немцев. Рубеж был удержан до прихода наших подкреплений». □

Полет горного орла

На одной из узких, извилистых улочек курортной Алупки, спускающихся к Черному морю, расположился необычный музей. Найти его непросто, но побывать в нем обязательно стоит: посвящен он уникальному человеку, легендарному летчику-асу, дважды Герою Советского Союза Амет-хан Султану.

Амет-хан Султан

СТАЛИНСКИЙ «КРАСНЫЙ СОКОЛ»

Знаменитый герой Великой Отечественной за годы войны сбил 49 немецких самолетов, став одним из самых результативных советских воздушных асов. Он был местный, из

Алупки. Здесь, у самого подножия величественной крымской горы Ай-Петри, Амет-хан Султан и родился в далеком 1920 году.

Выпускник базировавшегося под Севастополем и по праву считавшегося одним из лучших в стране Качинского военного авиационного

Амет-Хан Султан, 1941

училища (знаменитой «Качи», как ласково называли его между собою будущие воздушные асы), Амет-хан Султан буквально с первых дней грянувшей войны оказался в самой гуще событий. Война застала его в Молдавии, затем он защищал небо Ростова-на-Дону.

Свой первый подвиг молодой летчик, которому было всего двадцать с небольшим, совершил в ярославском небе: на исходе весны, 31 мая 1942 года, несколько фашистских бомбардировщиков смогли прорваться в советский тыл и уже готовились разбомбить древний Ярославль. На перехват вражеских стервятников тут

же выдвинулись «красные соколы». Но сбить мощный и хорошо маневренный юнкерс-88 под управлением опытного вражеского пилота все никак не удавалось. Судьба мирного Ярославля висела буквально на волоске. И тогда Амет-хан Султан, израсходовав весь имевшийся боезапас, бесстрашно пошел на таран: на своем одноместном «харрикейне» (эти самолеты поставлялись в СССР из Британии по ленд-лизу) он зашел под вражеский бомбардировщик и с силой ударил его. Советский самолет застрял в загоревшемся самолете врага, и они оба камнем рухнули вниз. Невероятно, но после воздушного тарана Амет-хан Султан остался жив: успел катапультироваться и вскоре снова был в строю.

А сбитый героем вражеский юнкерс (кстати, это был первый фашистский самолет, сбитый в небе над Ярославлем) выставили для всеобщего обозрения в самом центре Ярославля, на Советской пло-

щади. В память об этом событии, уже в наши дни, в 2010 году, в Ярославле был установлен памятник. Ну а самого юного героя после легендарного тарана наградили орденом Ленина, почетной грамотой и именными часами. Тогда-то вся страна и узнала об отважном летчике с необычным именем. Впрочем, Амет-хан Султан очень переживал, что потерял в том бою свой истребитель, поскольку другие советские воздушные асы, выполняя таран, умудрялись сажать свой самолет сверху на самолет врага, разрушая тот с помощью шасси, и даже садились после тарана на землю на своем самолете. Как вспоминал впоследствии Амет-хан, он отчетливо понял свою «ошибку»: «если бы таранил сверху, как делают другие, то, глядишь, приземлился бы на своем самолете».

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ, НАЧАЛО НАЧАЛ

Отец героя Султан был лакцем, родом из Дагестана, а мать Насибе — крымской татаркой. Уже став известным, на вопрос знаменитого поэта Расула Гамзатова «чей ты?» Амет-хан Султан отвечал так: «Я герой не татарский и не лакский. Я — Герой Советского Союза. А чей сын? Отца с матерью. Разве можно их отделить друг от друга?» Впрочем, и в Дагестане, и в Крыму Амет-хана Султана считают своим национальным героем. Кстати, возникшая уже в наше время добрая традиция давать аэропортам названия в честь национальных героев имеет самую, что ни на есть, прямую связь с героем нашего повествования. Международный аэропорт в столице Дагестана Махачкале стал первой воздушной

гаванью в России, которая еще в 1996 году получила свое персональное имя — в честь дважды Героя Советского Союза Амет-хана Султана, бюст которого спустя два года был установлен перед входом в главную воздушную гавань Дагестана.

Хотя, если уж быть предельно точным, во всех официальных документах и в паспорте советский воздушный ас был записан как татарин. Над своим звучным именем и фамилией Амет часто шутил: «Я сам и хан, и султан!» Впрочем, без путаницы все же не обошлось. Дело в том, что свое имя будущий герой получил в честь деда. Как установили изучавшие биографию героя историки, правильное написание имени и отчества советского летчика должно быть таким: Амет Султанович Амет-

хан. Но при приеме в Качинское летное училище данные на курсанта были записаны по крымско-татарскому обычаю — вначале собственное имя, а затем имя отца. В результате возникла путаница, и имя отца стали считать именем Героя.

БЕССТРАШНЫЙ ГОРНЫЙ ОРЕЛ

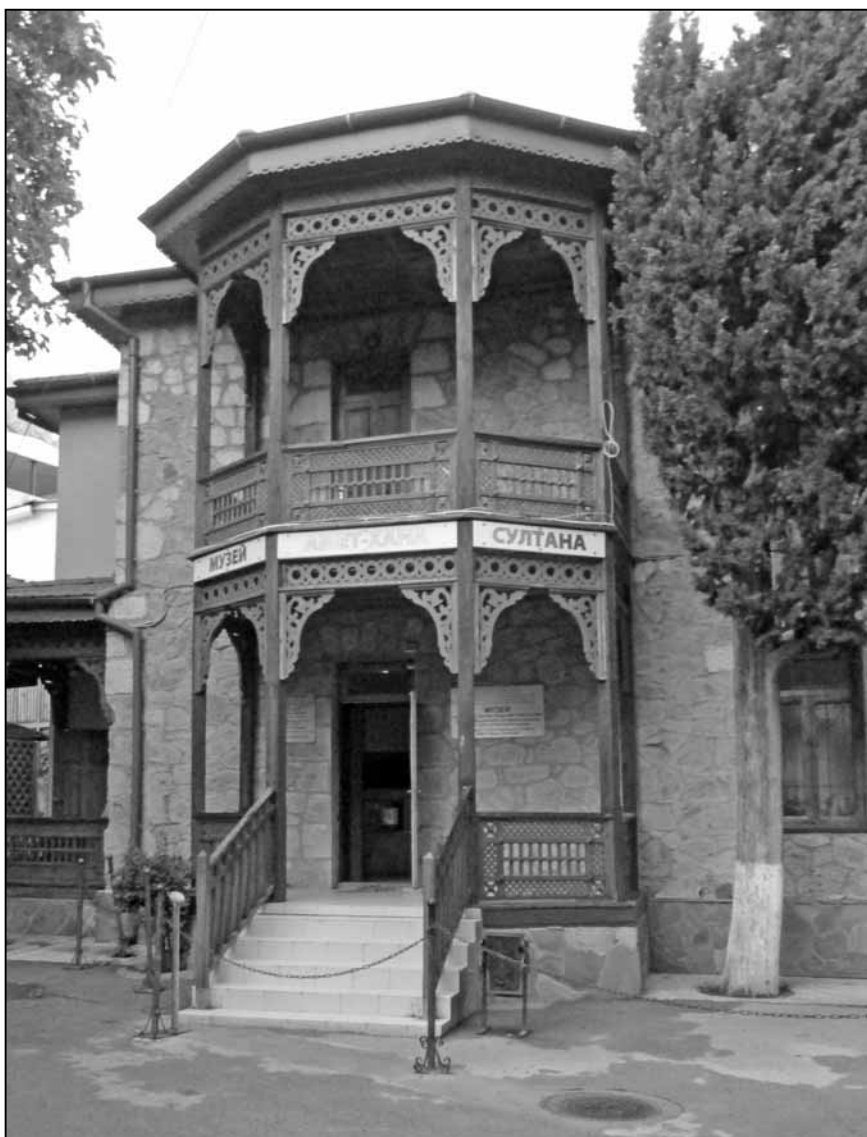
Уже летом 1942 года Амет-хан Султан воевал под Воронежем, а затем оказался в самой гуще Сталинградской битвы. Здесь он зарекомендовал себя как опытный воздушный ас и был включен в состав 9-го гвардейского авиационного истребительного полка, своеобразной сборной лучших советских летчиков, созданной для противодействия немецким асам.

В небе над Сталинградом Амет-хан Султан был сбит. И снова судьба сохранила его: летчик второй раз спасся с помощью парашюта.

В октябре 1942 года Амет-Хан Султан стал командиром 3-й эскадрильи своего полка, в составе которого он и провоевал до Победы. За бесстрашную тактику атаки врага молниеносным пикированием с высоты командуящий 8-й воздушной армией генерал Тимофей Хрюкин разрешил Амет-хан Султану нарисовать на фюзеляже своего самолета орла. 24 августа 1943 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с врагом, Амет-хан Султан был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После Сталинграда в составе своего полка отважный

летчик участвовал в освобождении Кубани, Северного Причерноморья, а затем и родного Крыма. Попутно он осваивал самые разные типы воздушных судов: и родных советских, и ленд-лизовских американских с британскими, и трофейных немецких. В январе 1944 года в паре со своим ведомым, Героем Советского Союза Иваном Борисовым, Амет-хан заставил приземлиться на свой аэродром немецкий связной самолет «Шторх». После краткого знакомства с незнакомой для него машиной летчик совершил на ней самостоятельный полет.

Беда пришла, откуда не ждали. Внезапно. После освобождения Красной армией Тавриды началась депортация крымских татар. Амет-хан Султан как

раз был в отпуске в родной Алушке и стал свидетелем депортации татарского народа. Родителей героя, к счастью, не тронули: поскольку его отец был лакцем, то формально семья не считалась крымско-татарской, а значит — не подлежала депортации. Увы, национальность самого героя еще не раз потом аукнулась в сталинское время.

Войну Амет-хан Султан завершил в небе над Берлином: 29 апреля 1945 года на новейшем истребителе «Ла-7» сбил над аэродромом «Темпельхоф» немецкий истребитель «Фокке-Вольф 190».

Всего за годы войны Амет-хан Султан совершил 603 боевых вылета, провел 150 воздушных боев. Вскоре после победы, 29 июня 1945 года, гвардии майор Амет-Хан Султан был награжден медалью «Золотая Звезда» во второй раз.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Война закончилась, наступила долгожданная победа. Надо было устраиваться, находить свое место в мирной жизни. Однако именно с этим оказалось более чем непросто, и прославленный герой Великой Отечественной остро чувствовал свою неустроенность. И даже, вроде бы, как и ненужность.

После окончания войны лучшие советские летчики-асы по распоряжению Верховного главнокомандующего были направлены на дальнейшую учебу в академии, и Амет-хан в

августе 1945 года стал слушателем Военно-воздушной академии в Монино. Но быстро понял, что, попросту говоря, не потянет, и уже в начале 1946 года подал рапорт, в котором указал: «Трезво взвешивая уровень своих знаний, не вижу возможности дальнейшей учебы. Поэтому прошу отчислить меня, так как не уверен, что выдержу пять лет учебы в академии». Его рапорт удовлетворили, и в апреле 1946 года Амет-хан Султан был уволен в запас.

Но жить без неба горный орел не мог и пытался вернуться в строй. Долгое время ему это не удавалось, он уже опустил руки и впал в тяжелую депрессию, но спасли друзья. С их помощью советский воздушный ас с февраля 1947 года стал летчиком-испытателем в специализированном Летно-исследовательском институте в подмосковном Жуковском.

За последующие несколько лет, тестируя новейшие на тот период опытные образцы военной техники, он выдвинулся в когорту лучших летчиков-испытателей страны. И уже в сентябре 1952 года Амет-хан Султан стал летчиком-испытателем 1-го класса. Сказать, что его работа была опасной — значит, не сказать ничего. Неоднократно он отрабатывал систему катапультирования с различной военной техники. Несколько раз был на краю гибели и чудом оставался жив. Судьба словно оберегала его для новых свершений.

В июне 1949 года Амет-хан Султан вместе со своим напарником, летчиком-испытателем Игорем Шелестом, на самолете «Ту-2» провели первую в мире полностью автоматизированную дозаправку в воздухе. А в конце того же года Амет-хан Султан вместе с Героем Советского Союза Яковом Верниковым впервые провели полет на опытном всепогодном двухместном истребителе-перехватчике «И-2».

В 1951–1953 годах совместно с другими советскими воздушными асами наш герой участвовал в испытаниях уникального пилотируемого самолета-снаряда «Комета». Под самолет Ту-4КС (самолет-носитель) подвешивался самолет-снаряд, самолет-носитель набирал высоту в 3 километра, после чего самолет-аналог отцеплялся. После одной такой отцепки двигатель самолета-снаряда не запустился, и лишь благодаря выдержке Амет-хана, не покинувшего машину, а продолжавшего попытки запуска двигателя, у самой земли был спасен. За проведение серии этих испытаний Амет-хану Султану планировали дать третью звезду Героя Советского Союза, но пятая графа сыграла свою роковую роль, и ему была присуждена Сталинская премия 2-й степени.

За годы летной работы Амет-хан Султан освоил свыше 100 типов летательных аппаратов, его налет составил 4237 часов. Он участвовал в испытаниях первых образцов советской ракетной техники. Не случайно

вскоре после своего исторического полета Юрий Гагарин вместе с Алексеем Леоновым приезжали в гости к Амет-хан Султану, обращаясь к знаменитому летчику ласково «Батя»: кадры любительской кинохроники сохранила для нас история.

Приближалось 50-летие, время подводить жизненные итоги. Друзья советовали знаменитому асу уходить на покой и наслаждаться жизнью. Но дважды Герой Советского Союза и в зрелом возрасте не мыслил себя без неба и рассказал старую притчу о горном орле, который, чувствуя приближение смерти, устремляется в самую высь, а затем, сложив крылья, камнем падает вниз. Увы, слова оказались пророческими: в начале 1971 года Амет-хан Султан при выполнении под Егорьевском испытательного полета на летающей лаборатории Ту-16 погиб.

...Героя не стало, но память о нем осталась... □

ТРИ ВЕКА МИФОВ И ЛЕГЕНД

С момента появления на свет одного из самых известных за более чем тысячелетнюю историю правителей России Петра I минуло уже три с половиной века. Между тем, споры о его роли и значении для судьбы Отечества не утихают до сих пор, а мы продолжаем относиться к этой масштабной исторической фигуре (уникальный случай!) практически как к живому современнику. Почему так происходит? Давайте разбираться вместе.

О Петре I (1672–1725), последнем царе всея Руси и первом императоре Российской империи (с 1721 года), давным-давно написаны сотни книг и тысячи статей. Петр Алексе-

евич Романов прожил жизнь очень яркую, необычную, полную самых разных событий. Радостных и печальных, счастливых и откровенно жутких.

Даже по меркам той очень далекой от нас эпохи восемнадцатого столетия последний русский царь и первый российский император прожил немало — всего-то 52 года. Его жизнь действительно оборвалась на пике, на самом взлете. На взлете его грандиозных задумок, планов, несбывшихся и нереализованных идей, начинаний и свершений. От похода в Индию до фактории на Мадагаскаре.

А вот умирал Петр Великий страшно. Боли были нестерпимыми, и кричал этот мужественный правитель России так, что слышно было даже случайным прохожим поблизости от Зимнего дворца. Не того роскошного, растреллиевского, что мы видим сейчас, а самого первого, петровского, так называемого Старого дворца Петра I. Из-за своих скромных форм и размеров, да к тому же еще и неоднократно перестроенный-переделанный за прошедшие почти три столетия, он полностью теряется на фоне роскошного дворцового ансамбля Романовых, известного всем и каждому ныне как Эрмитаж.

По официальной версии, причиной стала пневмония, вызвавшая обострение мочекаменной болезни. А по неофициальной... до сих пор, спустя почти три века (!), ходят слухи об отравлении первого российского императора на фоне его острого простудного недуга. Жуткая смерть Петра I, увы, не выдумка, а свидетельства очевидцев последних дней земной жизни некогда всесильного, самодержавного властелина им же созданной Российской империи.

Естественно, что горевали далеко не все, напротив, многие (в первую очередь противники петровских реформ) так и вовсе откровенно радовались. Разумеется, не на показ, не публично, а тайно, про себя. Часть общества, например, гонимые властью старообрядцы, так и вовсе вполне серьезно считали Петра Антихристом. А во многих внешних формах проводимых им преобразований жизни и быта россиян (будь то, к примеру, немыслимое, невозможное бритье бород или табакокурение, за которое при предыдущем правителе, отце Петра I Алексее Михайловиче, рвали ноздри) искали и находили признаки правоты своих дум, мыслей и рассуждений о скором конце света. Отсюда же происходят до сих пор циркулирующие нелепые слухи и сплетни о якобы подмене юного царя Петра за границей во время Великого посольства на иностранного лазутчика-диверсанта, который по возвращении на Святую Русь и стал проводить свои дьявольские реформы.

О причинах внезапной болезни, поразившей физически крепкого и совсем нестарого (даже по меркам той эпохи) мужчину, спорят до сих пор.

Напомним кратко о тех событиях. Поздней осенью, в ноябре 1724 года, император Петр Великий, находившийся в зените своей славы и могущества, вместе со свитой совершал морской вояж в окрестностях основанного им престольного града Санкт-Петербурга. Финский залив мелководен и неширок: неподалеку

от его северного берега государь увидел терпящих бедствие на утлом суденышке рыбаков. Шансов на спасение в ледяной морской воде у них не было, казалось, никаких. И вот император Петр, несмотря на протесты своей свиты, лично бросился в студеные воды уже замерзающего залива и стал спасать несчастных рыбаков.

Лахты, уже при императрице Екатерине II, был найден гигантский валун-мегалит — Гром-камень, ставший основой для пьедестала знаменитого Медного всадника Этьена Фальконе на Сенатской площади. Транспортировка Гром-камня до северного побережья Финского залива, а затем и морская перевозка гигант-

Петр I в бурю на Ладожском озере. 1829. Старинная гравюра

Этот поступок говорит очень о многом: о Петре I как о человеке и о правителе России. И многое объясняет в его действиях как государственного, так и личного характера.

Кстати, побережье Финского залива, у которого Петр Великий спас поздней осенью рыбаков, называлось Лахта. С ним связаны удивительные метаморфозы российской истории. Именно в окрестностях

ского валуна весом порядка в 1500 тонн через залив в центр Петербурга — отдельная, захватывающая детективная история. Торжественное открытие в Петербурге памятника Петру I состоялось в 1782 году, что тоже было совсем неспроста. Екатерина II приурочила сие мероприятие к столетию восшествия своего царственного предка на российский престол. И Медный всадник, став-

ший с той самой поры одним из самых узнаваемых образов-символов российской столицы той эпохи, до сих пор самый известный и выразительный памятник Петру I.

Последствием переохлаждения от пребывания в ледяной воде стала простуда, от которой государь вроде бы как излечился. А затем, уже в начале следующего 1725 года, последовала новая, внезапная болезнь, из-за которой к концу января правителя России не стало. Версии о причинах болезни, а затем и смерти Петра I при этом выдвигались и выдвигаются самые разные: от не долеченной во время простуды до коварной двор-

апологеты, Россия очутилась в новой реальности. А дальнейший вектор развития государства во многом зависел от того, какая из двух тенденций развития страны возьмет верх: допетровская (во многом изоляционистская) или петровская — европоцентричная, ориентировавшая Россию на стремительное превращение в одну из ведущих держав мира. (Кстати, как только представилась возможность, часть русской знати, воспользовавшись отъездом в начале 1728 году из Петербурга юного внука Петра Великого, царя Петра II вместе с двором на коронацию в Москву, тут же сбежа-

Скончиной Петра, которого при жизни называли Великим и Отцом Отечества, Россия очутилась в новой реальности. Дальнейший вектор развития государства во многом зависел от того, какая из двух тенденций развития страны возьмет верх: допетровская (во многом изоляционистская) или петровская, ориентировавшая Россию на стремительное превращение в одну из ведущих держав мира

цовой интриги его ближайшего окружения, воспользовавшегося недугом своего правителя. И далее диапазон версий невероятно широк: от залечивших до смерти царя-батюшку «дохтуров» до циничного, тайного отравления.

Но суть не в этом, а в том, что с кончиной Петра, которого при жизни стали называть Великим и Отцом Отечества отнюдь не только его

ла из ненавистного им «города на болоте». В те три года, 1727–1730, недолгого правления мальчика-царя (хотя реально правили страной люто враждовавшие между собою аристократические группировки) решался вопрос не только существования Петербурга, но и вектора развития России, заданного Петром I. Как известно, история не терпит сослагательного наклонения, но имен-

но в то время она вполне могла повернуться вспять. Хорошо известно, что оставленный без должного ухода и заботы Петербург при Петре II, фактически перенесшим столицу в Москву, стал стремительно ветшать и деградировать. Судьба петровских реформ, их идеологическое и политическое значение висело буквально на волоске: в той же соседней Швеции вновь подняла голову партия, желавшая пересмотра условий Ништадтского мира, ликвидации русского флота на Балтике, да и самого выхода России в море, ну и, само собой разумеется, возвращения в лоно своей державы отвоеванных Россией в ходе длительной и кровопролитной Северной войны балтийских территорий. К счастью для России, этого не случи-

лось: правление Петра II, интересовавшегося преимущественно охотой и развлечениями, было недолгим, а пришедшая на смену мальчику-императору приглашенная из Митавы Анна Иоанновна, племянница Петра I, вернула русский двор в Петербург. А заодно смогла и восстановить общий внутренний и внешний вектор развития государства, заданный ее царственным дядей.

В.П. Худояров. Император Петр I за работой. 1860-е гг. Старинная гравюра

То, что мы относимся к Петру Великому практически как к нашему современнику, подтверждает один простой факт. В обыденном, или, проще говоря, обывательском смысле очень многие до сих пор (!) убеждены в том, что Санкт-Петербург назван в честь Петра I. И хотя это совершенно не так, в этот миф продолжают верить. Исторические мифы на самом деле — вещь невероятно устойчивая и живучая. На самом деле история основания и названия в мае 1703 года нового города на Неве — Санкт-

Петербург, в честь небесного покровителя царя, апостола Петра, была хорошо известна с самого начала, еще в петровскую эпоху, при жизни самого основателя. Вот в чем исторический парадокс, делящийся уже более трех веков.

Известный историк XIX столетия, издатель, журналист и публицист Михаил Погодин в 1841 году в своей работе о Петре Великом сказал так: «Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 г. Петр велел считать годы от Рождества Христова, то есть от января.

Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он; шерсть настрижена от овец, которых развел он.

Попадается на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний церковный.

Приносят газеты — Петр Великий их начал.

Вам нужно купить разные вещи — все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге.

За обедом от соленых сельдей до картофеля, который он указал сеять, до виноградного вина, им разведен-

ного, все блюда будут говорить нам о Петре Великом.

После обеда вы едете в гости — это ассамблеи Петра Великого. Встречаете там дам — допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого.

Вы получаете чин — по Табели о рангах Петра Великого.

Мне надо подать жалобу — Петр Великий определил ее форму. Примут ее перед зеркалом Петра Великого. Рассудят по Генеральному регламенту.

Вы вздумаете путешествовать — по примеру Петра Великого; вы будете

*Л. Бернштам.
Петр I,
спасающий
рыбаков
на Лахте
в 1724*

приняты хорошо — Петр Великий поместил Россию в число европейских государств, и проч, и проч, и проч.

Место в системе европейских государств, управление, судопроизводство, права сословий, «Табель о рангах», войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудопромышленность, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типография,

Старого Света и преобразованная им в империю, стала играть ведущую роль в Европе. От позиции Петербурга во многом зависело направление, ход и результаты развития европейских народов. Его вклад в развитие нашего Отечества весьма велик и неоспорим. Благодаря петровским преобразованиям Россия совершила мощный модернизационный рывок. Это позволило нашей стране встать в первый ряд ведущих европейских стран: Франции, Англии, Священной Римской империи германской нации, а также избежать реальной

То, что мы относимся к Петру Великому практически как к нашему современнику, говорит (в числе многих других) один интересный факт. В обыденном смысле, очень многие до сих пор убеждены в том, что Санкт-Петербург назван в честь Петра I. Но это не так. На самом деле город назван в честь небесного покровителя царя, апостола Петра, что хорошо было известно с самого начала, еще при жизни основателя Санкт-Петербурга

военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его гения».

А вот цитата из научного труда нашего современника, доктора исторических наук Анатолия Ивановича Уткина о роли и значении Петра I для истории и судьбы России: «Петр Великий внес самый большой вклад в европейскую историю того времени. В период его правления Россия, находящаяся на восточной периферии

угрозы ее раздела между Швецией, Речью Посполитой, Османской империей и Персией».

Петровская тема актуальна и в наши дни. Причем очень актуальна. И не только в годовщины юбилеев и в форме музейных артефактов или тематических выставок. В разных городах России Петру I продолжают ставить памятники, называть в честь него учебные заведения и корабли, и так далее. Кстати, Петр Великий основал

не только Санкт-Петербург, а еще целый ряд городов, о чем большинство из нас (кроме, разумеется, жителей тех самых городов) обычно попросту забывает, либо вообще не ведает. Петрозаводск, Таганрог, Лодейное Поле, Кронштадт, Петровск, Липецк, Бийск, Петергоф, Сестрорецк — лишь самые известные. Список петровских городов можно продолжать и дальше.

Совсем недавно в самом центре Петербурга, на Малой Морской улице появился уникальный интерактивный проект «Петровская акватория». В нем можно познакомиться с бытом и жизнью Петербурга петровской эпохи и его пригородов. Причем на масштабном макете представлены не только статичные здания: для погружения в историю зритель может видеть смену дня и ночи, мно-

С конца прошлого столетия Россия переживает петровский ренессанс. Начался он с возвращения городу на Неве его исторического имени. В российскую эмблематику вернулся штандарт Петра I как официальный государственный флаг и символ, были восстановлены в качестве высших государственных знаков отличий петровские награды, а атомный ракетный крейсер «Юрий Андропов» переименован в «Петр Великий».

гие фигурки людей движутся и занимают своими делами, звучит барочная музыка, палят пушки, катятся кареты и даже по настоящей воде плывут парусники той прекрасной эпохи!

А как же быть со словами поэта-мистика Максимилиана Волошина, написавшего в 1924 году в стихотворении «Россия», что «Великий Петр был первый в России большевик»? Так тут нет никакого противоречия. Петровские реформы действитель-

но прошлись по живому телу и душе Московской Руси: Петр со своими сподвижниками творил их яростно, истово, возражений не терпел и ослушников преобразований карал максимально жестоко. Но задумаясь на мгновение, а что было бы, если бы Петр I стал свои реформы проводить медленно, неторопливо и последовательно, с оглядкой на чужое мнение, стремясь к постоянным компромиссам и соглашаясь на бесконечные переговоры со своими оппо-

вич, в своем ярком и образном «Слове на погребение Петра Великого» произнес следующие слова о почившем правителе: «Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет». С этой фразой перекликается и речь самого Петра I, сказанная им русскому воинству в канун Полтавского сражения 1709 года, когда на полях

Интерактивный проект «Петровская акватория»

нентами? Примеры, к чему подобные действия могут привести, есть, причем именно в отечественной истории: Смута начала XVII столетия и перестройка конца XX века. В результате, казалось бы, благих начинаний и преобразований Россия оба раза распадалась и оказывалась в прямом смысле на краю гибели.

Знаменитый оратор-проповедник петровской эпохи, Феофан Прокопо-

Украины решалась судьба Отечества: «Воины! Пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и Церковь. Имейте в сражении перед собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога; жи-

ла бы только Россия, благочестие, слава и благосостояние ее».

То, что после распада в 1917 году Российской империи с памятниками Петру I стали бороться, варварски сбрасывая их с пьедесталов и отправляя в утиль или на переплавку, очень символично и лишь подтверждает тезис, что к Петру относились и относятся неравнодушно.

Впрочем, с конца прошлого столетия в современной России стали вновь появляться памятники Пе-

боскребом России «Лахта-центр», будет установлен памятник «Петр, спасающий рыбаков близ Лахты». Это копия памятника скульптора Леопольда Бернштама, установленного в 1909 году, к 200-летию Полтавской победы на набережной Невы, напротив Адмиралтейства. Увы, тот исторический монумент простоял совсем недолго: в 1919 году он был снесен и отправлен на переплавку. Восстанавливая историческую справедливость, в дни славно-

тру I, а также медали, ордена, банкноты и так далее, и тому подобное с изображением царя-преобразователя. А это значит, что Петр I вновь является одним из ярких и зримых образов-символов нации и государства.

P.S. В июне 2022 года, к 350-летию со дня рождения Петра Великого, рядом с самым высоким не-

го юбилея первого российского императора, копия исторического памятника будет установлена на том самом месте, где Петр Алексеевич Романов в ноябре 1724 года, не раздумывая, совершил свой гражданский подвиг — не дав утонуть в ледяной воде самым что ни на есть простым рыбакам, рядовым подданным созданной им великой империи. □

Платье с оборками

Пролог

Оно висело в пустом шифоньере совсем новое, простое, из белого ситца в мелкий синий цветочек. Из украшений на нем было всего две оборки на груди, да внизу на подоле. Короткий рукав колокольчиком и тонкий поясик.

А уж как Настя, которую родители ласково называли Стюрой, хотела надеть его! Не спала целую ночь. Все представляла, как пойдет в этом сокровище вечером в клуб на танцы, и как парни при виде такой красавицы ахнут. А она начнет плясать сначала кадрили, потом вальс. И будет смеяться, смеяться...

Девушка открыла глаза, в темноте поискала стеганое одеяло, натянула его на себя. В открытом окне полыхнуло зарево, прогремел гром, и тут же пошел дождь, настойчивый, частый. Вода начала заливать подоконник, пол. Стюра быстро встала с кровати, босиком добежала до окна, отодвинула в сторону горшок с геранью. От брызг ее холщевая рубаха моментально намочила. Девушка закрыла раму, отдышалась.

В это время на печи закашлял отец, заворочалась мама. Стюра немного постояла, на цыпочках отправилась обратно и остановилась перед старым шкафом. Зеркало его в полумраке отражало все прелести девушки — упругую грудь, тонкую талию. Она всмотрелась в себя внимательнее: лицо круглое, забавное, на щеках ямочки, курносый нос, глаза карие, белесые

брови, ресницы и светлая коса. Стюра отбросила ее за спину и вдруг, вспомнив о платье, начала аккуратно открывать дверцу шкафа, но та внезапно закрипела, разбудив своим скрипом мать.

— А ну, оглашенная, спать! — скомандовала она с печи.

И Стюра, не помня себя, побежала к своей кровати. Больше она не вставала, но сон не шел, ворочалась с боку на бок, мечтала о танцах, не зная о том, что где-то уже началась война...

Пыльная, ухабистая дорога словно делила деревню надвое. С одной стороны — клуб, сельсовет, старая церковь, с другой — домишки, ферма, пасека, березовый лес, небольшая река. На берегу водоема и стояла изба Саблиных. Жили они всегда небогато. Глава семейства Степан Макарыч работал счетоводом, жена его, Клавдия, дояркой. Старшие дети давно уехали в город, а младшая Стюра осталась с родителями.

Нравилось ли ей в колхозе, она не знала. Единственное, о чем мечтала девушка, это поскорее выйти замуж. И чтобы муж ее любил, и дети радовали. Но планы Стюры рухнули в одночасье, когда пришла война.

Деревенских парней забрали в армию, в селе остались одни старики да бабы, а по дороге потянулся нескончаемый поток людей. Беженцы шли на восток голодные, уставшие. Несли нехитрые пожитки, узлы, чемоданы, вели с собой малых детей. Перед домом Саблиных то и дело проезжали телеги, детские коляски, тачки. Соседи, глядя на это, заколачивали ставни и тоже отправлялись в путь. А Саблины уходить не собирались.

«Да и зачем? Все равно скоро возвращаться...» — говорил отец, мать только плакала, а Стюра все надеялась, что, ни сегодня-завтра война закончится, и она, наконец, спляшет в своем новом платье. Так и остались они в полупустой деревне дожидаться победы...

Первые холода пришли в конце сентября, а вместе с ними и Красная армия. Правда, не в силах больше сдерживать натиск врага, она стремительно отступала. Солдаты после боев проходили через деревню усталые, угрюмые, окровавленные. Или бежали, отстреливаясь на ходу, замертво падали, и немецкие танки переезжали их гусеницами...

А вскоре, словно предзнаменование чего-то совсем страшного, над деревней повисла тишина. Саблины, наконец, решили уходить, но опоздали. В село нагрянули немецкие солдаты. Завоеватели радостно гоготали, грабили дома, некоторые поджигали. Всюду была слышна стрельба.

Дошла очередь и до Саблиных. Вооруженные люди ворвались в хату, набросились на хозяев, выволокли их во двор, на колени перед каким-то офицером поставили. Женщины истошно рыдали, отец перед ними каялся. Офицер схватил Стюру за волосы и как куклу поволок в дом обратно.

Мать с отцом кинулись, было, спасти дочь, но тотчас их сразила автоматная очередь, и через мгновение Степана с Клавдией не стало...

Стюра сидела, забившись в угол как маленький зверек, практически ничего не понимала, изредка плакала, но слез в ее опухших глазах давно уже не осталось, и она просто подвывала. Вся избитая, окровавленная, она не вызывала у своих мучителей жалости, они без конца смеялись, причиняя ей невыносимую боль.

Особенно старался офицер: жег несчастную кочергой, бил о стены головой, душил, полосовал ножом. Девушка кричала, просила о пощаде, но извергу все было мало.

— Russisches Schwein! — орал он и продолжал пинать Стюру своим сапогом.

Она то и дело теряла сознание, ее обливали холодной водой и снова наваливались, истязали, а потом полуживую потащили по огороду в баню. Там бросили на пол, швырнули кусок хлеба и закрыли...

Сколько прошло времени, Стюра не знала, все смешалось, сон и явь, день и ночь. И лишь однажды ей показалось, что рядом с ней сидит соседка баба Маня. Старушка плакала, причитала.

— Что же они сделали с тобой?

Потом морщинистой рукой начала вытирать кровь с ее изуродованного лица:

— Уходить тебе надо, убьют они тебя.

— А как же мама?

— А ты что же, ничего не знаешь? Нет уже в деревне никого. Всех извели супостаты. Девочек молодых, что не успели спрятаться, куда-то угнали, стариков расстреляли. Я да вон Глашка полоумная остались, хлеб для них стряпаем. — Старушка снова заплакала и сквозь слезы добавила: — Я тебе одежду принесла, ну, давай, собирайся, уходи, пока эти все пьяные.

Стюра, преодолевая боль, натянула на себя ватные штаны, фуфайку. Баба Маня повязала ей на голову платок, надела валенки. Потом помогла встать и протянула маленький узелок:

— Это картошка. Дней на пять тебе хватит. В город ступай, там моя дочка старшая живет. Улица Южная, дом седьмой. Скажешь, что от меня, она поймет. И смотри, немцам на глаза не попадайся.

Девушка обняла бабу Маню, заплакала.

— Не плачь, родная. Что поделаешь, война проклятая. Ну, иди. Дочери скажи, кланяюсь...

Сколько дней Стюра скиталась по лесу, она не считала. Шла на ватных ногах, в гнилую листву падала, забывалась, потом снова поднималась,

а метров через сто опять сознание теряла. Как-то ночью очнулась в телеге. Пожилой возница представился дядей Пашей.

— Дяденька, вы меня только немцам не отдавайте, — чуть слышно попросила его Стюра.

— Не отдам, милая, не отдам. Ты лежи, отсыпайся. Тебе куда надо-то?

— В город...

— Нет, до города я тебя не доставлю. Высажу поблизости, до Рыльска верст пять останется. Сама-то дойдешь?

— Дойду.

— Ну вот и ладно.

Старик подумал о чем-то, покашлял и продолжил:

— А я, ты знаешь, поехал недавно хоронить брата, в соседней деревне он преставился Ну, еду, стало быть, гляжу, а по полю немецкие танки катят, не быстро, как на параде. А за ними германцы с автоматами. Ну, я, значит, в лесок спрятался. Что делать, не знаю. Смотрю, а навстречу немцам из укрытия наши солдатики выбегают, стреляют, некоторые с гранатами под танки ложатся, взрывают их. Бой завязался. А наших-то — всего ничего. Видать, в окружение попали. Им бы схорониться, спрятаться, да за линию фронта тайком податься, а они нет, можно сказать, в рукопашную на танки. Так и полегли все до одного. Все пятеро... — Дед тяжело вздохнул: — Да уж, русского так просто не возьмешь и на колени не поставишь. Ну, ничего, немец скоро все поймет. Правда, мне уж победы не дожидаться, старый я стал. А тех солдатиков я схоронил, как полагается. Все честь по чести. Березовые крестики им на могилки поставил. Пусть теперь отдыхают...

Стюра добралась до места далеко за полночь, когда город еще спал. Девушка долго по темным улицам плутала, пряталась от посторонних глаз. Видела военную комендатуру, мотоциклы с колясками, листовки на столбах, флаги со свастикой...

Нужный дом нашла не сразу. Он стоял на окраине, бревенчатый, опалубленный, на два окна. Она тихо постучалась в ворота и стала ждать. Ей открыла немолодая женщина, дочь бабы Мани Ольга Ивановна. Увидев Стюру, она сразу расплакалась, повела ее в дом, помогла раздеться, расспрашивать ни о чем не стала, только накормила гостью и спать отправила.

Стюра легла на железную кровать и месяц с нее не вставала. В горячке металась, бредила, в чем-то каялась.

Прошло время, девушка постепенно начала поправляться, даже улыбалась изредка. Но о том, что с ней случилось, забыть не могла. Без конца вспоминала своих мучителей, убивших ее родителей и изгалявшихся над ней самой. Представляла, как сидят они сейчас довольные в ее доме, пьют, едят, оскверняя все, к чему прикасаются...

И лишь воспоминание о том самом платье немного успокаивало девушку. Оно теперь было спрятано в укромном месте в чулане. И Стюра все же обязательно наденет его, когда фашисты за все заплатят...

А пока она старалась жить дальше. Ольга Ивановна опекала ее как родную, даже на улицу одну не отпускала:

— У нас ведь оккупация, опасно...

И каждое утро уходила в город одна. Работала она в местной закуской, мыла посуду и убирала за теми, кто, возможно, на фронте в ее сына стрелял.

— Ненавижу поганцев! — говорила Ольга Ивановна. — Всех бы поубивала! Сидят там, на своем немецком гавкают, чувствуют себя хозяевами. Говорят, мол, от большевиков освободили нас, а сами в рабов людей превращают. Стариков окопы заставляют копать, молодежь в Германию угоняют. Виселиц понаставили. Каждый день — новый указ: туда не ходи, делай так. Арестовывают всех подряд. Тут недавно двух парней на площади расстреляли за связь с партизанами. В общем, страшно. А мне куда деваться? — вздохнула она. — Жить-то как-то надо. А так — хоть какая-никакая еда...

Но Стюру от этой еды выворачивало. И лишь позже она поняла, что беременна. Это понимание повергло ее в шок.

— Повешусь, тетя Оля, — говорила она. — Перестану дышать, и он никогда не родится...

Но судьба распорядилась иначе. И через несколько месяцев Стюра родила мальчика...

Он смотрел на нее, пищал, то и дело тянул к ней маленькие ручонки, и она не могла отказать ему, брала на руки, качала, успокаивала. Любила ли она свое дитя, Стюра не знала, но, как минимум, к нему привязалась.

А вот Ольга Ивановна души в мальчике не чаяла. Баловала его, сказки рассказывала, а еще Стюру уговаривала принять сына окончательно.

— Он же не виноват, что папаша его сволочью оказался...

Тем временем жизнь в оккупации продолжалась. Немцы, как и прежде, везде хозяйничали, пооткрывали частные лавочки, обустроили конюшни, казармы. В городе работали буфеты, и даже кинотеатр «Маяк», где фрицы проводили досуг и развлекались. Радио вещало о победах славной германской армии, газеты писали об ужасных большевиках. А еще участились облавы и расстрелы мирных граждан. Особенно немцы не щадили партизан, устраивая показательные казни. Люди жили в постоянном страхе и ждали. Ждали прихода Красной армии.

И вот, наконец, народная молва разнесла радостную новость о том, что наши взяли Курск. Горожане затаили дыхание, а фашисты приготовились обороняться. Но напрасно. 30 августа город был освобожден советскими

войсками. Люди ликовали, Ольга Ивановна плакала, а Стюра решала, что ей делать дальше...

Военный эшелон, стуча колесами, покачивался, скрипел рессорами, останавливался на полустанках, снова трогался, набирая скорость. Он увозил ее на запад от родного дома. Девушка ехала с бригадой медиков на передовую, чтобы оказывать помощь тем, кто освобождал ее Родину. Страшно ей не было. Свой персональный ад она уже прошла в той самой бане на краю огорода.

Худенькая, коротко стриженная и очень серьезная Настя теперь не была похожа на ту босоногую Стюру, что мечтала о танцах денно и ночью. Она, в свои восемнадцать, давно уже стала взрослой...

Наконец эшелон привез ее к линии фронта, недалеко от Житомира. Грязь, слякоть, холодно. Кругом выжженная земля, солдаты в шинелях, телогрейках, танки, пушки, самоходки. Суета...

Настя попала в отделение медицинского взвода, который возглавляла фельдшер Екатерина Платонова, женщина опытная и строгая. А вот стрелковым взводом командовал, напротив, парень веселый, лейтенант Круглов. Рыжий, невысокого роста, зато слышно его было всегда далеко. Если где-нибудь кто засмеется, значит, там он. Вот и к Насте командир отнесся несерьезно.

— Ты, Стюр, когда меня спасать поползешь, не прижимайся плотно. А то ведь я парень свободный, мало ли чего?

Находившиеся рядом солдаты дружно захохотали, а санитарка нахохлилась.

— Не обижайся на лейтенанта, дочка, — вдруг обратился к ней пожилой рядовой, которого все называли дядей Сережей. — Наш командир, вообще-то, парень боевой, хоть и юморной немножко. Просто он унывать нам не дает. А как иначе на фронте?

И Настя в ответ, не удержавшись, тоже улыбнулась...

А потом кто-то крикнул «Воздух!», и началось такое, что и передать невозможно. Земля затряслась, застонала, всюду загремело, загрохотало безостановочно. Снаряды россыпью полетели на позиции батальона. Солдаты вжимались в холодный чернозем, закрывали головы, кто-то бубнил, кто-то громко матерился. Настю засыпало землей, но она смогла выбраться, ее заметно трясло. Рядом, истекая кровью, повис на винтовке безногий боец. Она кинулась ему помочь, но было уже поздно.

— Сестричка! — вдруг услышала Настя и повернула голову.

Неподалеку сидел молоденький солдат в каске и стеганой телогрейке, он был похож на подростка. Санитарка, не раздумывая, поползла к нему по окопу:

— Живой?

— Кажется. Только вот царапнуло немного. Сама-то как? Не страшно?

— Нет. — Настя извлекла из сумки с красным крестом марлевые бинты, помогла парню снять фуфайку и начала его перевязывать — За меня не переживай. Я еще и не такое видала...

— Понятно, — улыбнулся солдатик. — Ты береги себя, ладно? А то как мы без санитаря?

— Хорошо, — кивнула Настя и через минуту уже ползла дальше.

Следующим был мужчина постарше. Он сидел на дне окопа, присыпанный землей, стонал и держался за живот. Девушка стала расстегивать шинель его.

— Мне посмотреть надо... — сказала она, но, как только увидела рану, сразу отпрянула и, прошептав: «Потерпи, родной», начала прикладывать к кускам мяса тряпки. Руки ее тут же окрасились красным, но все было напрасно — мужчина вздохнул еще раз и поник головой...

Теперь ее жизнь была похожа на цыганскую. Ночевала, где придется — в заброшенных хатах, каких-то сараях, землянках, иногда в медсанбате, все чаще на передовой. Бои шли страшные... Настя уже привыкла к звукам рвущихся снарядов и на автоматные очереди не обращала внимания. Сама не стреляла, хотя при себе имела заряженный пистолет. Она спасала тех, кто отомстит за нее и за убитых отца и маму.

Девушка делала перевязки, накладывала шины, останавливала кровь, ползла под пулями по вязкой земле, тащила на себе раненых. И почти ежедневно сталкивалась со смертью. Проклятые фашисты истребляли людей, и она ненавидела их всей душой. Каждый раз, закрывая глаза очередному солдатику, проклинала убийц.

А жизнь военная продолжалась. Ребята во взводе собрались разные. Разной внешности и разной национальности, но все как один замечательные. Настю не обижали, называли младшей сестричкой, жалели и опекали ее. И она отвечала им своим постоянным вниманием: у кого головная боль, у кого кашель, кому поменять повязку. Единственный, кто раздражал ее, это младший сержант Коля Пяткин. Несмотря на ранения, в медпункт не шел, все издали поглядывал, а когда приходило время обрабатывать раны, сбегал куда-то.

Но сегодня она его все-таки поймала. В блиндаже усадила на табурет, приготовила ведро с колодезной водой, йод, чистые тряпки, достала ножницы.

— Не шевелитесь, пожалуйста, иначе ткну вас нечаянно.

Настя аккуратно стала резать грязные бинты на голове парня, и вдруг Коля схватил ее руку и поцеловал.

— А ну, перестаньте! — отпрянула девушка.

Сержант поднялся, посмотрел на Стюру своими голубыми глазами и произнес:

— Выходи за меня замуж.

Девушка отчего-то смутилась и, отступив еще дальше, прошептала:

— Но вы же меня совсем не знаете...

— А мне и не надо. Люблю тебя, вот и все. Жить без тебя не могу, понимаешь?

— Не понимаю, время не то для подобных чувств...

— Да уж, время не подходящее. Но ты подумай, пожалуйста, ладно? Я буду ждать. Обещаешь?

— Обещаю. Но сейчас сделаю вам перевязку...

А через неделю Коли не стало...

Весной 1944 года на фронте было все так же не спокойно, однако расстановка сил поменялась. Советские войска продолжали двигаться на запад, преодолевая непогоду, слякоть и отчаянное сопротивление немцев, которые не собирались отступать. И все же к концу марта их взяли в кольцо, и теперь предстояло, во что бы то ни стало, не позволить им из этого кольца прорваться...

Поэтому солдаты снова копали траншеи, ставили пулеметные гнезда, укрепляли блиндажи. Настя занималась своими делами: в медсанбате запаслась медикаментами, ухаживала за ранеными, лечила их раны не только мазями и лекарствами, но и своей теплой улыбкой.

День сегодня выдался пасмурный, но, несмотря на это, она решила прогуляться.

Поблуждала по округе, заглянула в незнакомый хутор. Белые мазанки казались серыми, о войне здесь не напоминала разве что молодая полынь да нежно-зеленая мята. А все остальное... Обгоревшие курени, сараи, испещренные снарядами колодцы, старики с влажными глазами, голодные и чумазные дети. Настя угостила пробежавших мальчишек сахаром и начала спускаться по косогору.

Природа понемногу преображалась. Всюду пахло древесной корой и первыми травами. Девушка рукой задевала шероховатые стволы берез, гладила мягкий мох, слушала пение птиц и вспоминала детство — как на дойку ходила с мамой, как в реке ловила головастика, как с друзьями в салки играла. Стало так больно от этих воспоминаний, что из глаз невольно полились слезы. Немного успокоившись, Настя расстелила плащ-палатку, села на нее и стала наблюдать за происходящим.

Неподалеку трудился вверенный ей взвод. Кто-то из служивых, не выпуская из рук лопаты, выбрасывал землю из траншеи, кто-то курил, кто-то

разговаривал, несколько парней пилили поваленные бревна. Она знала их всех до одного. А еще понимала, что этих людей связывает...

У Колесникова Алексея в оккупации расстреляли мать, у Ершова Ивана дети от голода умерли в Ленинграде, у дяди Сережи во время бомбежки погибли внучка и старшая дочь, у Гочи Чавадзе брат сгорел в танке, а у лейтенанта Круглова невесты не стало. Ее повесили за то, что она в своем доме еврейскую семью прятала. И так у каждого...

— Танки! — вдруг крикнул кто-то из солдат.

Настя востепенулась, вскочила на ноги и сразу увидела их на противоположной стороне бескрайнего поля. «Тигры» двигались медленно, будто добычу высматривали. А через мгновение началось...

Первый снаряд упал неподалеку от «сорокапятки», что под ветками была спрятана, второй разорвался, перелетев окоп. Бойцы попрыгали в траншею, стали хватать винтовки, автоматы. Сержант Луценко связывал гранаты, близнецы Курбатовы настроили пулемет и тут же открыли огонь. Всюду заухало, загрохотало. Артиллеристы развернули орудие, но не успели даже снаряд в дуло вставить, как вдруг от точного попадания пушку подбросило и разломило надвое. Парней откинуло на землю. Настя прямо из леса припустила к ним со всех ног. Минуту спустя она была уже рядом. Но в живых из них никого не осталось...

А «тигры» все приближались. За ними следовали фашисты с автоматами, они все стремительнее подбирались. Лейтенант Круглов быстро перебежался по траншее и подбадривал солдат:

— Держитесь, братцы! Сейчас подоспеют наши!

Сначала ранило Костика Лямкина, того паренька, которого она когда-то первым перевязывала. Он сидел на дне окопа и снова держался за руку.

— Давай, наложу повязку! — присев к нему, сказала Настя, но Костик почти грубо оттолкнул ее:

— Не надо! Я в порядке!

Затем вскочил на ноги, схватил трехлинейку и вновь начал палить.

В этот момент за спиной Насти что-то разорвалось, ее отбросило взрывной волной и засыпало землей. Она пошевелилась, потрясла головой, стряхивая с себя землю, и прошептала:

— Живая, кажется...

Увидев лежавших ребят, на четвереньках подползла к ним. Толик Иванов был мертв, не дышал и Митя Левашов, а вот Марату Ахатову ногу по колено оторвало. Он выл и корчился от страшной боли. Кровь из обрубка так и хлестала. Настя вытащила жгут и стала перетягивать культю. Потом достала шприц и прямо через шинель вколола парню обезболивающее. Но Марик все равно потерял сознание.

Рядом с пулей в голове упал один из братьев Курбатовых. Второй давно уже бездыханный лежал на насыпи. На его место к пулемету встал Чудов Вася. Где-то из укрытия начала палить «сорокапятка». Два «тигра», наконец, остановились, и оставшиеся в живых бойцы поползли по полю с гранатами. А со стороны на помощь батальону уже выехали наши «тридцать-четверки»...

Настя побежала по траншее. Сначала перевязала Ершова Ивана, он был ранен в грудь. Весь черный от сажи, мужчина смотрел на санитарку безумными глазами и все повторял:

— Хрен вам, а не земля наша. Хрен вам, а не земля наша...

— Хорошо, хорошо, — успокаивала его Настя. — Хорошо...

Потом чуть левее она увидела Чавадзе. Подскочила к бойцу, упала рядом на колени:

— Гочи, ты как?

— В порядке, — улыбнулся Чавадзе и, сглотнув кровь, стекавшую по щеке, потерял сознание.

Настя осмотрела его. У парня совсем не было шансов, так как пули прошли его от плеча до паха. Через минуту его не стало. Как не стало и командира первого отделения Боброва Саши. От ранения в живот он тут же скончался...

В этот момент Круглов начал поднимать взвод в атаку.

— Вперед!!! — закричал он.

И солдаты, выскакивая из траншеи, побежали за командиром, стреляя без остановки. К ним присоединился и весь оставшийся батальон. Немцы были уже совсем рядом, и вскоре завязалась рукопашная. Некоторые бойцы замертво падали, некоторые со связкой гранат бросались на танки, и «тигры» взрывались. Но и наши «тридцать четверки» несли немалые потери. Всюду горела трава, зияли воронки. Немцы сдаваться не собирались. Они все наступали и наступали. Их машины-убийцы, которым не было конца, продолжали двигаться, а пехота начала обходить батальон с флангов.

Настя взглянула на пулемет, оставленный Васей. Парень и рад бы поддержать товарищей, да только лежал сейчас на земле весь окровавленный. Девушка подбежала к нему, оттащила в сторону, сама встала к пулемету, поправила ленту, прицелилась и нажала на рычаг. «СГ» застрочил, и серые шинели один за другим начали падать.

— Ненавижу вас, сволочи поганые! — кричала Настя. — За отца! За маму! За Толика! За Марата! За Гочу! За Колю Пяткина!

Затем отпустила рычаг, пригнулась. Пули просвистели совсем рядом, кажется, фрицы пытались ее снять.

— Не дождетесь, падальщики! — Она надела каску, которая валялась рядом, выпрямилась и снова начала стрелять, уложив фашистов, выбравшихся из подбитого танка. Но тут лента внезапно кончилась, а запасной в ящике не было. Пришлось выбираться из окопа.

Согнувшись пополам, Настя побежала к раненым. Сначала приволокла в траншею новобранца Славку, он держался за бок и, как маленький, без конца звал маму. Потом притащила окровавленного танкиста, у него была перебита нога, и пара пуль в груди застряла. А вот третьим был тот, кого она встретить никак не ожидала, — ее лейтенант.

— Товарищ командир, вы как? — спросила Настя, переворачивая его на спину.

Круглов стал кашлять, изо рта брызнула кровавая каша.

— Нормально, Настюш, нормально. Умираю, кажется...

И Настя вдруг заплакала.

— Пожалуйста, не надо! Я дотащу вас, вы не сомневайтесь...

— Не нужно. Мне и здесь хорошо. Это ты стреляла?

— Я. А что, нельзя было?

— Почему нельзя? Молодец! Все правильно...

Круглов взглянул на Настю и через силу улыбнулся:

— Я вот о чем хотел спросить тебя, Саблина. Ты сегодня умывалась?

— Опять вы шутите? — глотая слезы, тоже улыбнулась Настя.

— Опять. — Лейтенант глубоко вздохнул, посмотрел на небо, затянутое облаками. — Ты знаешь, солнца не хватает... — Он помолчал, потом снова кашлянул и уже совсем тихо прошептал: — Ты иди, помоги ребятам. И это... будь счастлива...

А солнце все же, наконец, показалось...

Ровно через три дня закончился снегопад, который, внезапно начавшись, не позволил нашей авиации поддержать войска. К тому же командование не успело перебросить танки на самые слабые участки, и немец все-таки прорвался, унеся жизни практически всех ее фронтовых товарищей. Оставшиеся в живых дядя Сережа, новобранец Щапов Славка, сержант Луценко, Ершов Иван и Настя два дня пробирались к своим...

Через неделю роту доукомплектовали новыми бойцами. Взводом стал командовать молодой лейтенант Суворин Паша. Теперь он вел своих бойцов на запад. Позади уже остались Броды, Тернополь, Львов, Галич, впереди были Варшава и Краков...

Этот город был похож на сказочный. Старинные здания и замки, черепичные крыши, брусчатка, башня Ратуши, древний Вавель, рыночная площадь, Мариацкий костел...

Освобожденный Краков, наконец, начинал просыпаться.

Ветер разносил по улицам бумажные листы с нацистской свастикой. Они цеплялись за витиеватые ограды, каменные стены, потом вновь отрывались. Настя извлекла один листок из снежной каши, пробежала его глазами, потом смяла его, бросила на землю и растоптала валенком.

Мимо по мостовой проехала «полупанк» с какими-то мешками, за ней шли наши солдаты. Голодные, уставшие, в мятых шинелях, в потрепанных шапках-ушанках, в грязных сапогах.

Поляки, стоя на тротуаре, смотрели на них с любопытством и что-то обсуждали. Казалось, они далеки от происходящего настолько, что мало что понимали...

Это же не они бросались на танки, шли на врага в рукопашную, жизнь свою отдавали. Не они теряли близких, хоронили товарищей. Не они мерзли в окопах, вшивели, голодали. Это не их расстреливали, вешали, собаками рвали. Все это было не про них. Не знали они, или не хотели знать, что рядом с городом концлагерь Аушвиц-Биркенау, где стариков, женщин, детей, пленных солдат в печах сжигали. Им было удобно ничего не знать. Они просто сидели и ждали, когда кто-то другой вместо них расправится с фашистом... Вот о чем думала Настя, глядя на поляков.

Она вздохнула и пошла дальше. Вдруг ее внимание привлекла витрина с платьями. Одно, нежно-зеленое, с большим великолепным бантом, было просто очаровательным. Не то что то простенькое, спрятанное где-то в чулане. Наденет ли она его когда-нибудь?

И тут в дверях магазина появилась молодая полячка. Она стала махать девушке рукой, привлекая к себе внимание:

— Прошу, пани! Прошу пани...

Настя замаялась, потом сделал шаг к двери, но тут увидела свое отражение в стеклянной витрине: бесформенная дубленка, перетянутая ремнем, шапка-ушанка, валенки, и отрицательно покачала головой:

— Я не могу. Мне идти надо...

Развернулась и побежала прочь, чтобы успеть присоединиться к товарищам...

А война все никак не заканчивалась. Но теперь уже немцы оборонялись, и не где-нибудь в Польше или в многострадальной России, а в родной Германии. Наверное, фашисты в последнее время все чаще задавались вопросом, как же так получилось, что они все-таки проиграли мужику-лапотнику? Но поздно. Надо было спасать то, что осталось...

А потому бои велись в каждом городе, в каждом квартале.

Взвод Суворина продвигался по узкому переулку к центральной площади, заваленной каким-то хламом. Кажется, это были баррикады. Немцы к обороне подготовились тщательно. Мешки с песком, ежи противотанковые. Лейтенант давно уже был ранен, но останавливаться не собирался.

— Вперед, братцы! — стрелял он из автомата, увлекая за собой товарищей.

Фашисты отстреливались, отступали. На третьем этаже соседнего здания застрочил вражеский пулемет. Командир упал, тут же свалился рядовой Панин, белобрысый парень. Луценко с дядей Сережей попытались оттащить в сторону раненых, но ничего не получалось — пули ложились кучно рядом.

— Давайте я попробую эту сволочь снять! — сказал в запале Иван Ершов и заскочил в парадную дома, что располагался напротив.

Вскоре он уже палил из окна второго этажа, и пулемет, наконец, замолчал. Бойцы оттянули товарищей за угол, к ним тут же подскочила Настя с бинтами, начала перевязывать Игната Панина — у него была перебита нога, а лейтенанта дядя Сережа осматривал.

— Кончился, кажется, — вздохнул пожилой служивый, снял с себя пилотку и закрыл командиру глаза.

Мужчины немного постояли рядом, потом Луценко озадаченно произнес:

— Идти надо. А ты, Настюха, здесь аккуратнее...

— Ладно, — кивнула она. — Идите, за меня не переживайте...

Бойцы ушли, а Настя стала накладывать повязку Панину, который сидел, прислонившись к стене, и часто дышал.

— Ну что, ты как? — спросила она.

— Нормально...

— Сейчас санитары заберут тебя, держись, пожалуйста...

— Хорошо, — ответил парень, вытирая пот с лица. — Слушай, там в подъезд заскочил Иван и, кажется, еще не выходил. Может, ранен?

— Я посмотрю, не расстраивайся... — успокоила его Настя.

Она достала из кобуры пистолет, взвела его, озираясь по сторонам, забежала за угол, открыла дверь и вошла в парадную. На площадке второго этажа заметила бурые пятна и тихо позвала:

— Вань...

Но Ершов не откликнулся. Насте показалось, что одна из дверей не заперта, она локтем толкнула ее, вошла в квартиру и тут же увидела Ивана. Он лежал на спине с закинутыми руками, а в груди его торчала рукоять ножа.

Настя, не помня себя, кинулась к нему и впопыхах не заметила у себя под ногами оставленную кем-то растяжку. Грянул взрыв. Теперь у нее тоже не было шансов...

Все плыло перед глазами. В матовой дымке возникали города, разрушенные до основания. Выжженная земля впитывала человеческие останки. В черных ямах то и дело собиралась кровь, она кипела, потом испарялась. На ветру качались рваные простыни, виселицы, провода. Мелькали лица, бледные, изнеможенные, усталые. Она слышала голоса, одни что-то требовали, другие успокаивали. Беспреданно плакал какой-то малыш...

— Мама!! — вдруг истошно закричала Настя, открыла глаза, подскочила, рванула куда-то, но тут же упала на пол.

К ней подбежала пожилая женщина, начала ее поднимать, приговаривая:

— Ты куда без ноги-то побежала? — и усадила обратно на деревянную лавку плацкартного вагона.

Настя посмотрела на свою правую ногу — ее не было. Вместо нее болталась культя, обтянутая солдатскими штанами. Она сразу все вспомнила, кинула взгляд на два костыля, что стояли рядом, и снова легла.

Жить больше не хотелось...

Настя снова закрыла глаза и вдруг увидела то самое платье. Оно все так же висело в шифоньере новое, не кружевное, простое. Из белого ситца в мелкий синий цветочек...

— Так и не поносила я тебя...

Пыльная, ухабистая дорога, как и прежде, делила деревню надвое. С одной стороны — клуб, сельсовет, старая церковь, вся покрытая сажой после пожара, с другой — домишки захудалые.

Еле передвигаясь на костылях, Настя приближалась к своей избе. Шинель нараспашку, вещмешок за плечами. Она по мосту пересекла речушку, остановилась, отдышалась.

В огородах зрели подсолнухи, высокая трава качалась на ветру, где-то голосили петухи, лягушки в камышах квакали. Настя ладошкой смахнула слезы, предательски брызнувшие из глаз, и, преодолевая не столько боль, сколько душевные раны, отправилась дальше.

Что ждет ее впереди, она не знала. Не было сил ни дышать, ни жить.

И вдруг она увидела то, чего вроде не должно было быть. К ней навстречу бежали соседка, ее дочь Ольга Ивановна, а с ними светленький малыш. Он то и дело подпрыгивал от радости. А баба Маня кричала:

— Колюшка, смотри, мама твоя вернулась! Мама! □

Дядя Коля-Торпедоносец

Из блокнота журналиста

Жизнь любого человека достойна хорошей книги — интересной, содержательной, поучительной. Благополучная жизнь или несчастная, праведная или нечестивая всегда может послужить темой для произведения. Тому достаточно примеров в классической литературе. А хорошая ли будет книга — это зависит от таланта автора. Сумеет он ярко отобразить судьбу главного героя, рассказать, как сложилась его жизнь, чего достиг, или, напротив, лишился, тогда затронет душу читателя, не оставит равнодушным. Размышляя об этом, мне в предмайские дни празднования Великой Победы вспомнилась одна забавная, на первый взгляд, но, вместе с тем, грустная история.

Как-то вечером после беготни по городу в поисках материалов для газетной статьи сидели у меня в редакционном кабинете коллеги — журналисты Валентин Радченко, Виктор Белов и Павел Тихонов. Мы смеялись, в запальчивости били себя в грудь, похваляясь последними публикациями в своей газете, сами себе нравились, талантами себя считали. И тут Валентин Радченко неожиданно сокрушенно вздохнул:

— Не о ком писать стало... Встречаюсь с людьми, накропаю пару строк, и все...

— Ты не прав, старик, — назидательно сказал Павел Тихонов. — Не разговорил ты человека... Не вызвал на откровенный разговор... Глядишь, и нарыл бы чего... Я вот хоть о ком напишу прекрасный очерк... О любом первом встречном...

— Перегибаете, Паха, — с улыбкой усомнился Валентин. — А ну, как сейчас откроется дверь, войдет какой-нибудь Федя Пупкин, и ты дашь о нем очерк?

— Влегкую, старик! Спорим на бутылку коньяка?!

Валентин подумал и уверенно произнес:

— Нет... На две бутылки коньяка! — Идет!

Мы устали на дверь, нетерпеливо ерзая на стульях.

Вот в прихожей шаги послышались, дверь кабинета открылась и на пороге возник хромой и небритый слесарь-сантехник дядя Коля по прозвищу «Торпедоносец». Всем известный выпивоха, неоднократно уволенный с разных предприятий за пьянство и прогулы. Возможно, когда-то дядя Коля рассказал о своем героическом прошлом приятелям-забулдыгам, но те, сочтя его рассказ выдумкой спьяну, добавили к его имени вышеупомянутую приставку, намекая на бутылку, торпедой торчащую из кармана сантехника.

Павел тут же подбежал к нему и дружески похлопал по плечу: — А давай, дядя Коля, пройдем в соседний кабинет... Разговор есть.

Он приобнял слесаря-сантехника, прихватил со стола диктофон и повел дядю Колю в свой кабинет.

Они долго беседовали при закрытых дверях, испытывая наше, готовое лопнуть, терпение. Но вот дверь открылась, в проеме показался слесарь-сантехник с влажными, покрасневшими глазами. Размазывая слезы по щекам, он буркнул: « Бывайте, строчкогоны!» и пошел к выходу.

А Павел Тихонов, тем временем, радостно бил кулаком правой руки в ладонь левой:

— Вот такой материал добыл!

Дядя Коля, инвалид войны, оказался майором в отставке, бывшим морским летчиком, командиром эскадрильи самолетов-торпедоносцев. В Баренцевом море он потопил немецкую подводную лодку. Был представлен к ордену, но вместо награды с героя-летчика сняли офицерские погоны, судили военным трибуналом и отправили рядовым солдатом в штрафной батальон. Командир торпедоносца после полета на боевое задание вернулся на базу с пробоинами в фюзеляже и на радостях, что остался жив, крепко поддал вместе с экипажем, а потом набил физиономию начальнику патруля, вздумавшему сдать на гауптвахту вдрызг пьяных летунов. «Торпедоносец» — так Павел Тихонов назвал свой радиоочерк, герой которого, Николай Савельев, кавалер орденов Красного Знамени, Отече-

ственной войны I и II степени, Красной Звезды, отважный летчик, топил вражеские корабли, воевал в пехоте, был дважды ранен, освобождая Варшаву и штурмуя Берлин. После разгрома фашистской Германии Николая Савельева восстановили в звании, вернули ему награды и снова отправили воевать. Теперь уже с японцами. Бомбардировщик майора Николая Савельева был сбит японской зениткой над Порт-Артуром. Вместе с экипажем Савельев покинул горящий самолет на парашюте, но неудачно приземлился на скалистый берег моря. Покалечил ногу и был списан из авиации.

Отставной майор Николай Савельев плотничал, столярничал, ремонтировал водопроводные краны, подметал улицы. Неумную тоску по небу бывший летчик заглушал водкой, самогоном, брагой, аптечными настойками, клеем «БФ», одеколоном и даже разжиженной зубной пастой.

Все это было до прозвучавшего по радио очерка о подвигах Николая Савельева, слесаря-сантехника из жилищно-коммунального хозяйства. 9 Мая инвалид войны, припадая на кривую ногу, приковылял на городскую площадь в парадной морской форме с погонами майора авиации, при орденах и медалях, гладко выбритый и совершенно трезвый. Больше его пьяным никто не видел. За радиоочерк «Торпедоносец» Павлу Тихонову присудили премию. Валентин Радченко, неоднократно повторяя: «Ну, Паха!» — выставил перед нами проспороженный коньяк. Но пить почему-то не хотелось. Мы слушали магнитофонную запись радиоочерка о героелетчике и молчали. О чем думали мои товарищи? Наверное, как и я, о том, что вот ведь как бывает... Совсем неприметный с виду человек, а вдруг так неожиданно раскроется всеми гранями прожитой жизни, что диву даешься. И если бы бывший летчик снова зашел в редакцию, мы были готовы поклониться ему.

Дяди Коли-Торпедоносца, а правильнее сказать, Николая Савельева, уже нет в живых, как и многих, многих участников битвы с фашизмом. Поклонимся дедушкам и бабушкам, отцам и матерям, старшим братьям и сестрам, жертвовавшим собой во имя победы над злейшим, жестоким врагом, ради жизни на земле, ради нас с вами. Поклонимся, поклонимся, друзья!

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА

Время неумолимо. Уходят в небытие ветераны. И сегодня уже почти невозможно сыскать тех, кто в суровую годину войны сражался на фронтах Великой Отечественной, кто трудился до изнурения на колхозных полях и фермах, на заводах и фабриках, приближая победу над лютым врагом. Но чем дальше в глубь истории уходят от нас грозные события тех огнен-

ных и голодных лет, тем сильнее желание вспомнить забытых участников войны, с которыми доводилось встречаться. О многих из них во время коротких бесед делались торопливые записи в журналистских блокнотах. В который раз я достаю из шкафа «дипломат» с пожелтевшими вырезками из газет со своими публикациями. Пройдут годы, и для потомков станут они бумажным хламом, а может, напротив, будут бережно хранимы. Как знать? Во всяком случае, для меня они бесценны.

Я листаю подшивку вырезок с информацией, заметками, очерками, корреспонденциями на разные темы, пробегаю глазами по заголовкам, ищу среди них небольшую статейку о пожилой женщине под названием «Наталья Павловна» — о жительнице таежной деревни и о том, как она внесла большую сумму денег на строительство штурмовика «Ил-2», и как сельчане поддержали ее и всем миром собирали деньги на этот самолет. Всего несколько строк! Но каких! Именно этот яркий пример самоотверженной помощи фронту пришел на ум, когда я перебирал в памяти давно забытые имена тружеников тыла в годы войны. Я прочел зарисовку «Наталья Павловна», и, словно это было вчера, со всеми подробностями вспомнил нашу с ней встречу...

...Изнывая от жары, подкатил я на редакционном мотоцикле «Урал» к ветхой выбеленной избе с прогнувшейся крышей. В глубине двора, густо заросшего мелкой шелковистой травой, на покосившемся крыльце, в тени под навесом подремывала старушка. У ног ее, разомлев от жары, вытянулся черный кот. Чувствуя неловкость, стесняясь от смущения, подошел я к старенькой, потемневшей от времени, калитке. Заметив незнакомого пришельца, старушка быстро спустилась со ступеней и с приветливой улыбкой подошла ко мне.

— Бабушка, пить хочу, водицы бы кружечку, — взмолился я, ладонью смахивая со лба пот, — просто умираю от духоты и жажды.

— Проходи в избу, родимый... Сейчас напою, — встрепенулась бабуся.

Худая, сгорбленная, она, к удивлению, шустро нырнула в подполье и подала мне три глиняные кринки: с медовым квасом, с разбавленным холодной водой соком лимонника и с малиновым сиропом. Пока я с удовольствием прикладывался к этим кринкам, старушка, счастливо улыбаясь, что кому-то сгодились ее напитки, уже тащила на стол снедь: отварную картошку, жареного цыпленка, зеленый лук, малосольные огурцы, деревянную чашку со свежим липовым медом, искрящимся золотыми соками, ломти пшеничного хлеба домашней выпечки, кружки с молоком и сметаной.

Восемьдесят четыре года было тогда этой энергичной и доброй женщине. Время безжалостно избороздило морщинами лицо, согнуло строй-

ную когда-то фигуру, потушило блеск задорных глаз, но оказалось не в состоянии сломить ее бодрый дух.

На стенах в избе висели фотографии в потемневших, грубо сколоченных рамках. Среди них внимание привлекали две цветные: голубоглазая красивая женщина в белой блузке, с тугой косой через плечо, и бородастый мужчина в сером пиджаке, у обоих на груди медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

— Это мы с мужем Семеном Ульяновичем, — перехватив мой взгляд, с гордостью пояснила Наталья Павловна, так звали гостеприимную хозяйку. — Царствие ему Небесное, — набожно перекрестилась бабуся. — Работящий был человек... Тоже, как я, пчеловодом трудился на колхозной пасеке. Много тонн меда сдали мы государству во время войны... Все для фронта, все для победы! Лихая была година! Работали, не жалея сил, чтоб проклятого фашиста одолеть... А как иначе? Родину ведь спасали.

Краешком чистого ситцевого фартука старушка вытерла глаза, пристально посмотрела на пожелтевшую фотографию парня в красноармейской форме.

— А это — Федя, сынок мой ... Старательный был хлопчик... Помогал на пасеке... Посмотрел кино, где танки показывали, и тоже танкистом решил стать... В сорок втором в танке сгорел... А это Коля, — перевела она взгляд на фотографию матроса в бескозырке. — Младшенький мой... Подводником был... На немецкой мине подорвалась его подводная лодка... А как погибли сыночки, отнесла я все денежки в райисполком и отдала, чтобы построили на них самолет и отомстили проклятым фашистам... И как узнали об этом в нашей деревне, так всем миром стали собирать деньги на тот самолет...

— И что же? Построили самолет?

— А как же? Меня даже на фронт возили и тот самолет показывали.

Я летчикам наказ давала, чтобы крепче били врагов наших.

— Вы столько сделали для победы, ваши сыновья отдали за нее молодые жизни, а живете в старой хатенке... Крыша прохудилась, забор повалился, — окинул я удрученным взглядом убогое жилище доброй женщины, пославшей сыновей на битву с жестоким врагом.

— Как-нибудь проживу до конца дней своих в этой избе... В ней память о Феденьке, о Коленьке, о Семене Ульяновиче...

Вернувшись в город, я навел справки о Наталье Павловне Смолянко, жительнице села Старая Гордеевка Анучинского района Приморского края. Действительно, в годы войны она сделала значительный денежный вклад в постройку самолета-штурмовика «Ил-2», ее поддержали односельчане.

Моя небольшая заметка «Наталья Павловна» о простой труженице из таежной деревни, напечатанная в газете, наделала в районе много шума. И крыльцо ей починили, и крышу перекрыли, и забор новый из штакетника поставили...

Вечная вам память, Наталья Павловна и Семен Ульянович! Вечная слава вашим сыновьям Федору и Николаю Смолянко! Пусть в День Победы вместе с праздничным салютом зазвонят колокола по всей России, прославляя ее героев — участников Великой Отечественной войны!

ПИСЬМА С ФРОНТА

Они лежат на моем письменном столе, пожелтевшие от времени и истрепавшиеся по краям. По наспех вырванным из школьной тетради листкам бегут неровные, поблекшие строчки, написанные химическим карандашом. Солдатские письма с фронта, без конвертов, сложенные треугольником, известные как «полевая почта». Их передал мне знакомый бригадир строителей Борис Кулешов.

— Старый деревянный барак сносили, — сказал он. — В комнате на полу среди всякого хлама разбитый чемодан валялся... Фанерный такой... Крышка у него отвалилась, вот письма и выпали... Ребята из моей бригады собрали их... Раритеты, говорят... Может, в музей снести?

— А что еще осталось в чемодане? Фотографии, другие письма? — заинтересовано спросил я.

— Трактором барак столкнули... Весь строительный мусор на свалку вывезли... Кто теперь знает, что еще могло быть в том чемодане? Да... Сегодня эти письма и в самом деле уже раритеты... Они хранят память о тех незабываемых днях... Химический карандаш стерся на сгибах листов, но все же многие слова отчетливо и сурово доносят смысл грозных, полных опасностей дней войны. «2 ноября 1941 года. Здравствуй, брат! Никого нет у меня роднее тебя, и поэтому всегда в трудную минуту мысленно обращаюсь к тебе за советом, а если выдается свободная минута, спешу поделиться своими горестями и радостями. Как ты уже знаешь, на третий день войны я пришел в военкомат и попросился добровольцем на фронт. Не долго пришлось обивать порог, прежде чем мне посчастливилось, наконец, самому взять в руки винтовку и бить подлых фрицев. Конечно, специалисты сейчас нужны в тылу, например, такие, как ты, но я думаю, что ты не осудишь меня за то, что я оставил институт и ушел на фронт. Закончу после войны, и ты еще увидишь меня инженером. Сейчас я нахожусь под Москвой. Даже не верится, что фашисты зашли так далеко. Вчера у нас было комсомольское собрание, и все решили стоять на-

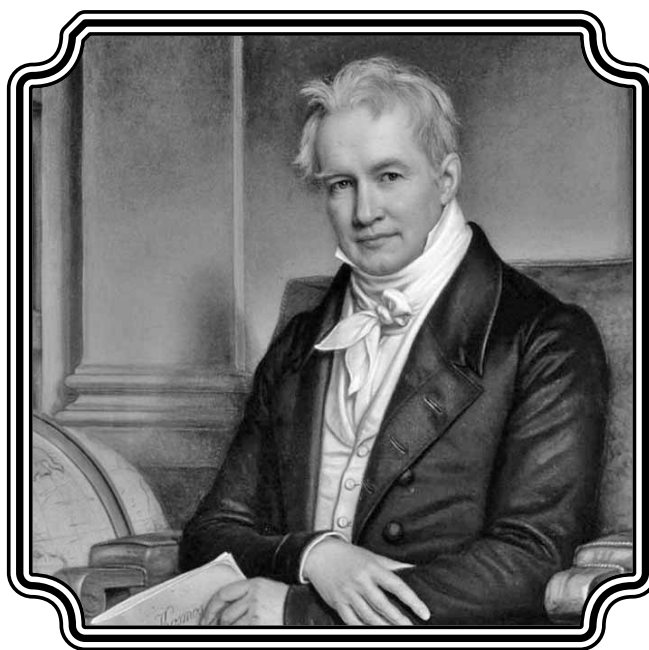
смерть, потому что дальше отступать нельзя. Извини, брат, но сейчас дописать письмо не могу. Они снова идут в атаку...» «15 февраля 1942 года. Дорогой Михаил! Прости, что долго не писал. Был ранен и находился в госпитале, но сейчас чувствую себя хорошо. Как лучшего бойца, меня направляют в танковое училище. Очень жаль расставаться с боевыми друзьями, но ведь ты всегда учил меня, что нужно поступать так, как велит долг. До свидания, меня ждут в машине. Напишу из училища».

«16 апреля 1945 года. Это письмо я пишу тебе, сидя на броне своего танка. Через несколько минут вместе со своими орлами я иду громить фашистских гадов. Перед нами Бранденбург, и мы будем брать его штурмом. Экипаж моего танка хорош, и все ребята готовы драться как львы, чтобы как можно скорее приблизить час победы. Может, придется погибнуть за Советскую Родину, но ты знай, что для меня это великое счастье, и я рад, что в общее дело победы внес и свой скромный вклад».

Последнее письмо, судя по ровным строкам, выведенным другим почерком, уже не карандашом, а пером и чернилами в спокойной обстановке затишья, наступившего после капитуляции фашистской Германии: «15 мая 1945 года. Дорогой Михаил Трофимович! С глубокой скорбью сообщая, что ваш брат, младший лейтенант Алексей Трофимович Попов пал смертью храбрых за свободу и независимость нашей Советской Родины. 17 апреля, на второй день берлинского наступления, нашей роте была поставлена боевая задача уничтожить вражескую батарею, мешавшую продвижению пехоты. Первым ворвался на позиции гитлеровцев танк младшего лейтенанта Алексея Попова. Он уничтожил несколько орудий и, продолжая преследовать бегущих немцев, устремился по улицам Бранденбурга, но неожиданно из переулка ударил «тигр». Круто развернувшись, танк Алексея таранил немецкую машину, а через несколько минут по улицам города уже бежали наши бойцы. Боевое задание было выполнено, но Алексей Тимофеевич Попов погиб. Похоронен он в братской могиле на окраине Бранденбурга. 10 мая 1945 года ваш брат Алексей Трофимович Попов за свой подвиг награжден (посмертно) орденом Отечественной войны первой степени. Командир танковой роты капитан И.Н. Чижов» Я прочел письма не известного мне парня, не дожившего до победы несколько дней, и задумался: «Столько лет прошло, почти век минул со дня капитуляции фашистской Германии... Парню было тогда лет двадцать или чуть больше... И наверняка не было бы его сейчас в живых, не погибни он там, в Бранденбурге... Но время не властно над памятью о героях Куликовской битвы, Бородинского сражения и других войн, в которых наши соотечественники отстаивали честь, свободу и независимость Отечества. Слава тебе, солдат Алексей Попов! Ты выполнил свой долг перед матерью-Родиной! Слава всем участникам Великой Отечественной войны! □

ПОСЛЕДНИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

Император с плохо скрытой неприязнью смотрел на стоявшего перед ним безукоризненно одетого мужчину примерно тридцати с небольшим лет. Серые пронизательные глаза, высокий лоб, темные волосы. «Гумбольдт, пруссак. Весь Париж сходит по нему с ума. Только что вернулся из полного опасностей и приключений путешествия по Южной Америке».

— Вы увлекаетесь ботаникой? — нарочито небрежно спросил Наполеон, и, не дождавшись ответа, прибавил: — Моя жена тоже увлекается ею.

Его называли «Аристотелем XIX века» и «вторым Колумбом». Гете считал его гением. Дарвин преклонялся перед ним. Имя этого человека увековечено на географической карте мира: в его честь названы горы, озера, реки, заливы и города на четырех континентах. И даже на Луне есть кратер Гумбольдта. Основатель сравнительной климатологии и ботанической географии, он внес неоценимый вклад в десятки других научных дисциплин, а его последнюю книгу «Космос» по масштабности и силе воздействия на читателя сравнивали с «Божественной комедией» Данте.

Александр фон Гумбольдт появился на свет 14 сентября 1769 года в Берлине. Его отец, в молодости бравый драгунский майор, участвовал в Семилетней войне. Позднее он оставил военную службу и, получив звание камергера, поселился сначала в Потсдаме, а потом в Берлине. В 1769 майор женился на вдове барона Гольведе, которая принесла ему не только изрядное состояние, в том числе богатый дом в Берлине, замок Тегель и поместье в Рингенвальде, но и подарила двух замечательных

глубокие и прочные знания. Диапазон научных дисциплин был очень широк — от древних языков до физики и ботаники. Впрочем, в детстве и даже в отрочестве Александр сильно отставал от Вильгельма. Память у него была великолепная, но быстротой соображения он не отличался, в то время как Вильгельм легко и сразу схватывал суть предмета. Неизвестно, знал ли Александр, что таким же «тугодумом» в детстве считался и великий Ньютон, но добродушные поддразнивания родствен-

Около двадцати лет Гумбольдт провел в Париже, где были наиболее подходящие условия для обработки собранных данных и публикаций результатов экспедиции по Америке. Гигантский труд «Американское путешествие» включал 34 тома. Стоили они очень дорого и для широкой публики были недоступны. Да что там рядовой читатель! Даже в домашней библиотеке прусского короля имелись далеко не все тома...

сыновей. (Старшему брату Александра, Вильгельму, суждено было стать выдающимся филологом и лингвистом.) Фрау фон Гумбольдт была женщиной очень практичной, рассудительной и спокойной, но несколько суховатой. Она и занималась воспитанием сыновей после безвременной кончины мужа. Младшему, Александру, в то время еще не исполнилось и десяти лет. Мальчики жили преимущественно в замке Тегель. Опытные педагоги давали им

ников его мало задевали. И он был прав, ведь образование, которое им давали, имело преимущественно философский и юридический характер, что больше отвечало склонностям старшего брата. Самого же Александра интересовали в основном естественные науки. Недаром в семье его прозвали «аптекарь», что в то время было синонимом человека, которого увлекали науки о природе вещей. В Берлине, куда братья были отправлены для получения солидных зна-

ний, помимо экономики, истории и юриспруденции, он со страстным увлечением занимался ботаникой, географией и геологией. В то же время братья зачитывались гетевским «Вертером» и шиллеровским «Доном Карлосом», хотя Александр порой подсмеивался над чрезмерной сентиментальностью брата. Различие характеров, впрочем, не испортило отношений между ними. Они были очень дружны, и дружба эта с годами лишь возрастала. Кстати, Вильгельм первым заговорил о про-

Следующие полтора года Александр посещал сначала Франкфуртский, затем Геттингенский университет, а потом предпринял ряд поездок, точнее, научных командировок на Рейн, в Голландию и Англию. Их результатом явился ряд блестящих статей по геологии, ботанике и физиологии. Но самое главное, в нем постепенно пробуждалась страсть к путешествиям в тропические страны. Он готов был отправиться туда хоть завтра, но отлично понимал, что до тех пор, пока жива мать, чудес

Иntenсивная научная работа не мешала Гумбольдту интересоваться не только политикой, но и придворными новостями. Вечера он проводил обычно в салонах, где блистал ученостью, красноречием и остроумием. Нередко за вечер он успевал объехать несколько салонов, возвращался домой где-то к полуночи и еще несколько часов проводил за рабочим столом. А следующим утром вставал бодрым и работоспособным

буждающихся феноменальных способностях брата. Александру исполнилось уже восемнадцать. Кроме учебных занятий он немало времени уделял светским развлечениям — посещал салоны, ухаживал за дамами, учился танцевать, много рисовал, в чем достиг немалых успехов. К этому времени уже сложился его характер: веселый, общительный, соединяющий приветливость и снисходительность к людям с насмешливостью и скептицизмом.

тропиков ему не видать. Матушку свою Александр, честно говоря, не очень-то любил — фрау Гумбольдт, как уже говорилось, была излишне строгой и суховатой, — но и смерти он ей, разумеется, не желал.

Молодой человек решил прослушать курс во Фрейбергской горной академии, а затем в течение нескольких лет работал в государственном горном ведомстве. Он образцово налаживал горнозаводское дело во Франконских княжествах, а попутно

занимался изучением газов, скапливающихся в шахтах, и пытался изобрести безопасную лампу и дыхательную машину, которая могла бы сохранить жизнь горнякам в критических случаях. Попытки эти были не совсем безопасны. Однажды испытателя пришлось вытаскивать из шахты бесчувственного и едва не задохнувшегося. Увы, успешных результатов ему достичь так и не удалось. Зато его параллельные исследования в области земного магнетизма, изучения химического состава воздуха и подземных газов принесли ему известность в мире науки. Ну а для подготовки к будущим путешествиям Александр занимался практической астрономией, определением широты и долготы мест и тому подобным. Среди этих занятий в 1796 году он получил известие от брата о смерти матери и почти сразу же начал готовиться к путешествию в Вест-Индию. К боль-

Александр Гумбольдт в молодые годы. Портрет работы Карла Штейбена

шому его сожалению экспедиция эта не состоялась. Сорвалось также кругосветное путешествие и экспедиция в Африку. Время тогда вообще было не очень-то благоприятное для дальних экспедиций: брожение, охватившее Европу, беспрестанные войны сильно затрудняли подобные предприятия.

В Париже, где Александр жил в последнее время, он познакомился с молодым ботаником Эме Бонпланом, таким же энтузиастом дальних странствий. Гумбольдт, который совсем недавно получил очень солидное наследство — 85 тысяч талеров, целиком взял на себя расходы по будущей экспедиции и уговорил своего французского друга

не упорствовать в щепетильности и участвовать в ней за его счет. Молодым людям, в общем-то, было все равно, куда ехать — лишь бы далеко и обязательно в тропики, где работы для исследователей было — непочатый край. В то время страной, которая безраздельно господствовала в тропических областях Южной и Центральной Америки, была Испания, поэтому в конце декабря 1798 года друзья отправились в Мадрид. Им несказанно повезло. Гумбольдту удалось добиться аудиенции у короля и заинтересовать монарха настолько, что тот дал ему разрешение посетить и исследовать испанские владения в Америке и Тихом океане без каких бы то ни было стеснительных условий и обязательств. Местным властям были разосланы предписания оказывать путешественникам всяческое содействие.

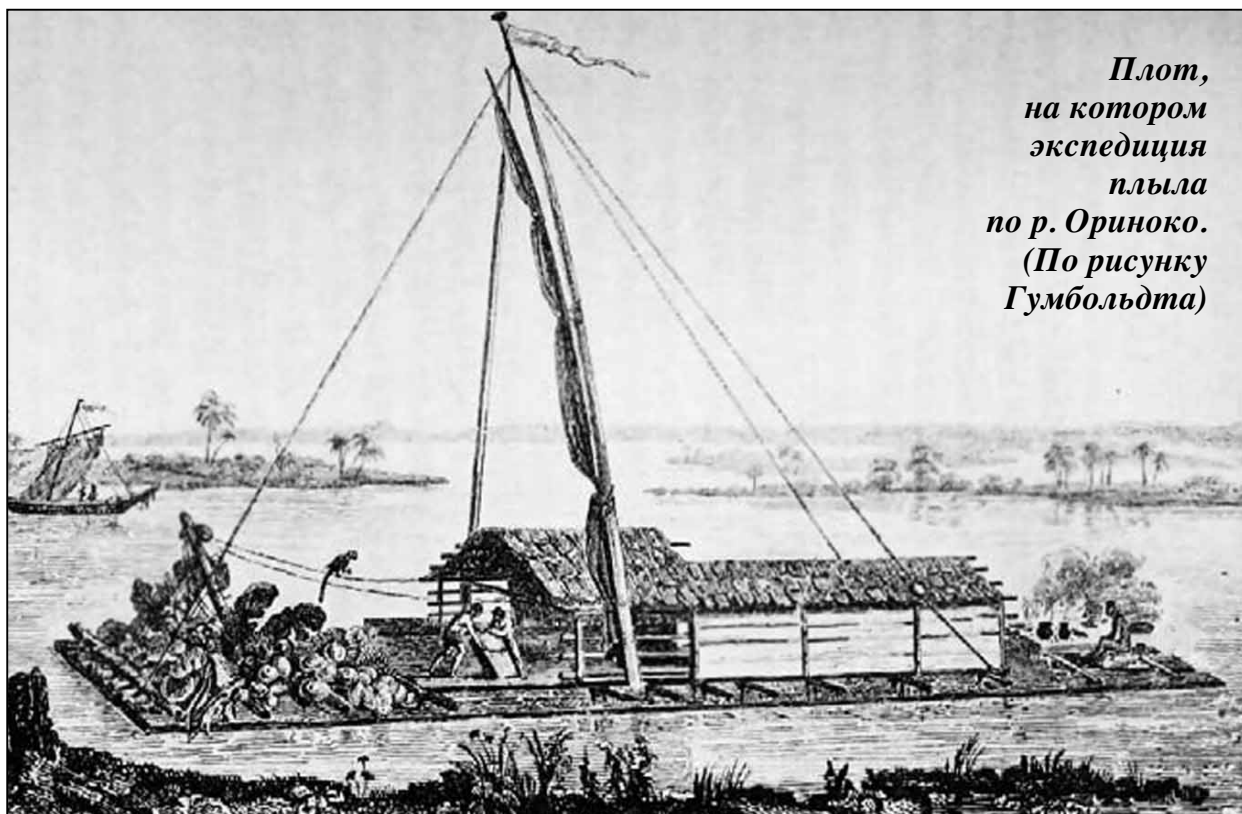
Приготовления были закончены к маю. Однако между Испанией и Англией в то время шла война, и порт Корунья, из которого друзья должны были отплыть в Америку, был блокирован английскими кораблями. И все-таки 6 июня 1799 года в бурную темную ночь, обманув бдительность британцев, корвет «Писсаро» выскользнул из гавани и взял курс на Канары.

Плавание совершалось благополучно и быстро. Материал для исследований представился в достаточном количестве с первых же дней. Океанские течения, морские животные и растения, фосфорес-

ценция моря — все это было ново и интересно для Гумбольдта, все это было еще едва затронуто наукой.

На Канарских островах путешественники пробыли несколько дней, поднялись на Тенерифский пик. Именно здесь при виде различных растительных поясов, появляющихся один над другим по мере движения к вершине, Гумбольдту пришла мысль о связи растительности с климатом, положенная им в основу ботанической географии.

Дальнейшее морское путешествие совершалось так же беспрепятственно. Только к концу плавания эпидемия, начавшаяся на корабле, заставила их высадиться раньше, чем они предполагали: в Кумане, на берегу Венесуэлы. Первое впечатление от южноамериканской природы было ошеломляющим. «Мы бегали, как дураки, — писал Гумбольдт брату. — Первые три дня ни за что не могли взяться, бросая одно, чтобы заняться другим. Бонплан уверяет, что сойдет с ума, если эти чудеса не прекратятся!» Из Куманы друзья решили перебраться в столицу страны, Каракас. Там Гумбольдт был чрезвычайно любезно принят высшим светом. Впрочем, путешественникам было не до раутов и банкетов. Их манил неведомый мир Ориноко и Амазонки. Некоторые европейские географы того времени выдвигали гипотезу, согласно которой водная система Ориноко соединяется с системой Амазонки. Гумбольдт решил проверить это. Его ничуть не смущало то, что

*Плот,
на котором
экспедиция
плыла
по р. Ориноко.
(По рисунку
Гумбольдта)*

идти туда — означало проникнуть в такие дебри, куда еще не ступала нога путешественника. Дорога шла через льяносы, травянистые степи, напоминающие африканскую саванну. Из-за жары путники предпочитали передвигаться ночью, когда было прохладно, однако идти было неприятно из-за ночных стонов, рычаний, визгов. Нередко почти параллельно с отрядом шел один и тот же ягуар. Он не слыл людоедом — довольствовался скотом, но на крики и стук не реагировал, и его янтарные глаза иногда возникали среди черных ветвей кустарника.

От индейцев Гумбольдт узнал, что в водоемах близ городка Колабосо водятся во множестве так называемые гимноты или электрические угри, и уговорил их добыть ему не-

сколько штук для опытов. Способ ловли рыб был, мягко говоря, не совсем обычным. Индейцы загнали в озерцо около 30 неприрученных лошадей и мулов. Шум, поднятый этими животными, заставил угрей вылезти из ила и вступить в сражение. Огромные, до полутора метров, рыбины прижимались к брюху лошадей и мулов, разряжая свои мощные электрические батареи (сила их ударов доходила до 300–400 вольт). Несколько лошадей ушли на дно, но другие продолжали гнать угрей к берегу, где их встречали индейцы с острогами. Александр из интереса наступил на одного из пойманных угрей двумя босыми ногами. Он получил удар страшной силы, и весь остаток дня его мучила острая боль в коленях и почти во всех суставах.

Эме Бонплан

Гумбольдт и его спутники продолжали свой путь по сухим раскаленным льяносам, порой натываясь на находившихся в спячке гигантских питонов — боа. Всезнающий Александр не преминул заметить в своем дневнике, что из спинных сухожилий этих удавов получают великолепные струны для гитар, превосходящие по качеству струны из кишок обезьян-ревунов. По ночам над путниками кружились огромные летучие мыши из семейства вампиров и, казалось, что они вот-вот вцепятся в лицо.

Добравшись до многоводной реки Апуре, Гумбольдт и Бонплан приобрели широкую пирогу — «ланкас», наняли кормчего и четырех индейцев, чтобы управлять ею. Пирога была настолько широка, что

на корме ее построили хижину, в которой уместились стол и скамья.

Теперь путешественники вступали в область, о которой имелись лишь самые смутные сведения. Лодка шла довольно быстро; чем дальше, тем гуще становились джунгли по берегам реки, пока не превратились в сплошную зеленую стену. Путешественников донимали москиты, муравьи, клещи, которые «внедрялись в кожу и бороздили ее, как пашню». Ночами вокруг каждого бивуака устраивали костры, чтобы оградить себя от нападения ягуаров. На шестой день они достигли реки Ориноко и едва не погибли во время разразившейся бури. Пирогу на две трети залило водой. Индейцы попрыгали в воду и пустились вплавь к берегу. Верный Бонплан умолял Гумбольдта разрешить ему вплавь переправить его через разбушевавшуюся реку (Александр не умел плавать). Положение было отчаянным. Они находились в полумиле от берега, крокодилы стаяй окружили их, наполовину высываясь из воды. К счастью, порыв ветра внезапно надул паруса их суденышка, и они сумели добраться до берега.

Путешествие продолжалось. Александр и его спутники поднялись до верховьев Ориноко и убедились в том, что эта река действительно соединяется с притоком Амазонки Риу-Негру. Эта часть пути была особенно трудной. Путников одолевали москиты, съестных припасов не хватало, приходилось восполнять

Эдуард Эндер. «Гумбольдт и Бонплан в амазонских джунглях»

нехватку муравьями особой породы, употребляемыми в пищу индейцами. Ко всем этим затруднениям присоединялась возрастающая теснота в лодке, которая мало-помалу заполнилась коллекциями и целым зверинцем: восемь обезьян, несколько попугаев, тукан и прочая живность делили с людьми тесное помещение.

В конце августа 1800 года Гумбольдт и Бонплан вернулись в Куману. В трудах и лишениях прошло больше года. Они проплыли и прошли около 6500 миль по наименее изученным районам Южной Америки, собрали богатейшие коллекции — одних только растений более 12 тысяч. Дальнейший их путь лежал на Кубу, где они пробыли несколько месяцев, изучая природу и политическую ситуацию на острове. Затем

отправились в Перу, откуда после недолгой передышки весной 1801 года началось их второе большое путешествие по Южной Америке. Экспедиция через Кордильеры была не менее сложной и опасной, чем через льяносы и джунгли — пешком, по узким ущельям, под проливным дождем, без обуви, которая быстро развалилась. Приходилось, промокнув до нитки, ночевать под открытым небом, брести, утопая в грязи, перебираться вброд через горные потоки с ледяной водой, карабкаться по узким тропинкам.

В январе 1802 года они достигли города Кито (столица современного Эквадора). Около года Гумбольдт и Бонплан оставались в этой части Америки, изучая со всевозможных точек зрения богатейшую природу.

Особое внимание Гумбольдта привлекли многочисленные вулканы, на некоторые из которых он поднимался многократно.

Во время пребывания в Кито Александр с рассветом вместе с Бонпланом отправлялся верхом на муле в горы, возвращался в сумерки, обычно промокший, испачканный грязью. Через некоторое время, уже одетый в голубой камзол, панталоны и белый жилет, появлялся в изысканном обществе, но задерживался там ровно настолько, чтобы успеть сказать комплименты дамам и слегка перекусить. Затем уходил к себе и либо занимался астрономическими наблюдениями, либо систематизировал свои коллекции. Такое сочетание напряженности в работе и светскости вообще было характерно для Гумбольдта всю его долгую жизнь и, возможно, позволяло ему сохранять высокую работоспособность.

Можно назвать это мальчишеством, но едва ли не больше, чем всем остальным сделанным в жизни, Гумбольдт гордился своим восхождением на вулкан Чимборасо, считавшийся тогда высочайшей точкой не только Южной Америки, но и всей Земли. И при современной технике восхождений вершина эта не считается легкодоступной, ее высота — 6 272 метров. Гумбольдт, Бонплан и двое их спутников шли на ее штурм безо всякого альпинистского снаряжения, они не пользовались даже веревками. Разреженный воздух затруднял дыхание. Их мучила

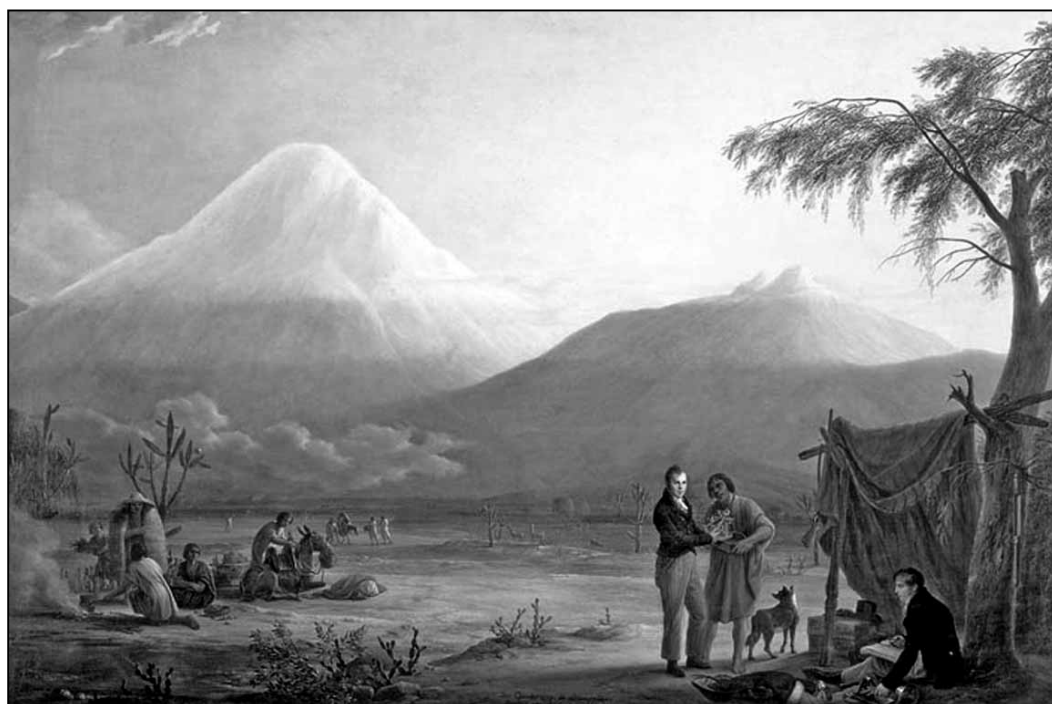
сильная тошнота, из десен и губ сочилась кровь, тем не менее, они упорно продвигались к вершине. Увы, им не удалось ее покорить, путь им преградила непреодолимая для них расщелина. И все же, согласно барометрической формуле Лапласа, они достигли высоты 5 881 метров над уровнем моря, и это дает основание называть Гумбольдта одним из пионеров альпинизма и основателей высокогорных исследований. Здесь же в Кито Гумбольдт открыл для себя цивилизацию инков и внес немалый вклад в развитие американистики. Он даже выучил язык инков (кечуа) и пришел к заключению, что он не менее богат и выразителен, чем испанский.

Из Кито Гумбольдт с Бонпланом направились в Лиму, которая стала самой южной точкой их путешествия. Но, прежде чем вернуться в Европу, путешественники посетили еще и северо-американский континент — Мексику и США.

В августе 1804 года после пятилетнего отсутствия они прибыли в Европу, высадившись в Бордо. Научные результаты их путешествия были неоценимы. Гумбольдт произвел около 700 гипсометрических измерений (измерение высот), то есть создал географию и орографию мест, в которых побывал, исследовал их геологию, собрал массу данных о климате. Экспедиция собрала огромные ботанические и зоологические коллекции — одних растений около 4 тысяч видов, половина из

которых не была известна науке. Были исправлены и дополнены карты течений Амазонки и Ориноко, определены направления некоторых горных цепей и открыты новые, до толе неизвестные, нанесено на карту морское течение вдоль западных берегов Америки, названное позднее Гумбольдтовым. Таким образом, Гумбольдт по праву заслужил славу

лекций. В столице Гумбольдт был с восторгом встречен не только научным сообществом, но и высшим светом. Разумеется, его представители не могли по достоинству оценить научное значение экспедиции, но и они восхищались отважными путешественниками, побывавшими в глубине загадочного и неизведанного континента. Вдобавок, в зим-

Фридрих Георг Вейч. «Александр фон Гумбольдт и Эме Бонплан у подножия вулкана Чимборасо»

одного из создателей физической географии и современной географии растений, климатологии, океанографии и магнетизма, а опробованный им комплексный метод научных исследований стал образцом для всех экспедиций XIX века.

Из Бордо путешественники поспешили в Париж — для приведения в порядок и обработки своих кол-

них садах и оранжереях наполеоновских нуворишей уже давно цвели экзотические растения, выращенные из семян, ранее присланных в Европу Гумбольдтом и Бонпланом. Они служили украшением и многих роскошных гостиных и салонов, а светские щеголи носили на часовой цепочке оправленные в золото семена из Южной Амери-

ки. Пожалуй, единственным человеком в Париже, который более чем равнодушно отнесся к героям дня, был французский император. Когда во время одного из приемов Гумбольдта представили ему, Наполеон ограничился пренебрежительным замечанием: «Вы занимаетесь ботаникой? Моя жена тоже занимается ею».

стве» включал 34 тома, изданных на французском, а частью на латинском языках. Стоили они чрезвычайно дорого: 2 553 талера, и для широкой публики были недоступны. Да что там рядовой читатель! Даже в домашней библиотеке прусского короля имелись далеко не все тома.

Однако интенсивная научная работа не мешала Гумбольдту интересо-

Восхождение на Чимборасо

Около двадцати лет, с небольшими перерывами, Гумбольдт провел в Париже, где были наиболее подходящие условия для обработки собранных данных и публикаций различных результатов экспедиции. В этой работе ему помогали многие ученые, среди которых встречается немало известных имен. Гигантский труд Гумбольдта «Американское путеше-

ваться не только политикой, но и придворными новостями и даже, попросту говоря, сплетнями. Вечера он обычно проводил в салонах, где блистал не только ученостью, красноречием и остроумием, но и знанием свежих анекдотов и мелочей, занимавших общество. Нередко за вечер он объезжал несколько салонов, а, возвращаясь домой к полуночи, еще не-

сколько часов проводил за рабочим столом. Ему хватало для сна четырех — пяти часов, наутро он вставал бодрым и работоспособным. Этот человек с наружностью изнеженного денди обладал поистине железным организмом. Он не был подвержен морской болезни, во время восхождений не уступал в выносливости метисам, привыкшим к высокогорью, в заболоченных джунглях Эквадора единственный из всех членов экспедиции не страдал от лихорадки.

никто так и не узнал, почему он не последовал зову сердца и не женился. Брат Александра, Вильгельм, предполагал, что причина была одна: связывать свою судьбу с судьбой другого человека, зная, что ты собираешься отправиться в далекое и опасное путешествие и всю свою жизнь посвятить изучению природы в разных уголках земли, Александр считал недопустимым. Он вообще был человеком достаточно холодным и рассудочным, и, похоже, его

Гумбольдт уже давно мечтал о путешествии в Россию. В 1827 году он получил приглашение от Николая I предпринять путешествие на Восток «в интересах науки и страны» и с благодарностью согласился. Петербург принял Гумбольдта очень радушно. В одном из салонов он познакомился с Пушкиным, который позднее в светском разговоре заметил: «Не правда ли, Гумбольдт похож на тех мраморных львов, что бывают на фонтанах? Увлекательные речи так и бьют у него изо рта»

Гумбольдт так никогда и не женился. Галантный собеседник, он пользовался успехом у дам, однако о его романах ничего не известно. Скорее всего, их вообще не было. Судя по скупым записям немногословного в таких делах Гумбольдта, единственной женщиной, к которой он питал глубокое нежное чувство, была сестра его приятеля лейтенанта Рейнхарда фон Хефтена из Байрейта. Александру тогда исполнилось 26 лет. Никаких подробностей этой истории не сохранилось,

всеобъемлющая страсть к науке исключала другие более сентиментальные привязанности. Тем не менее, по натуре это был человек очень добрый, гуманный и на редкость благожелательный, который охотно помогал всем, особенно молодым ученым.

Прусский король Фридрих-Вильгельм III был лично расположен к Гумбольдту и очень ценил его общество. В 1826 году он пригласил своего ученого друга переселиться в Берлин. Ответить отказом на такое приглашение значило бы оскорбить

короля, а этого Гумбольдт не хотел. Он и так уже был осыпан монаршими милостями: получил звание камергера, различные ордена, пенсию в 5 тысяч талеров (все свое состояние он истратил на американскую экспедицию и издание трудов). Скрепя сердце, Александр оставил Париж и переселился в «туманный Берлин».

Гумбольдт уже давно мечтал о путешествии по России. В конце 1808 года он получил приглашение от русского канцлера графа Румянцева принять участие в научной экспедиции по Сибири, а затем Кашгару и Тибету. Однако война 1812 года помешала осуществлению этого предприятия. В 1827 году через министра финансов России графа Канкринна пришло новое приглашение от императора Николая I предпринять путешествие на Восток «в интересах науки и страны». и Александр с благодарностью принял это приглашение, попросив лишь отсрочку на год, чтобы закончить начатые исследования.

1 мая 1829 года он прибыл в Санкт-Петербург. Встретили его с необычайным радушием. И аристократы, и ученые, по его выражению, «кружились вокруг него». В одном из салонов Гумбольдт встретился с Пушкиным, который позднее в светском разговоре заметил: «Не правда ли, Гумбольдт похож на тех мраморных львов, что бывают на фонтанах? Увлекательные речи так и бьют у него изо рта».

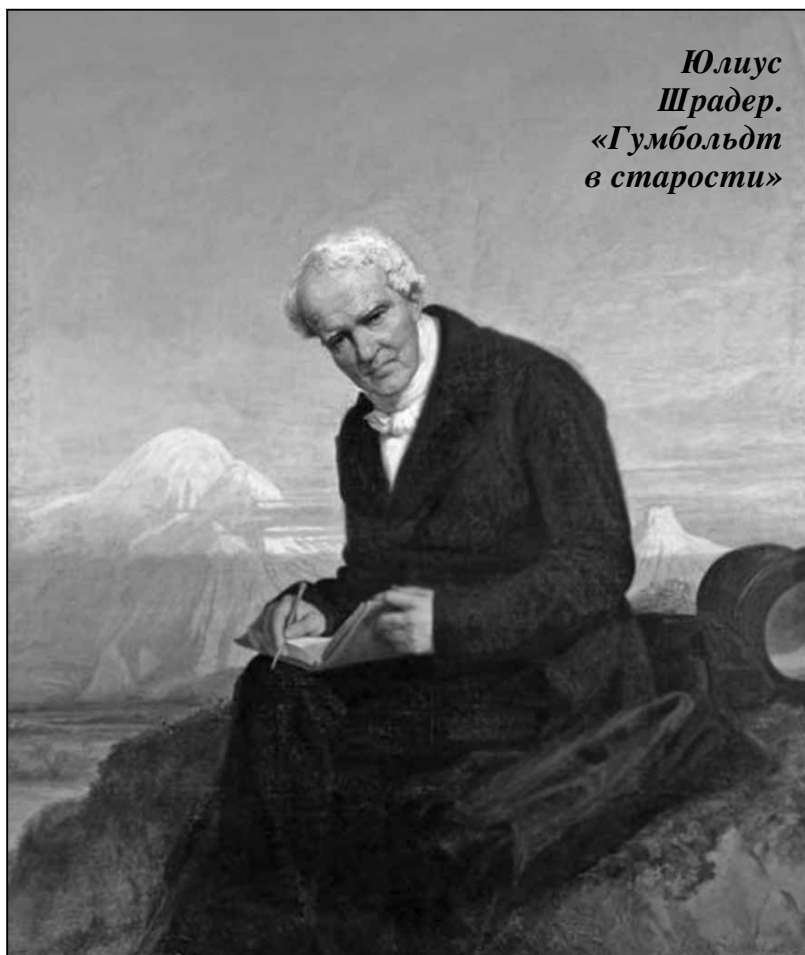
Все расходы по путешествию русское правительство брало на себя.

Всюду были заранее подготовлены экипажи, лошади, проводники. Местные власти загодя уведомлялись о прибытии высокого гостя. Из Петербурга Гумбольдт отправился в Нижний Новгород, затем по Волге в Казань, а оттуда в Екатеринбург. Здесь, собственно, и началось настоящее путешествие. В течение нескольких недель он и его спутники разъезжали по Нижнему и Среднему Уралу, исследуя их геологию, посетили главные заводы в Невьянске, Верхотурье, Богословске, осмотрели месторождения золота и платины, роднитовые шахты, побывали на экскурсиях в царских гранильных мастерских драгоценных камней. Далее Гумбольдт отправился в Тобольск, а оттуда через Миасс в Оренбург. Затем путешественники посетили Астрахань. Гумбольдт, по его собственному выражению, «не хотел умирать, не повидав Каспийского моря». День, в который он совершил небольшое путешествие по Каспию, ученый назвал одним из счастливейших в своей жизни. Путешествие продолжалось более полугода. За это время Гумбольдт и его спутники проехали в общей сложности 14 500 верст. Для трех дорожных экипажей было использовано 12 244 лошади. Было осуществлено 53 переправы через крупные реки (одну только Волгу они пересекли 10 раз). Научное значение экспедиции также было немалым. Выдающийся геолог и географ выяснил природу происхождения Арало-Каспийской низменности,

впервые указал границы Средней Азии и ввел в употребление сам термин. Одним из важных последствий этого путешествия явилось создание целой сети метеорологических и геомагнитных станций, постепенно охватившей весь земной шар.

В 1840 году умер король Фридрих-Вильгельм III, личный друг Гумбольдта, впрочем, и с новым королем Фридрихом-Вильгельмом IV ученый сохранил наилучшие отношения.

Друг королей, король ученых, Александр Гумбольдт затмил в глазах современников всех остальных светил науки. Еще более слава ученого укрепилась после выхода в свет его уникального труда «Космос». «Я имею безумное намерение изобразить весь материальный мир, все, что мы знаем о явлениях небесных пространств и земной жизни, от туманных звезд до мхов на гранитных скалах», — писал он. Труд этот, представляющий, по существу, свод знаний первой по-

*Юлиус Шрадер.
«Гумбольдт
в старости»*

ловины XIX века, пользовался огромной популярностью. Было признано, что «Космос» является самой читаемой книгой после Библии.

Гумбольдт выпустил четыре тома «Космоса» и работал над пятой. Но годы брали свое. В конце зимы 1857 года с ним случился апоплексический удар. Правда, вскоре сознание и речь вернулись к нему, но в конце апреля 1859 года он простудился и слег в постель. Смерть приближалась быстро, но не причиняла страданий. Силы уходили, дыхание становилось все прерывистее, дремота все более и более овладевала им. 6 мая 1859 года в 3 часа пополудни она перешла в сон, от которого никто не пробуждается. Гумбольдт не дождал до своего девяностолетия четыре месяца. Похоронили его с большими почестями в семейном склепе родного замка Тегель, рядом с братом. □

Иван Переверзин

Афоризмы

Малороссию признать как государственное образование — это наш долг, не требующий лишнего толкования!

Для того украинцы и формировали такую мощную военную группировку, чтобы донбасские города смешать с землей за одну артподготовку!

Украина развязала с Малороссией необъявленную масштабную войну, словно не боится нести ответственность за кровавую вину!

Украину с Малороссией разделяет неубывающая кровавая река, значит, на их примирение уйдут не десятилетия, а многие века!

Народ, против которого явно ведется кровавый геноцид, если не международное право, то штык защитит!

Западу пора перестать безнаказанно жить грабежом третьих стран, словно нет честного способа пополнять свой финансовый карман!

Сообщения из Малороссии с нетерпением жду, словно мои родители с фронта в сорок первом году!

Беспардонно обманувшая Россию с НАТО Америка теперь от ее сурового ответа впадает в истерику!

России воевать с западными странами не привыкать, а вот им как не надоеет по мордам получать и получать!

Чтобы с Россией в мире и согласии жить, необходимо о гордыне, как о чуме, забыть!

В отношениях с Западом мы, русские, ничего хорошего не знали,

то с Польшей, то с Францией, то с Германией воевали!

Все западные страны встали санкционной стеной за Украину, ну, ничего, мы и не такое переживали в страшную годину!

Любые санкции, словно бумеранг, обладают обратной силой, вот и посмотрим, какой для Запада они обернутся могилой!

Американцы поставили во главе Украины паяца, а теперь ума не приложат, как от него отказаться!

Прежде чем о своей государственности заявлять, необходимо исторической территорией обладать!

Грузия, пожалуй, решительно сделала для себя самое лучшее — не стала в отношении Украины бродить, как овца заблудшая!

США решили с Россией сражаться по-своему свято, то есть до последнего украинского солдата!

У России такая единственная природная кладовая, что без ее сырья чуть ли не встанет экономика мировая!

Американцы добились своего в обречении двух братских народов на военные муки, и теперь на глазах у мира всего с сигарами в зубах довольно потирают руки!

Из Украины на Запад бежит та категория населения, которая русских уничтожала бы без сожаления!

Еще никогда спортивные федерации не участвовали в войне, но и им захотелось помахать кулаками с нацистами наравне!

Запад в толк не возьмет, наизусть не заучит, что России всегда — чем хуже, тем и лучше!

Западные политики и хотели бы с Россией в войну вступить, да очень боятся смертную участь Гитлера повторить!

Россия от Создателя такая могущественная страна, что победить ее невозможно ни в какие времена!

Вместо того чтобы благодарить Россию за свое объединение, Германия украинскую сторону приняла без сомнения!

Биологическое оружие разрабатывалось в нацистской Украине, а ведь

это все равно, что сидеть на готовой взорваться мине!

Вместо того, чтобы России, борющейся с украинским нацизмом, помочь скорее, западные страны, как собаки, набросились на нее, норовя укусить больнее!

Поставки в нацистскую Украину всевозможного оружия Германией говорит о том, что она продолжает страдать фашистской манией!

Конечно, наше героическое отечество не находится в мировой изоляции, но и европейской хватает, чтобы крепнуть вдвойне российской нации!

До слез обидно, что, освобождая Украину от нацистов, мы теряем своих парней, таких добрых и чистых!

В Евросоюзе политики словно с ума посходили — санкции и на весь российский спорт наложили!

Украинцы потому не ценят подаренной им свободы, что не имеют древних корней, как другие народы.

Конечно, война в Украине для нас не гиблый ужас, тем не менее пояс придется затягивать потуже!

Украинский народ, несмотря на то, что его никто не бомбит, на обетованный для него Запад толпами бежит!

Националисты, боясь за свою жизнь, занимают не только школы, но и родительные дома, от такого неуправляемого страха ведь можно запросто сойти с ума!

Украинцы с малороссами жить в мире не будут, только надо было им разойтись, как люди!

К сожалению, Украину к мирной жизни не принудить, поскольку об этом серьезно не с кем говорить!

Запад не оставляет Путину пути к мирному соглашению, словно приговорил Украину к полному уничтожению!

Хранить у врага половину валютно-золотых запасов своих, это равносильно тому, что однажды выбросить на ветер их! □

«ПОДРУГА БЛАГОРОДНЫХ ИСКУССТВ»

Изабелла д'Эсте и три ее портрета

Эпоха Возрождения дала миру целый ряд выдающихся личностей. По большей части это мужчины — правители и военачальники, мыслители, скульпторы и художники, поэты, архитекторы, ученые... Но в этом ряду есть и несколько ярких дам, оставивших свой след в истории. И одна из них — Изабелла д'Эсте (1474–1539). П.П. Муратов писал: «В ...знаменитой Изабелле д'Эсте-Гонзаго сочеталось все то, что можно было представить, рисуя идеальный образ ренессансной принцессы и государыни.» И действительно: она покровительствовала художникам и поэтам, собрала блестящую коллекцию полотен, скульптур и других произведений искусства, переписывалась со всеми выдающимися деятелями своего времени, и «в ее письмах сквозит бесконечность ее интереса к жизни, ее интеллектуального любопытства, ее жажды действия» (Муратов). Недаром ее называли Примадонной Возрождения. Ее облик для нас сохранили настоящие гении — Тициан, Рубенс и Леонардо да Винчи, с работой которого произошла не так давно почти детективная история...

Изабелла д'Эсте родилась в 1474 году в семействе герцога Феррары Эрколе и Леоноры Неаполитанской, дочери правителя Неаполитанского королевства. Феррара XV века бы-

ла процветающим, богатым государством. Герцог Эрколе славился как большой любитель жизни во всех ее проявлениях — любил путешествовать, вкусно поесть, а еще слыл

Франческо Гонзага, муж Изабеллы

покровителем искусств. В его доме особенно ценилось просвещение и культура. Все дети герцога Эрколе получили прекрасное образование. Старшая и любимая дочь Изабелла, про которую современники говорили, что она скорее умна, чем красива, изучала латынь, географию, греческую и римскую историю и классическую литературу, а также занималась музыкой (прекрасно играла на лютне и флейте и неплохо пела), увлекалась астрологией.

Дабы обеспечить мир своему маленькому государству, Эрколе старался выдать замуж дочерей и женить сыновей на представителях правящих родов Италии, а потому Изабелла в результате стала родственницей всех итальянских герцо-

гов, графов и маркизов. В 16 лет Изабелла вышла замуж за маркиза Франческо II Гонзаго, маркграфа Мантуанского. Похоже, супругов Гонзаго не связывали пылкие чувства — Изабелла хорошо знала, что муж ей изменяет, и не любила его, но уважала, а когда он отправлялся в военные походы, правила их маркизатом умно и решительно, охраняя мир и покой своих подданных. А еще с огромным увлечением обустроивала свой маленький мир вокруг себя — призывала знаменитых поэтов и литераторов, покупала картины и скульптуры, приглашала лучших живописцев, заказывала им работы и собирала коллекцию произведений искусства. У нее были деньги и возможности, а потому довольно быстро там оказались картины Мантеньи, Перуджино, Корреджо, Лоренцо Коста. Для нее работали Тициан и Рафаэль. Кроме картин маркиза собирала резные камни, камеи, старинные монеты.

Но не всегда Изабелле нравилось то, что создавали для нее ее подопечные. У этой дамы был сильный характер, свои вкусы и предпочтения. Известен такой эпизод: однажды Андреа Мантенья, уже очень знаменитый в конце XV века мастер, написал ее портрет, и этот портрет сеньоре не понравился, да так, что она его просто уничтожила!

А вот портрет, написанный Тицианом примерно в 1536 году, дошел до нашего времени и хранится в венском Музее истории искусств. Тициан явно польстил Изабелле и изо-

бразил ее, в это время уже даму совсем не юную, 60-ти лет, вполне молодой и цветущей. Не удивительно, что портрет заказчице пришелся по душе. «Он настолько хорош, что я сомневаюсь, что в этом возрасте могла бы быть такой красавицей», — говорила она. Изабелла все-таки была умной женщиной...

В 1499 году в Мантуе появился Леонардо да Винчи — в декабре 1499 года войска миланского герцога Лодовико Сфорца были разбиты солдатами французского короля Людовика XII. Французы вошли в Милан, и Леонардо бежал в Венецию, а по дороге решил остановиться в Мантуе, он знал — его примут тут хорошо, маркиз Франческо II Гонзага и его супруга Изабелла д'Эсте всегда проявляли к нему внимание и симпатию.

Впервые они встретились еще в 1491 году, когда Изабелла выходила замуж за Франческо Гонзаго. Леонардо тогда участвовал в организации празднеств, по его эскизам были сшиты костюмы для участников рыцарского турнира. Конечно же, маркиза с удовольствием предоставила приют да Винчи и, ясное дело, не могла упустить такой случай — попросила прославленного художника написать ее портрет. Он сделал тогда два предварительных наброска — один оставил Франческо Гонзаго, а второй, уезжая, взял с собой. Маркиза всячески уговаривала его остаться при ее дворе, но, видно, у него были свои причины не задер-

Тициан. Изабелла д'Эсте

живаться в Мантуе. (Рисунок, оставленный в Мантуе, был утерян, а тот, что Леонардо взял с собой, ныне хранится в Лувре). Возможно, маркиза и художник вновь встретились в Ватикане в 1514 году, и тогда Леонардо завершил свою работу. Как бы то ни

Леонардо да Винчи. Набросок

было, на это намекает один свидетель: в 1517 году, будучи во Франции, он показывал серию полотен кардиналу Луиджи д'Арагона, после чего его помощник написал: «Среди них была картина, написанная маслом и изображающая некую благородную даму из Ломбардии». Вероятнее всего, то была Изабелла д'Эсте.

Но мы этого точно не знаем. И картины той до некоторого времени никто не видел...

В 1519 году скончался маркиз Гонзаго — от сифилиса, который он подхватил от одной из своих многочисленных пассий. Трон унаследовал его сын Федерико, при котором Изабелла стала регентшей. Она по-прежнему успешно управля-

ла своим маленьким маркизатом, и вскоре благодаря ее усилиям Мантуя приобрела статус герцогства.

Изабелла стала важной фигурой в Италии. Ее дипломатические способности всячески способствовали укреплению Мантуи. В 1525 году она переехала в Рим — Изабелла всегда говорила, что это ее любимый город. А в конце 1520-х годов она вернулась в Мантуя, организовала там школу для девочек, что было по тем временам поистине революционным шагом. И продолжала коллекционировать искусство.

Изабелла старалась наслаждаться жизнью как могла — проводила время в занятиях музыкой, любовалась своим собранием картин, скульптур и камней, устраивала шахматные турниры, в которых участвовали лучшие итальянские шахматисты. (Лука Паччоли написал для нее трактат «Об игре в шахматы», и некоторые ученые полагают, что иллюстриро-

вал его Леонардо да Винчи), а еще очень любила путешествовать — как и ее отец Эрколе...

Изабелла д'Эсте скончалась в 1539 году. «После мантуанской маркизы остались связки писем, сундуки с нарядами и драгоценностями, коллекции картин и предметов искусства, собрание книг и рукописей. В моральной и интеллектуальной атмосфере Возрождения она оставила след более глубокий, чем если бы была сама натурой творческой и артистичной. Изабелла д'Эсте явилась одной из первых создательниц моды, не только моды на покрой платья и на фасон прически, но моды искусства, поэзии, нравов», — писал П.П. Муратов...

В 1600 году в Италию приехал 23-летний Питер Пауль Рубенс. 5 октября он присутствовал на бракосочетании Марии Медичи во Флоренции, а уже в конце ме-

Портрет с наброска

сяца поступил на службу к мантуанскому герцогу Винченцо Гонзаго — делать копии с известных полотен. Даже в те времена, когда под правлением Медичи процветала Флоренция, Мантуя считалась одним из самых роскошных дворов в Италии. Ее дворцы украшали фрески Пизанелло и Мантеньи, гобелены, выполненные по рисункам Рафаэля, полотна Беллини, Корреджо, Тициана, Веронезе, Караваджо. Винченцо Гонзаго, как и его бабушка Изабелла, был страстным коллекционером — тратил сумасшедшие деньги на пополнение своего собрания, но не всегда ему удавалось завладеть подлинниками, а потому он порой приобретал копии. Вот для копирования он и пригласил Рубенса.

Питер Пауль Рубенс. Изабелла д'Эсте

Рубенс с увлечением изучал великие полотна, делал копии других для герцога и писал свои картины. И поняв, что молодой Рубенс как художник очень даже неплох, Винченцо заказал ему портрет герцогини Изабеллы — так появился ее посмертный рубенсовский портрет, сделанный на основе прижизненных изображений примадонны Возрождения.

Но вернемся к портрету — эскизу Леонардо. Совсем недавно его история получила продолжение, да какое — это была настоящая сенсация и поистине детективный сюжет!

В 2013 году в прессе появились сообщения, что Леонардо да Винчи все-таки откликнулся на просьбы Изабеллы и написал-таки ее портрет, который обнаружен в Швейцарии. Картина размером 61 на 46,5 сантиметров — явно написанная по тому самому рисунку из Лувра, — в числе около 400 других произведений искусства хранилась в коллекции некоего итальянского семейства, проживающего в Швейцарии. Владельцы полотна планировали продать картину, причем за весьма немалую сумму — 120 млн долларов. Но как она попала в Швейцарию, когда была вывезена — или похищена — из Италии? В общем, сделка не состоялась: итальянские власти, узнав о ней, приостановили ее, так как имели все основания полагать, что полотно было вывезено из Италии незаконно, а в этой стране очень строго относятся к таким случаям — а как иначе, ведь это народное достояние! И тогда портрет впервые попал в руки экспертов. Было извест-

но, что Леонардо, как правило, писал на досках, а эта картина была на холсте, но загрунтован он был, как это делал Леонардо, и краски были явно изготовлены в его эпоху.

Радиоуглеродный анализ определил возраст холста — между 1460 и 1650 годами. Но это ничего не доказывало — это могла быть работа копиистов или учеников Леонардо. И в работе эксперты отметили некоторые несовершенства, которые немислимы для Леонардо, но вполне допустимы для его учеников...

Однако, независимо от всего этого, было очевидно, что картина представляет интерес для истории культуры Италии, а потому все юридические основания для ее возвращения на родину были налицо. Страна могла обрести живописный портрет Изабеллы д'Эсте, и, очень возможно, картину кисти великого Леонардо! Но тут вдруг, когда Италия уже торжествовала и праздновала победу, картина совершенно невероятным образом исчезла!

Казалось, навсегда, но 27 августа 2014 года полиция итальянского города Пезаро, расследуя дело о финансовых махинациях, обнаружила у местного адвоката письмо от некоей 70-летней Эмидии Чеккини. Сеньора поручала ему продать картину, ту самую, которую столько времени искала итальянская полиция, не менее чем за 95 млн евро. Так удалось вновь напасть на след портрета. Операцией руководил полковник Антонио Раймондо. В результате совместных действий финансовой гвардии

и управления карабинеров по охране культурного наследия при содействии властей Швейцарии картину нашли в банковском хранилище города Лугано. Случилось это уже в 2015 году.

Итальянцы праздновали победу, а, между тем, споры о подлинности картины не кончались, лишь все больше разгорались. И вот уже один из ведущих специалистов по творчеству Леонардо да Винчи Карло Педретти, руководитель Центра Леонардо в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, заявил, что картина, скорее всего, принадлежит кисти Леонардо, и художник мог написать ее в 1514 году, когда он и Изабелла встретились в Риме.

Впрочем, очень скоро в прессе появились более осторожные слова Педретти — мол, он лишь признал картину достойной дальнейшего изучения.

Ученые продолжают исследовать полотно, ведь это очень важно — если будет признано, что оно принадлежит кисти Леонардо, это по-новому осветит его творческий путь. До нас дошло так обидно мало полотен великого живописца, и если обнаружится еще одно, это будет большим событием в мире искусства.

А пока все поклонники да Винчи очень надеются, что эта картина снова не исчезнет и после атрибуции займет достойное место в коллекции какого-нибудь итальянского музея, где мы снова сможем встретиться с шедевром великого Леонардо и Изабеллой д'Эсте, примадонной Возрождения. □

Актриса Малого театра Полина Долинская достойно продолжает актерскую династию: ее отец — известный актер и замечательный человек Владимир Долинский. В своем театре она занята в спектаклях «Маскарад» М.Ю. Лермонтова, «Восемь любящих женщин» Р. Тома, «Васса Железнова» М. Горького, «Перед заходом солнца» Гауптмана, «Идиот» Ф.М. Достоевского и других. Полина снимается и в кино. Поначалу роли у нее были эпизодические, а известность актрисе принесло участие в телесериалах «Маруся» и «Петрович».

Полина Долинская

**«Папа научил меня
бесконечной любви к театру»**

Фото из личного архива

— Полина, что нового и интересного в вашей творческой жизни происходит сегодня?

— В начале 2021 года мы выпустили в театре спектакль «Месяц в деревне» по пьесе Ивана Сергеевича Тургенева в постановке Глеба Подгородинского — ведущего

актера Малого театра, это его первая режиссерская работа. Мне выпала честь сыграть Наталью Петровну. Мне трудно говорить о результате, но, по отзывам, спектакль получился достаточно глубокий и трогательный, как говорится, для души.

В год двухсотлетия со дня рождения Достоевского в нашем театре состоялась премьера «Идиота» — постановка по роману Федора Михайловича — сценическая версия режиссера Андрея Житинкина. Я играю Настасью Филипповну. Это

— **В вашем арсенале великолепные героини: Нина Арбенина — «Маскарад», Софья — «Горе от ума», Надежда Монахова — «Варвары», Людмила — «Дети Ванюшина», Луиза — «Восемь любящих женщин», — можно**

**«Месяц
в деревне»**

Фото
Евгения
Люлюкина

одна из самых значимых ролей мирового репертуара. Представляете, какая на мне лежит ответственность. Материал очень сложный. К сожалению, мы были поставлены в тесные временные рамки. Но я надеюсь, что моя роль и спектакль будут еще расти и развиваться. Хотелось бы играть его как можно чаще.

перечислять и дальше. А есть ли самые любимые?

— Я очень люблю все свои роли. Мне трудно выделить какую-либо из них, ведь каждая роль — это продолжение меня. Как говорят учителя, «я — в предлагаемых обстоятельствах». Мне очень повезло с ролями. Многие актрисы годами ждут хотя

бы одну из сыгранных мною ролей, а мне посчастливилось сыграть их, да на какой сцене... великого русского Малого театра. О чем еще может мечтать актриса?

— Полина, вы родились в актерской семье, папа — Владимир Абрамович Долинский — пре-

В театре нет обслуги и нет прислуги, актер — это не пуп земли, вокруг которого все должно вертеться.

— Существует ли магия сцены?

— Безусловно. Сцена впитывает энергетику великих актеров, которые ступали на нее, к сцене нужно относиться уважительно. Кто-то из акте-

красный артист и прекрасный человек, гражданин. Чему вы научились у своих родителей?

— Всему! Мама научила меня любить людей, радоваться жизни, привила любовь к книгам и музыке. Папа научил меня быть преданной своим друзьям и бесконечной любви к театру. Научил уважительному отношению к коллегам, к товарищам по цеху, к персоналу театра.

ров перед выходом целует сцену, кто-то крестится, кто-то благодарит сцену — у каждого артиста есть свой ритуал. Сцена, безусловно, и лечит. Если ты плохо себя чувствуешь, то на 2–3 часа, которые проводишь на сцене, ты забываешь про свои болячки — у тебя появляются силы. Я замечала, что идет в театре, по коридору, пожилой актер неуверенной походкой с тросточкой, а когда выходит

на сцену, то буквально расцветает, становится на 15–20 лет моложе. Сцена дает энергию и силу.

— Полина, у вас есть мечты и планы относительно кино?

— Однажды я работала в большом сериале, и мне этого опыта хватило на всю жизнь. Знаете, я очень избирательно отношусь к кино, и пока у меня нет роли, которой могла бы похвастаться, но я ее жду.

— В какой театр посоветуете пойти театралам и что посмотреть?

— Приходите в Малый театр, на любой спектакль, занавес открывается, и перед вами — ожившая книга, вы никогда не испортите впечатление от Островского, Достоевского, Тургенева ...

Герои Грибоедова не будут бегать на сцене без штанов и ругаться матом... Вы увидите настоящих классических героев, как задумывал их сам автор.

— Нужен ли в театре дресскод, как вы считаете?

— Любой уважающий себя человек придет в театр аккуратно одетым, не обязательно надевать вечернее платье или смокинг, но придет одетым соответственно месту. Приятно видеть, когда в красивом зале люди одеты красиво, хорошо выглядят.

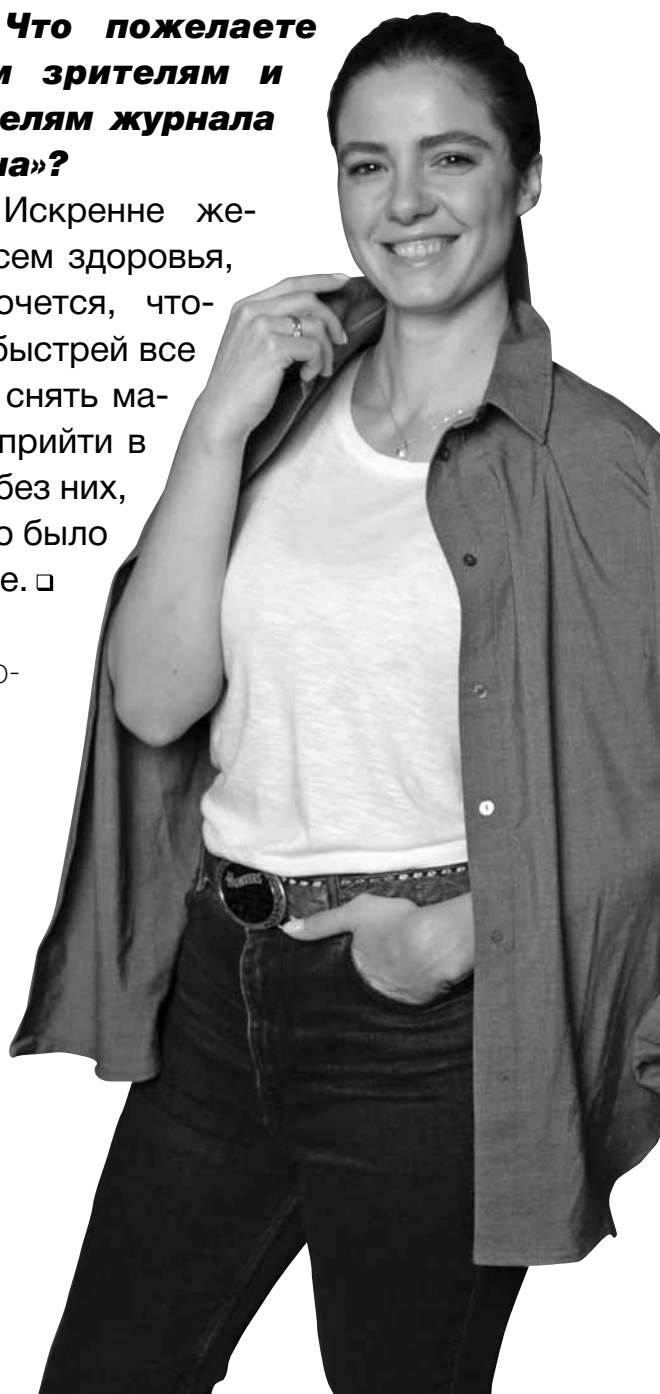
— Вы любите путешествовать?

— Конечно. В последнее время мы с мужем открыли для себя новый вид спорта — горные лыжи, и теперь я очень хочу возвращаться в горы. Последний раз мы катались в Сочи, но мне хотелось бы побывать и на склонах Архыза, и во Франции, и, конечно же, в Австрии. Последнее время меня тянет в горы даже больше, чем на море.

— Что пожелаете своим зрителям и читателям журнала «Смена»?

— Искренне желаю всем здоровья, так хочется, чтобы побыстрее все могли снять маски и прийти в театр без них, как это было раньше. □

Беседовала
Елена Воробьева

Андрей Шацков

ВОИНАМ РОССИИ

Вдоль речки дымится порез
Не сомкнутых льдов по стремнине.
Никак не кончается лес
На русской бескрайней равнине.

Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия — вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.

Какой заповедной строкой,
Пришедшей на память молитвы,
Хоть на год продлить твой покой,
Чтоб силы достало для битвы?!

Но нет, не расходится мгла,
И рваные тучи теснятся.
На струганных досках стола
Харлуг и прадедовы святцы.

Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом,
И сын поднимает глаза,
И смотрит внимательным взглядом.

РОДНЫЕ АЛТАРИ

Весенняя распутица и грязь,
Но за нее полцарства и полмира...
Не сотвори грошового кумира,
Пред алтарями Родины молясь.

В Отечестве твоём — пророка нет!
Оно прекрасно без словес витии.
Опять горит над пашнями России
Библейского Фавора горний свет —

Чудесный свет далеких берегов,
Священная лампада веры отчей
Средь наваждений гоголевской ночи
И находжений истинных врагов!

Они пришли — без счета и числа.
Но ты, харлуг в руке своей сжимая,
Припомни, как в степях встречал Мамаю,
И сокруши в бою обитель зла!

Опять над Русью кочеты кричат.
Великий пост сегодня на исходе.
И девам плыть на Пасху в хороводе.
И Троицу в июне отмечать!

Пусть будет, простотою, жизнь своей —
Красна и горька, как в лесах калина.
И пусть она продлится в жизни сына.
И возродится в детях сыновей!

ВОЛЧЬЯ ПЕСНЯ

Наметы и сугробы глубоки.
Бескрайни дали сумрачной России.
Опять, как в Смуту, волчьи огоньки
Рассыпаны на белой парусине.

Опять свистит метель над головой —
Взъерошенною леса головою.
Близка беда, и обернется вой
Заклятьем стаи — песней боевою!

Приветствую тебя, земля волков,
Напружившая лапы в гиблом веке,
Перед последним из своих прыжков,
Чтоб смежил ворог панцирные веки —

Навек!
И пробуждаясь ото сна,
Взломав дождем коросту ледостава,
Из поднебесья хлынула весна,
Из чернозема — возродилась слава

Твоих сынов, твоих святых чудес.
И таинств заповедного причастья...
Рожденный вольным — сбережет свой лес,
Где он на свет явился в одночасье!

НА РУЗСКОМ ХОЛМЕ

«Взбегу на холм...»

Н. Рубцов

И грянул гул... Такой во сне худом —
Предвестник гроз и неминучей кары...
Отринь его, взойди на этот холм,
Чтоб обозреть далекие пожары.

Как видно, Бог не зря сюда привел.
На древнем дубе мрачно грает ворон.
Здесь у подножья сад когда-то цвел,
Теперь он гол и от зазимка черен.

Под малокровным небом ноября
Услышь, как пульс в висках стучит набатом.
Твой пращур, на холме канон творя,
Был кметем, воем, ратником, солдатом!

Он принял смерть, но принял на миру!
И лег со всеми в братскую могилу.
А ты — один, и твоему перу
Остановить набега не под силу.

Но что бы ни пророчил этот сон.
И где бы ни стояли вражьи кони,
Ты можешь вздынуть колокольный звон,
Оставив шрам ожога на ладони

От вервия сияющих лучей,
Во искупленье посланного Спасом.
И вспыхнут разом тысячи свечей
По всем, Святой Руси, иконостасам!

ИГРА ДЛЯ ЛЕВОЙ РУКИ

Когда мы сегодня слышим выражение «светомузыка» или «цветомузыка», то представляем себе, прежде всего, яркие огни дискотеки. Но первым это понятие в обиход ввел композитор Серебряного века, удивительный талант, который умел в каждой ноте видеть свет и цвет, — Александр Скрябин.

А. Скрябин

Многие считают, что свой уникальный дар к музыке Шуринька, как называли его в детстве, унаследовал от матери, талантливой пианистки Любви Петровны, в девичестве Щетининой. Композитор Петр Ильич Чайковский, сокурсник Щетининой по консерватории, считал ее самой одаренной девушкой класса. Она выступала с концертами даже на поздних сроках беременности. За

несколько дней до рождения сына играла рождественскую программу в Саратове. Закончив выступление, отправилась в Москву, где 25 декабря 1871 года и родился будущий композитор.

Тяжелые роды подорвали и без того очень хрупкое здоровье Любви Петровны, и всего через год она скончалась от чахотки. Даже лечение в австрийском Тироле оказалось бес-

сильно. Отец Скрябина, Николай Александрович, служил дипломатом. После смерти жены он получил назначение в Константинополь и оставил Шуриньку на попечение бабушки, тети и крестной. За границей Николай Александрович снова женился. Его избранницей стала гражданка Италии Ольга Фернандес, которая родила мужу пятерых детей. Несмотря на то, что отец постоянно работал в зарубежных дипмиссиях, с сыном всю жизнь они вели теплую переписку, и при первой возможности Александр старался навестить отца по месту службы.

Именно тетя, Любовь Александровна, первой заметила талант мальчика и показала ребенка известному пианисту Антону Рубинштейну. Тот был изумлен способностями юного Скрябина и заклинал семью не мешать самостоятельному развитию таланта — то есть просил не заставлять мальчика играть и сочинять, когда ему не хочется.

Шуринька же вел себя сообразно возрасту: играл то, что нравится. А нравился ему в то время Шопен — он даже спал с нотами композитора под подушкой.

Первое выступление состоялось, когда Скрябину было 11 лет, во втором московском кадетском корпусе в Лефортове, куда он был отправлен для обучения, — по семейной традиции.

Путь молодого человека, разумеется, был predetermined, и в 1888 году он поступил в Московскую кон-

серваторию по классу композиции и фортепиано.

Новичком в этом деле Александр уже не был — на момент поступления у студента имелось более 70 музыкальных сочинений. Директор консерватории Василий Сафонов вспоминал, что у юноши было «особое разнообразие звука», он «обладал редким и исключительным даром: инструмент у него дышал». К тому же у Скрябина была особая манера использования педалей: зажимая их, он продолжал звук предыдущих нот, которые накладывались на последующие. Сафонов говорил: «Не смотрите на его руки, смотрите на его ноги!» (Тут стоит вспомнить, что в детстве будущий композитор проводил так много времени за роялем, что стирал подошвы обуви о педали, вызывая упреки родных.)

Скрябин был из породы перфекционистов, что не замедлило повлечь за собой неприятные последствия. Тренируясь постоянно, он «переиграл» правую руку. Врач Григорий Захарьин сказал юноше, что мышцы руки отказали навсегда. Александр Николаевич тогда впервые в жизни впал в мрачное настроение. Он писал, что потерпел первую серьезную неудачу в жизни, что начал сомневаться в том, что выздоровеет. Говорил, что его посещают мысли о ценности человеческой жизни, о Боге и религии.

Спас его тот же Сафонов, который, узнав о болезни своего студента, отправил его к себе на дачу в

Кисловодск, где тот вылечился, после чего смог продолжить учебу.

Как ни удивительно, но Скрябин не имел композиторского диплома Московской консерватории. Дело в том, что на старших курсах свободное сочинение преподавал профессор гармонии и контрапункта Антон Аренский, которому ближе была лирическая камерная музыка. А Александр Николаевич уже тогда не любил строгих канонов и создавал странные, на взгляд Аренского, произведения. Из-за творческого конфликта с ним Скрябин и остался без диплома композитора, получив в 1892 году только диплом пианиста. Также ему досталась Малая золотая медаль, а его имя занесли на мраморную доску почета у входа в Малый зал Московской консерватории. (Большую медаль в тот год получил Сергей Рахманинов.)

Болезнь правой руки никуда не делась, хоть врачам и удалось временно снять обострение. Чтобы продолжать выступать, Александр Скрябин написал произведения для левой руки — «Прелюдию» и «Ноктюрн. Опус 9».

Выполняя рекомендации врачей, попутно композитор разработал и собственные упражнения, которые помогали восстановить травмированную руку. Подвижность кисти вернулась, но прежняя виртуозность была утрачена. Тогда он обратил внимание на нюансировку — умение подчеркнуть тончайшие мимолетные звучания.

Первый авторский концерт Скрябин дал в 22-летнем возрасте. Организовать его помог тот же Сафонов. На концерте Александр Николаевич познакомился с человеком, который оказал огромное влияние на его дальнейшую жизнь и карьеру, — лесопромышленником Митрофаном Беляевым, у которого было свое нотное издательство «М.П. Беляев», он учредил и финансировал ежегодные премии имени Глинки, организовывал концерты. Уже скоро сочинения молодого композитора вышли в издательстве Беляева.

Беляев же отправил Скрябина в турне по Европе, из которого композитор вернулся в 1898 году. С этого же года он начал преподавать в консерватории — ему нужен был стабильный заработок, чтобы содержать семью. Еще в 1896 году Александр познакомился с молодой пианисткой Верой Ивановной Исакович и сделал ей предложение. Через год пара обвенчалась в Нижнем Новгороде, после чего отправилась жить за границу.

Всего в 26 лет Скрябин стал профессором фортепианного класса Московской консерватории. Разумеется, он продолжал и писать: в 1900 году было закончено большое произведение для оркестра. Все в нем было не по правилам: в Первой симфонии не четыре, как обычно, а шесть частей, причем в последней поют солисты с хором. Вторая симфония стала еще более новаторской. После премьеры композитор Анатолий Ля-

дов написал: «Ну уж и симфония... Скрябин смело может подать руку Рихарду Штраусу... Господи, да куда же девалась музыка... Со всех концов, со всех щелей лезут декаденты». Скрябин же просто отражал символистские и мистические идеи Серебряного века в музыке.

Несмотря на такие критические настроения, Третья симфония Скрябина произвела настоящий фурор. Слушателям казалось, что компози-

тивно тупому и была смела до сумасшествия, до мальчишества, шаловливо стихийная и свободная, как падший ангел».

Тут стоит отметить, что Скрябин часто бывал в доме художника Леонида Пастернака. Под его влиянием юный Борис Леонидович тоже занялся музыкой. Впоследствии поэт писал: «Больше всего на свете я любил музыку, больше всех в ней — Скрябина».

Первое выступление Скрябина состоялось, когда ему было 11 лет, во Втором московском кадетском корпусе, куда он был отправлен для обучения — по семейной традиции. С этого момента путь молодого человека был predetermined, и он после окончания учебы в корпусе поступил в Московскую консерваторию по классу композиции и фортепиано. К тому времени он уже не был новичком в музыке — на момент поступления в консерваторию у Александра было уже 70 музыкальных произведений

тор этим произведением «возвещает в искусстве новую эру».

Борис Пастернак описывал ее так: «Боже, что это была за музыка! Симфония непрерывно рушилась и обваливалась, как город под артиллерийским огнем, и вся строилась и росла из обломков и разрушений. Ее всю переполняло содержание, до безумия разработанное и новое... Трагическая сила сочиняемого торжественно показывала язык всему одряхлело признанному и величе-

Из-за смерти Митрофана Беляева на какое-то время Александр Николаевич оказался на мели, но вскоре ему удалось поправить свое материальное положение благодаря концертам в Америке и тому, что на родине он, наконец, стал знаменитостью: его произведения играли на лучших площадках Москвы и Санкт-Петербурга.

Он мечтал создать творение, которое объединило бы все виды искусства, и начал писать симфонию

«Мистерия», которую задумал еще в начале 1900-х.

Именно в тот период композитор решился вынести на суд публики свое восприятие музыки как света и цвета. О написанной в 1911 году симфонической поэме «Прометей» Скрябин говорил: «У меня в "Прометее" будет свет. Я хочу, чтобы были симфонии огней. Вся зала будет в переменных светах. Вот тут они разгораются, это огненные языки, видите, как тут и в музыке огни. Ведь каждому звуку соответствует цвет. Вернее, не звуку, а тональности».

Для того чтобы донести до зрителей — и музыкантов — свою мысль, Скрябин создал цветовой круг, а партию света в партитуре прописал отдельной строкой — «Luce». Но технически воссоздать симфонию цвета и света в те годы было невозможно, поэтому премьера прошла без этой оригинальной партии. Однако сложность произведения оказалась такова, что перед постановкой потребовалось провести девять репетиций, хотя обычно ограничивались тремя.

Знаменитый «прометеев аккорд» восхитил Сергея Рахманинова, который спрашивал у автора: «Как это у тебя так звучит? Ведь совсем просто оркестровано». Скрябин отвечал: «Да ты на самую гармонию-то клади что-нибудь. Гармония звучит».

Композитор всегда говорил, что не понимает, как можно сочинять просто музыку, это ведь смертельно

скучно. Он считал, что музыка только тогда имеет какой-то смысл, когда является звеном единого целого, звеном мироздания.

«Мистерия», между тем, двигалась своим чередом. По задумке композитора, это должно было быть сочетание оркестра, света, аромата, красок, движущейся архитектуры, стихов и хора в 7000 голосов. Поставлено это монументальное произведение должно было быть в храме на берегу Ганга.

Но, увы, плану не суждено было осуществиться. Из-за постоянной нехватки денег надо было все время зарабатывать на жизнь. В начале Первой мировой войны Скрябин давал благотворительные концерты в помощь Красному Кресту и семьям, пострадавшим от войны.

А много концертировать, чтобы зарабатывать, ему приходилось из-за того, что семейная жизнь его была бурной и — во многом — трагичной.

Родители его первой любви, Натальи Секириной, не дали согласия на их брак. То же произошло и с его второй невестой. Скрябин тяжело переживал разрыв этих отношений до тех пор, пока не познакомился с пианисткой Верой Ивановной Исакович и женился на ней. В этом браке родилось четверо детей: дочери — Римма, Елена и Мария, и сын Лев. После рождения последнего сына отношения между супругами испортились. Жена с детьми осталась жить в Швейцарии, в дачном поселке под Женевой, а Алек-

*Александр
Скрябин
с Татьяной
Шлецер*

сандр Николаевич путешествовал по миру, зарабатывая деньги.

В одной из таких поездок он познакомился с пианисткой Татьяной Федоровной Шлецер, которая, по сути дела, стала его второй женой (но официально отношения оформлены не были). Вера Ивановна к известию о романе мужа отнеслась крайне неприязненно.

В 1905 году умерла 7-летняя Римма Скрябина. Татьяна Шлецер вспоминала о том, как эта трагедия повлияла на композитора: «Римма была любимицей Скрябина, и смерть ее глубоко потрясла его. Он приехал на похороны и горько рыдал над ее могилой». Именно тогда состоялась последняя встреча Скрябина с первой супругой Верой Ивановной — больше они никогда не виделись.

Вместе с Шлецер Александр Николаевич жил в небольшом итальянском городке Больяско. В 1910 году, всего через пять лет после смерти дочери, в

Швейцарии от болезни умер его сын Лев. На этот раз Скрябин не поехал на похороны из-за очень плохих отношений с первой женой.

К тому моменту Татьяна Федоровна уже родила ему двоих детей: Юлиана и Ариадну. Впоследствии у них родилась еще одна дочь — Марина.

Мистически настроенный композитор считал, что над ним витает некое проклятие, забирающее у него детей одного за другим.

В 1911 году Скрябин с Татьяной Шлецер и детьми вернулся из Италии в Москву и стал преподавать сразу в двух учебных заведениях, давал много концертов.

Даже после рождения детей Шлецер Вера Ивановна категорически отказалась оформить развод. Кроме того, вернулась к своей профессии пианистки, начав активную концертную и преподавательскую деятельность. Она часто исполняла музыку Скрябина, всегда подчеркивая, что

является его женой, и это крайне болезненно воспринимали все другие участники этой семейной драмы, включая самого композитора.

Александр Николаевич был олицетворением творческой непрактичности. Даже играл он по слуху, не сильно обращая внимания на собственную же нотную запись. С корректурой произведений композитору всегда кто-то помогал. Несколько концертов в Париже не состоялись из-за того, что он не смог уладить договорные вопросы. А на любовные письма Татьяне Шлецер забывал клеить марки, поэтому их получали и оплачивали родственники девушки, неодобрительно относившись к ее связи с женатым мужчиной.

А еще он с юных лет боялся микробов, постоянно мыл руки, но это не уберегло его... В 1915 году над верхней губой вскочил «огневик» — так в старину называли фурункул. Так как он всегда трепетно относился к своей внешности, для него это была «маленькая трагедия», и он, не удержавшись, выдавил фурункул.

На следующий день губу и щеку Скрябина «разнесло». Доктор прописал мази, провел необходимые манипуляции, но ничего не помогло. У композитора развился сепсис, и 14 апреля 1915 года он скончался.

Последнее, что он успел сделать накануне смерти, — подписать прошение на имя императора об усы-

новлении детей от второго брака. Вера Ивановна этому препятствовать не стала. Так, в 1915 году все трое получили право носить фамилию отца. Татьяну Федоровну это разрешение не касалось.

Удивительным образом сохранились несколько аудиозаписей произведений Скрябина в авторском исполнении, сделанных в 1910 году. Так что и сегодня есть возможность услышать ту самую виртуозную игру,

С

крябин мечтал создать творение, которое объединило бы все виды искусства, и он, наконец, решился вынести на суд публики свое восприятие музыки как света и цвета. Именно тогда была написана симфоническая поэма «Прометей», о которой Скрябин говорил: «У меня в «Прометее» будет свет. Я хочу, чтобы в симфонии были симфонии огней...» Он не понимал, как можно сочинять просто музыку, это ведь смертельно скучно, и считал, что музыка только тогда имеет какой-то смысл, когда является звеном единого целого, звеном мироздания

Сын Шлецер Юлиан был музыкально одаренным ребенком, и мать хотела, чтобы он пошел по стопам отца. В Москве он учился в музыкальном училище, затем в 10-летнем возрасте поступил в Киевскую консерваторию. А летом 1919 года Юлиан утонул в Днепре. Ему было всего одиннадцать лет. Как тут не задуматься о проклятии детей... Мать пережила сына всего на три года.

Дочь Скрябина и Татьяны Федоровны Ариадна погибла в июле 1944 года. Будучи участником движения Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны, она была застрелена в перестрелке.

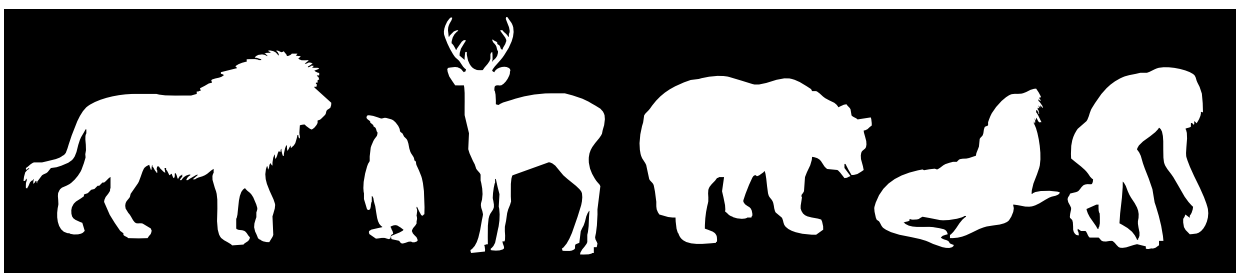
Александр Николаевич Скрябин похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

которой так восхищались его современники.

Для примера — в финале Седьмой сонаты композитор поместил аккорд из 25 звуков. Для того чтобы точно его сыграть, необходимы три пианиста.

Помимо книг, написанных о Скрябине, его имя запечатлено и в других необычных формах. Так, первый в мире многоголосый музыкальный синтезатор, изобретенный в 1958 году Евгением Мурзиным, получил название «АНС» — в честь Александра Николаевича Скрябина. А в 1962 году балетмейстер Касьян Голейзовский создал балет-сюиту «Скрябиниана» на музыку Скрябина в оркестровке Дмитрия Рогаль-Левицкого. □

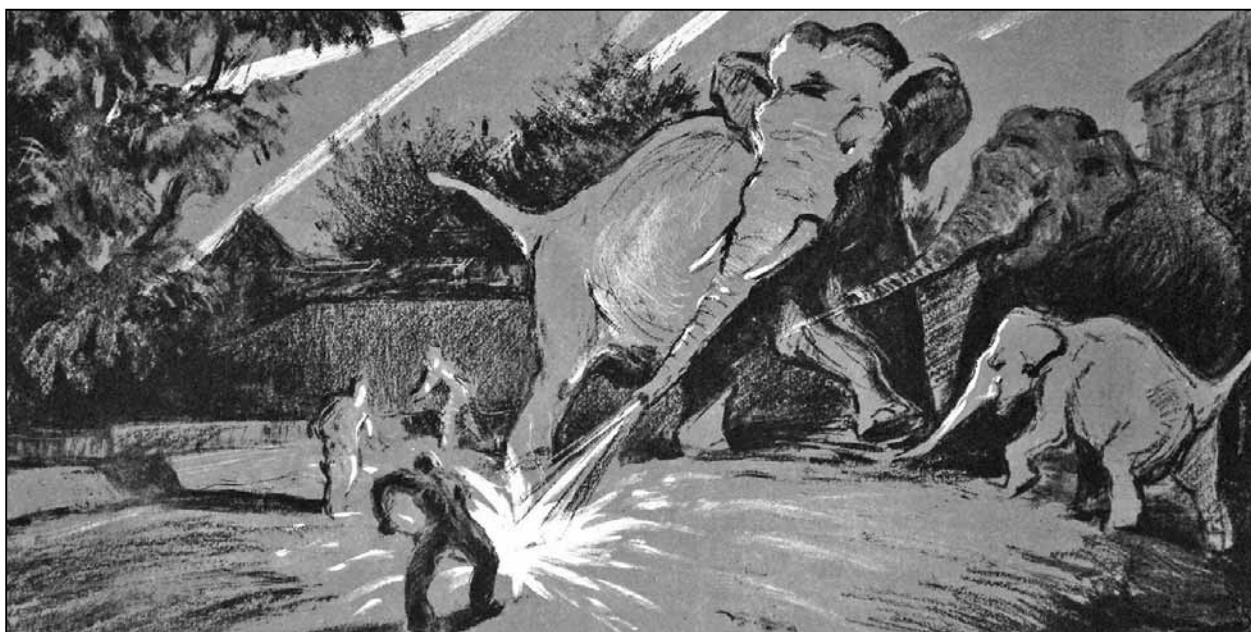
Московский и Ленинградский ЗООПАРКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

В последние мирные предвоенные годы столичный зоопарк был одним из самых любимых и посещаемых местом отдыха. Но с началом Великой Отечественной войны все изменилось — резко и внезапно. И для людей, и для животных.

Всего лишь месяц спустя после вероломного нападения Третьего рейха на Советский Союз, в ночь с 22 на 23 июля 1941 года, Московский зоопарк серьезно пострадал в результате бомбардировки. Урон для столичного зоопарка был огромный: в огне пожара сгорели управление и архивы. Одной из самых страшных стала ночь с 4 на 5 января 1942 года, когда зоопарк разбомбили фугасными и зажигательными бомбами. На его территории начался пожар — загорелись обезьянник, вольеры с копытными и слонами. Погибли несколько сотрудников, но большинство животных удалось спасти.

От греха подальше часть животных решили эвакуировать в глубь страны, в Свердловский зоопарк. Звери благополучно прибыли на Урал. «Был составлен приемно-сдаточный акт, в котором значилось, что африканский слон Нона, носорог Нури, антилопа гну Мурка, сибирский козерог Васька, тигролев Цезарь, аравийские леопарды Васька и Маруська, шимпанзе Мориц и другие животные успешно добрались до пункта назначения», — вспоминала заведующая научно-просветительским отделом Московского зоопарка Елена Мигунова. В Свердловск и обратно животных транспортировала Вера Чаплина — замечательная детская писательница-анималист, жизнь и творчество которой были связаны с Московским зоопарком. «Не хватало кормов, приходилось прилагать громадные усилия, чтобы накормить, спасти их, — рассказывала годы

спустя писательница. — Все без исключения сотрудники зоопарка самоотверженно боролись за жизнь наших питомцев. Мы делились последним с детьми и ...зверями». Правда, потом слон, носорог и некоторые крупные кошки, увы, все же погибли. В 1944 году, когда победа над гитлеровской Германией была уже не за горами, оставшиеся в живых столичные звери вернулись обратно в Москву.

А вот о судьбе другой партии животных из Московского зоопарка, которых отправили в Сталинград, ничего доподлинно не известно. Возможно, воинский эшелон в пути подвергся вражескому налету, и звери погибли. По злой иронии судьбы, в эвакуации животных погибло больше, чем оставшихся в прифронтовой Москве.

А оставшимся в Московском зоопарке людям и животным было при-

казано выжить. Тем более что осенью 1941 года жестокий и безжалостный враг был уже у ворот Москвы. Конечно, в плане питания животных все было организовано сотрудниками Московского зоопарка, но вот дрова в столице были в большом дефиците (для обогрева москвичи разобрали большинство заборов), так что на отопление пошла часть пустующих вольеров.

Благодаря самоотверженности служащих столичного зоопарка удалось сохранить не только большую часть коллекции животных, но даже обеспечить непрерывную работу старой территории в самые трудные и тяжелые годы военных испытаний. Новая территория была закрыта для посетителей, хотя часть животных там продолжала оставаться. На Острове зверей устроили склад боеприпасов, а на его верхней площадке для отражения авианале-

тов противника разместили зенитную батарею.

Зимой 1941 года на Острове зверей осталась лишь бурая медведица Зойка. Она залегла в берлогу, ею же самостоятельно вырытую, поэтому ее решили не трогать. Всю зиму медведица безмятежно проспала. При этом ни разрывы вражеских бомб, ни ответный артиллерийский огонь наших зенитчиков ее совершенно не беспокоили. А весной Зойка, как положено, проснулась. И пока решался вопрос с организацией ее переезда, успела влюбиться в себя солдат Красной армии.

А дело было в том, что в обмен на угощение Зойка охотно откликалась на их зов и даже показывала им трюки. В итоге медведицу решили оставить на старом месте, и со своим спутником Шалуном (он-то как раз успел вовремя переехать) они воссоединились уже в конце войны, когда всех обитателей Острова зверей Московского зоопарка вернули на свои законные места.

Звери есть звери, и во время налетов вражеской авиации многие из них поддавались неумолимому зову инстинкта: паниковали, пытались бежать и сломать вольеры. Впрочем, некоторые из них оставались спокойными. Особенно трогательной и забавной вышла история со слонами: когда в их помещение попала зажигательная бомба, хвостатые серые гиганты преспокойно направились ко рву и стали поливать себя водой. При этом они затушили (ве-

роятно, все же случайно) несколько вражеских «зажигалок».

В годы Великой Отечественной войны Московский зоопарк продолжал работать: за 1941–1945 годы его посетили 4 миллиона человек(!) А еще служители столичного зоопарка с честью справились с важным и ответственным государственным заданием: приняли участие в разработке жизненно важной для победы над врагом вакцины от тифа путем разведения белых мышей, что, по предварительным расчетам, спасло 20 миллионов человеческих жизней (по крайней мере, столько доз было изготовлено).

...В наши дни Московский зоопарк, перешагнувший свой полуторавековой юбилей, является одним из старейших зоопарков Европы и входит в престижную десятку самых посещаемых зоопарков планеты.

В годы Великой Отечественной войны один из крупнейших зоопарков страны — Ленинградский — самоотверженно продолжал свою работу.

В начале войны, в связи со стремительным продвижением фашистов в глубь советской территории, встал вопрос о том, что делать с обитателями зоопарка. Конечно, эта задача была отнюдь не первоочередной, ибо необходимо было, прежде всего, решить проблему эвакуации в глубь страны миллионов советских граждан, тысяч промышленных предприятий, десятков театров и музеев. Наконец дошла очередь и до зоопарков.

Зоопарк в северной столице находился (да и находится поныне) в самом центре города — по соседству с Петропавловской крепостью. Это один из старейших зоопарков страны — свою историю он ведет с 1865 года. Накануне войны он был уже не просто местом, где экспонируются животные, здесь действовал юннатский кружок, функционировал мощный научный отдел, а благодаря систематической работе по разведению животных в неволе стали появляться на свет медвежата, львята и другие крупные звери. Кстати, стоит напомнить, что в довоенное время появление белых медведей в неволе было большой редкостью — именно поэтому символом Ленинградского зоопарка с 1932 года стал этот полярный северный хищник.

Как и вся страна, Ленинградский зоопарк и его обитатели так же столкнулись с тяготами войны. Уже в ию-

не 1941 года из Ленинграда в Казань отправили порядка 80 животных: черных пантер, тигров, белых медведей, американского тапира, носорога и многих других. Остальные животные, в том числе любимцы ленинградской детворы слониха Бэтти и бегемотиха Красавица, остались в осажденном городе.

В августе 1941 года фронт практически вплотную приблизился к городу на Неве, и было принято трудное решение пристрелить крупных хищников. (Впрочем, тогда многие ожидали скорого и окончательного разгрома коварного врага. О том, что всего через месяц начнется жуткая долгая блокада города мало кто мог вообще предположить!) Основным мотивом для отстрела хищников стало опасение, что во время бомбежек города (а зоопарк находится ведь в самом центре Ленинграда) могут быть разрушены их во-

*Слониха
Бэтти.
1932 год*

льеры, и крупные звери вырвутся на свободу.

И вот в один из летних дней пришедшие в зоопарк юннаты, помогавшие работникам зоосада, увидели груды трупов животных. «Именно тогда мы, дети, поняли, что война не где-то далеко, вот она, рядом», — вспоминала позже одна из девушек-юннат, переживших блокаду...

Но впереди животных Ленинградского зоопарка ждали новые испытания — враг начал активные бомбежки города. 8 сентября 1941 года не стало любимицы ленинградцев слонихи Бэтти. Одна из фугасных бомб разорвалась совсем рядом с ее домиком, и бедное животное умерло через считанные минуты прямо на развалинах своего вольера. Спустя много лет родилась городская легенда, что слониху съели, но это не так. Никакого голода в сентябре 1941

года в Ленинграде еще не было, так что слониху просто похоронили прямо на территории зоопарка.

А во время очередного вражеского налета на город в воронку от разорвавшейся бомбы угодила бизон, и работники зоопарка не смогли сразу вытащить из западни тяжелое и грузное животное. Им пришлось сооружать деревянный пандус, а потом выманивать испуганного зверя с помощью разложенных на досках пучков травы.

А вот судьба другой любимицы ленинградских детишек — бегемотихи Красавицы сложилась удачно. Она выжила в блокадном городе и умерла своей смертью уже после войны, в 1951 году. И дело тут нет столько в везении, сколько в настоящем подвиге работников зоопарка. Дело в том, что бегемот — животное большое, соответственно,

**Бегемотиха
Красавица.
Ленинград**

Внизу:

**Ленинград-
ский зоопарк.
Мемориаль-
ная доска**

достаточно прожорливое. Еды ему нужно много и каждый день. А где ее взять в блокадном городе, где люди сами еле волочили ноги от голода?! Кроме того, мало кто знает, что бегемоту требуется постоянное обливание водой — иначе его кожа начнет сохнуть, трескаться, кровоточить, и в конечном итоге животное погибает. А самой страшной, холодной и голодной блокадной зимой 1941 года в Ленинградском зоопарке перестало работать электричество, вышли из строя канализация и водопровод. Естественно, пересох и бассейн бегемотихи Красавицы. И чтобы любимица зоопарка не погибла, служители зоопарка каждый день отправлялись за водой на Неву. «Привозили по 40–50 ведер воды в день с Невы, благо она рядом. Грели ее, мыли бегемота вручную. Кормили его в первую зиму

распаренными опилками, в которые добавлялось какие-то сено, немного соломы, жмыха, отрубей, чтобы придать вкус. 30–40 кг распаренных опилок», — рассказывал потом со-

трудник Ленинградского зоопарка Дмитрий Васильев. А еще Красавица панически боялась грохота разрывающихся во время налетов авиации бомб, и во время бомбежек приходилось быть рядом с питомицей и успокаивать ее.

Но все-таки главным врагом животных Ленинградского зоопарка был не страх, а голод. От голода некуда было деться. И животные, и люди страдали от него в равной степени. Для травоядных животных собирали хряпу (толстые зеленые капустные листья), крапиву, ягоды рябины, молодые шишки, желуди... Иногда в скудный рацион добавляли немного каши. Особенно тяжело было хищникам. Ради их спасения сотрудники зоопарка шли на разнообразные ухищрения. Так, в шкуры мертвых кроликов засовывали траву, а снаружи смазывали их рыбьим жиром. Голод не тетка — звери ели то, что им давали смотревшие за ними люди. Лишь изредка хищникам перепадал «десерт» — тушки погибших травоядных.

Невероятно, но факт: большую часть блокады зоопарк был открыт для посетителей! Лишь в самую первую блокадную зиму он не работал, а уже летом 1942 года открыл свои двери посетителям. Было выставлено 162 животных, на которых за лето пришлось посмотреть около 7400 ленинградцев. Неудивительно, что после войны 16 сотрудников Ленинградского зоопарка были награждены медалями «За оборону Ленинграда». Кстати, стоит добавить, что

в войну за животными ухаживали практически одни женщины — все мужчины ушли на фронт.

Но, несмотря на все сложности, в блокадном Ленинграде животные не только гибли, а умудрялись появляться на свет. Так, в ноябре 1941 года у гамадрила Эльзы родился малыш. И поскольку у матери из-за скудного рациона не хватало молока, то молочную смесь для маленькой обезьянки поставлял один из ленинградских роддомов. Маленькому детенышу удалось выжить и пережить блокаду.

...В тяжелые военные годы Ленинградский зоопарк сильно пострадал, но не прекращал своей работы даже в тяжелейших условиях блокады. Только вдумайтесь в это — зоопарк принимал посетителей в блокаду! Служители зоосада сумели не только сохранить часть коллекции животных, но и даже получали молодняк, проводили выездные лекции, а летом открывали его для публики. Уже весной 1944 года, вскоре после снятия блокады, Ленинградский зоосад был открыт для постоянного посещения, и на его территории начались активные восстановительные работы. В память о героическом подвиге сотрудников, сохранивших для потомков зоосад в годы тяжелейшей блокады, зоопарк, несмотря на переименование города в Санкт-Петербург, остался Ленинградским, а у входа была установлена мемориальная доска в память о событиях военных лет. □

СМОТРИ В ГЛАЗА!

СМОТЬИ В ГЛАЗА!

Вот что хотите, а не собьете в убеждении, что бывают девушки с абсолютно музыкальной наружностью. Совсе не полненькие или пышнотелые, но уж точно не худышки. Оленька была представительницей именно такой касты. Все в ее фигуре выглядело полуовалами то ли нот, то ли скрипичного ключа. От изящной закругленности лодыжек и бедер до плеч и необъяснимо музыкальных волн светлых волос и полукружий бровей на овальном лице. К тому же и ее движения выглядели плавными, словно лежащими на неслышную мелодию, ни малейшей угловатости или порыва. При всем при том и медлительной копушей она не смотрелась. А глаза... ну, что сказать про глаза? Серые, мечтательные, казалось, они вмещали в себя все окружающее, только про ее собственный внутренний мир прочесть в них ничего не представлялось возможным. В то же время она нисколько не выделялась среди прочих, и при случайной встрече на улице оставляла лишь приятное впечатление, но никак не желание немедленно

с ней познакомиться и следовать за ней. Вот и все, ничего исключительного. Но эта девушка обладала именно музыкальной внешностью, которая как нельзя более соответствовала ее действительной сути. Она с детства жила музыкой. Даже имя удачно подходило ей, такое же закругленное и напевно звучащее.

Она поступила в консерваторию по классу рояля и ежедневной учебной работой доказывала, что музыкальность присуща не только ее внешности. Казалось, для нее все определено наперед до полной ясности, и жизнь складывается счастливо и благополучно у этой милой девушки, которую, несомненно, ждет блестящая будущность яркой исполнительницы. Но было нечто, отравлявшее ее существование и грозившее свести на нет все старания на музыкальном поприще, поставить крест на ожидавшей ее карьере. С некоторых пор Оленька открыла для себя, что начала бояться больших аудиторий, страх перед публикой, словно неизлечимая болезнь, преследовал ее. И чем отчетливее с годами она ощущала его, тем больше он возрастал. Никакие усилия в совершенствовании мастерства молодой пианистки не помогали побороть его. Десятки и более слушателей уже наводили на нее полный ужас. Тело становилось каким-то скованным, пальцы деревенели и переставали слушаться, ладони покрывались липкой влагой, в коленях появлялась дрожь, внутри появлялась пустота, тысячи мелких иголок страха невидимо впивались в спину и затылок. Ей казалось, всему виной недоброжелательные взгляды зрителей, безжалостно вонзающиеся в ее тело. Она физически воспринимала мнимую враждебность заполненного зала, и ее тут же охватывала необъяснимая паника, заставляя вмиг терять все ценные качества умелой игры, доставшиеся талантом и долгими занятиями. Она удивляла и пугала этим своих учителей, не терявших надежды вырастить из нее замечательную пианистку.

Откуда ей было знать, что это не что иное, как проявление генетической памяти, отголосок далекого прошлого, когда ее первобытные предки жили малыми общинами в дремучих лесах! Скажи ей кто, что пейрофобия, страх сцены — нередкое и естественное явление, как бы это смогло помочь?

Предложения доброхотов из посвященных в Олину тайну обратиться к специалистам она безоговорочно отменяла, не допуская такое даже в мыслях. Причиной подобного отношения к, пожалуй, единственному возможному выходу являлось ложное предубеждение, боязнь услышать о своей собственной неполноценности от сведущего, но постороннего человека. Круг замыкался. Оленьке было в пору забыть не только о будущих сольных концертах, но и об ежегодных отчетных выступлениях перед сокурсниками и преподавателями.

Однако жизнь приготовила для нее спасительную неожиданность, Его Величество случай вмешался в, казалось бы, predetermined ход событий.

Как-то Оленька понуро брела в консерваторию. В полиэтиленовом пакете с яркой и непонятной эмблемой прятались нотные листы, а на душе кошки скребли — отчетный концерт за курс висел на носу. Чем больше Оля думала

о предстоящем выступлении перед публикой, тем больше боялась неминуемого исхода. Страх на этот раз вселился в нее загодя и не думал отпустить или давать послабление. Девушка испытывала такое отчаяние, что, как бы ни глупо могло показаться со стороны, даже появилась мысль о самоубийстве. Впрочем, о смерти она вряд ли могла думать подолгу и всерьез, она жила музыкой, а музыка — не что иное как родная сестра жизни.

Проходя мимо тумбы, обклеенной пестрыми объявлениями, она неожиданно вздрогнула, внезапно почувствовав на себе пристальный посторонний взгляд. Вокруг не было ни души, но ощущение, что ее не перестают разглядывать, не отпускало и оказалось настолько сильным, что заставило остановиться. Когда же она поняла, в чем дело, то едва не рассмеялась. Но смех затих, не успев родиться: прямо на нее с одной из афиш смотрели два пронзительных глаза. Они не имели за собой человеческого лица, и это только усиливало впечатление — два чрезвычайно живых глаза, несмотря на двухмерность фотографии, живо и неотрывно рассматривали ее в упор сквозь ограниченную рамкой плоскую прорезь. Под ними крупно чернели печатные буквы:

ВОЛЬФ МЕССИНГ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ.

Надпись словно манила ее сама по себе: сходи и посмотри, не будь душой, это касается именно тебя! Оля отступила на два шага, передвинулась вправо, затем в противоположную сторону. Пронизывающий до мурашек по коже взгляд фотографических глаз неотступно следовал за ней, не отпуская из точного прицела. Невидимый обладатель их будто молча убеждал: от меня не скроешься, я вижу тебя насквозь, от меня не уйти!

Через три дня Оленька уже сидела в первых рядах на вечернем выступлении мастера психологических опытов. Пожалуй, такое название больше подходило этому человеку, чем «великий гипнотизер» или что-то еще в таком духе, встречавшееся на страницах прессы. Да и вполне отвечало требованиям цензоров отдела культуры, выпустивших его на сцену. Гипнотизер в представлении многих выглядел сродни шарлатану, канули в прошлое времена, когда о гипнозе спорили, шумели, удивлялись его результатам. И хотя этот метод давно широко используется в современной медицине, для многих, не знающих о его сути и практике, слова «гипноз», «гипнотизер» не содержали в своем звучании ничего серьезного. Немало таких, кто вообще представляет его до сих пор легкомысленной пустопорожней выдумкой каких-то фантастов.

И все же человек на сцене, несомненно, оказался мастером своего дела. Чем невежественнее в вопросах практической психологии человека оказывалась публика в зале, тем неожиданнее и сенсационнее представлялись ей эффектные выступления такого артиста.

Оленька стала свидетельницей отгадывания им задуманных зрителями чисел, имен, даже мыслей. Но это мало задевало ее, поскольку не имело никакого к ней отношения. К тому же она ничего не понимала в подобных матема-

тических фокусах, да и вообще во всем происходящем на сцене. Тем не менее, то, что она видела, наполняло ее чувством преклонения перед демонстрировавшим свои способности невысоким пожилым мужчиной в черном строгом костюме. Его лицо доказывало, что жизнь изрядно потрепала его обладателя. Лоб, испещренный заметными морщинами, обрамлялся кустом не успевших посесть темных волос. На суженном книзу лице выступал расширенный нос, от крыльев которого к подбородку пролегли две глубокие борозды. Уголки тонких губ с брезгливостью загибались книзу. Но общий вид артиста как бы не доходил до Оленьки, словно растворялся в разделявшем их пространстве на пути к ее восприятию. Отчетливо оставались только притягивающие взгляд темные глаза с исходящим от них ощущением психологического давления. Впрочем, и это могло оказаться лишь плодом воображения слишком впечатлительной музыкантши.

Выступавшему понадобилось совсем немного времени, чтобы поразить Оленьку до глубины души. Это произошло вскоре после его очередных трюков. Еще в начале сеанса Мессинг раздал всем пожелавшим листы бумаги для записи придуманных для него заданий. И вот, проведя каскад математических фокусов, несколько не показавшихся Оленьке интересными, начал выборочно вызывать авторов записок. Один из первых поднявшихся на сцену скептически настроенный молодой человек лет двадцати пяти-тридцати, указал отыскать его фотоаппарат и сфотографировать зал. Сначала у Оленьки не было полной уверенности, что доброволец не «подсадной» и обошлось без предварительного сговора до начала представления. Мессинг задал поднявшемуся на сцену участнику несколько не относящихся к заданию вопросов — о его профессии, об отношении к психологии, после чего цепко сжал его левое запястье своими пальцами. Они вместе спустились в зал и неуверенно двинулись по проходу. Понадобилось некоторое время, чтобы, ни на миг не выпуская руки спутника, Мессинг уверенно нашел нужное свободное место. И тут он демонстративно бросил, почти отшвырнул руку молодого человека, коршуном кинулся к девушке рядом и подхватил фотоаппарат с ее колен. Бодро просеменил мимо хозяина камеры и уже на сцене торжествуя поднял добычу над головой, показывая всему залу:

— Правильно угадал?

Встретил владельца на ступеньках, пожал руку, вернул камеру, поблагодарил за сотрудничество. Когда он победно семенил по проходу, сидящая неподалеку Оленька разглядела крупные капли пота, падающие со скул и мелкого подбородка на тугой воротник рубашки, на черный галстук, и это окончательно убедило, что перед ней не срежиссированная постановка, а тяжелый труд мастера-психолога. Как и для многих этим вечером, ей открылось, какие неизвестные возможности скрыты в человеческой психике. Она поняла, что, начиная с внезапно увиденных глаз на афише, все происходит не просто так. Если кто и сможет помочь избавиться от навязчивого страха, то именно этот

невзрачный невысокий человечек, показавший себя настоящим мастером психологических опытов. За время выступления он вырос в ее представлении до гигантской сверхчеловеческой фигуры, способной на многое из недоступного простым смертным.

Позже Оля слышала разные мнения об его выступлениях и спорных фактах биографии, вплоть до того, что некоторые считали его полным шарлатаном. Но тогда он зародил в ней надежду, которая быстро переросла в уверенность. Причем настолько, что уже на следующий день, пересилив себя, она узнала в филармонии, где остановился артист, и позвонила ему в гостиничный номер.

Стараясь говорить коротко и спокойно, но, чувствуя, что голос то и дело сбивается от волнения, Оленька торопливо изложила суть своей проблемы. Видимо, что-то в интонации и мольбе незнакомки тронуло Мессинга, порядком уставшего от внимания поклонниц и поклонников, поэтому он не прервал ее на первых же словах и выслушал до конца, ни разу не перебив. А когда она умолкла с бешено бьющимся сердцем, задал два-три уточняющих вопроса и пригласил зайти к нему в гостиницу в десять часов завтра утром. При этом напомнил, что гастроли заканчиваются, и уже через день он покинет город.

Когда в назначенный час Оленька робко постучала в дверь номера на третьем этаже недавно построенной девятиэтажной гостиницы, ее сердце не только молотилось в набате, но и замирало, лишаясь последних капель уверенности. Она поражалась своей смелости накануне, испытывала уже жгучее желание бежать прочь, но отступить было поздно. Дверь распахнулась, и на пороге возник великий гипнотизер собственной персоной.

— Здравствуйте, я вчера звонила вам... — пролепетала Оленька, отступая на край зеленой ковровой дорожки в коридоре.

— Да, да, конечно. Проходите, я вас жду.

Мессинг впустил девушку в номер, прикрыл за ней дверь и жестом указал на два мягких кресла у полированного деревянного столика.

Оленька, изо всех сил стараясь держаться непринужденно, расположилась в одном из кресел, но положить ногу на ногу и поудобнее откинуться на спинку так и не решилась. Она чувствовала, что уже до жути боится этого внушающего непонятный страх человека.

— Прошу вас, не стесняйтесь, будьте как дома, — опустился в кресло напротив Мессинг и добавил: — Извините, что ничем вас не угощаю. Времени мало. Наш разговор сугубо деловой, и хотелось бы скорее приступить к сути. Расскажите о себе, только, пожалуйста, сначала успокойтесь. Не нужно так волноваться. Успокойтесь, прошу вас, — повторил он мягко с нажимом, не переставая разглядывать гостью.

Странно, но после этих слов Оленька сразу успокоилась и с интересом осмотрелась. Хотя она ни разу еще не бывала в гостинице, окружающее ока-

залось именно таким, как она примерно представляла. Неяркая, темно-зеленая обивка мебели, салатного цвета занавески с мелкими красными цветками и темно-вишневый ковер на паркетном полу не раздражали взгляд.

— Ну-с, а теперь давайте познакомимся, милая девушка, — заговорил Мессинг.

Он сидел перед ней в халате из махровой ткани, накинутом на белую сорочку с расстегнутым воротом, на ногах плетеные сандалии — словно хозяин номера хотел своим видом подчеркнуть неофициальность и обыденность встречи. Внешность заурядная, чем-то даже отталкивающая. Гладко выбритые до мертвенной синевы щеки и мелкий подбородок создавали неприятное сочетание с морщинами на открытом лбу и, похоже, немного подкрашенными волосами. Почему-то подумалось, что сидящий напротив человек в жизни наверняка бескомпромиссный и жестокий, и Оленьке снова стало жутко. Пересилив себя, она назвала свое имя.

— Ну, же, давайте, Ольга, не стесняйтесь, расскажите о себе подробнее. Напомните, что заставило обратиться ко мне, — тихим голосом предложил Мессинг.

Не послушаться этого голоса казалось невозможным, и она выложила ему разом все свои беды.

Мессинг внимательно выслушал девушку, потом встал и с задумчивым видом прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Знаете, — честно признался он. — Мне не приходилось прежде заниматься подобным. Но я понимаю вас и готов попытаться помочь. Подчеркиваю: попытаться, не более того. Ничего заранее гарантировать не могу, возможно, одной встречи окажется недостаточно, но попробовать стоит, в конце концов, вы ничего не потеряете. Только, ради бога, перестаньте меня так бояться! Для успеха необходимо полное доверие с вашей стороны.

Оленька густо покраснела и поторопилась возразить, растягивая губы в вымученной улыбке:

— Я, правда, уже совсем не боюсь вас. Честное слово!

Мессинг весело рассмеялся и галантно поклонился в ее сторону:

— Спасибо и на этом! Итак, вы готовы?

— Да, — твердо заверила Оленька.

Мессинг попросил ее сесть вплотную к столу, положить руки на полированную прохладную крышку перед собой и расслабиться. Их лица оказались довольно близко напротив друг друга. У Оленьки закружилась голова от немигающего взгляда гипнотизера. «Никакие они и не черные!» — мелькнула мысль.

— Успокойтесь, расслабьтесь, полностью расслабьтесь, — вкрадчиво и монотонно шептал Мессинг. — Выбросьте из головы все посторонние мысли. Расслабьтесь, Оленька!

Удивляясь его власти над нею, девушка почувствовала, как легко и свободно ей становится.

— Вы легко поддаетесь внушению, Оля, вы очень легко поддаетесь внушению. Все будет отлично. Все уже идет отлично! Вы сделаете сейчас то, что я вам скажу. Что я тебе скажу! — возвысил голос гипнотизер. Сделал паузу и продолжил гораздо тише, но столь же внушительно: — Представь, перед тобой клавиши рояля или пианино. Черные и белые клавиши, ты их уже отчетливо видишь! Ты сидишь за роялем и сейчас начнешь играть! Ты будешь играть то, что тебе труднее всего дается. И будешь исполнять легко, виртуозно, мастерски, как никогда раньше! Что ты будешь играть, Оленька?

— «Порыв» Шумана, — прошептала девушка.

— Посмотри мне в глаза. Смотри мне в глаза! Так. Ты сделаешь сейчас все, как я сказал... Начинай!!

— Но... — попыталась возразить Оленька, понимая всю нелепость приказа, и тут же непроизвольно начала играть на крышке стола, беря пальцами знакомые аккорды на видимых только ей клавишах.

— Вокруг тебя люди, много людей, они слушают, смотрят на тебя...

Пальцы девушки непроизвольно дрогнули и начали деревенеть, появилось знакомое чувство страха и скованности перед аудиторией. Она действительно увидела незнакомые лица множества слушателей в огромном зале и несколько узнаваемых, принадлежавших учителям. Десятки, сотни глаз так пристально смотрели на нее, что она чуть было не сбилась.

— Нет, ты не боишься! — закричал Мессинг. — У тебя нет больше страха! Ты их несколько не боишься, они тебе совсем не мешают! Ты смелая, уверенная в себе. Тебе безразлично их присутствие! Они есть, но для тебя их нет больше. Ты играешь великолепно, бесподобно, виртуозно! Всякий, кто слышит, восхищен твоей игрой!

«Да он просто сумасшедший!..» — как-то вяло подумала Оленька, не прерывая игры.

— Смотри мне в глаза, смотреть мне только в глаза!

Удивительно, но скованность и оцепенение от страха перед воображаемой публикой отступили. Зрители как бы незримо присутствовали здесь, в несуществующем зале, но теперь Оленьке действительно не было до них никакого дела, все ее внимание сосредоточилось на пальцах. Она слышала свою музыку, которая звучала в этот миг только для нее, и отдавалась ее звукам, восторженно упиваясь своим блестящим исполнением.

— Твои руки сами знают, что и как им играть. Не следи за ними! Смотри мне только в глаза! — продолжал внушать гипнотизер уже негромко, но настойчиво. — Ты прекрасно играешь, смотри мне в глаза! Тебе надо смотреть мне в глаза!

Оленька перестала обращать внимание на свои пальцы. Они, в самом деле, сами знали, что им делать, заученно и легко касались невидимых клавишей.

— Смотри мне в глаза! Смотри мне только в глаза!

И она, подняв голову, смотрела, не отрываясь, в устремленные на нее темные глаза, а руки продолжали брать неслышимые новые аккорды. Оленька позабыла о мнимой публике, о гостиничном номере, даже музыка, звучащая лишь в ее воображении, постепенно утихала. Оставались только жгучие немигающие глаза, неотрывно устремленные на нее. Весь мир внезапно сузился до этих двух глаз, вместился в них, и они легко вобрали его в себя, словно так и должно было произойти.

— Смотри мне в глаза!

Эти глаза приближались, зрачки напряженно пульсировали в них, и такая глубина открывалась перед Оленькой, что начала кружиться голова, и почти прерывалось дыхание. Она перестала механически перебирать пальцами воображаемые клавиши. Внезапно глаза понеслись ей навстречу, увеличиваясь в размерах, грозя поглотить всю ее целиком, комната завертелась в ускоряющемся сумасшедшем хороводе. Ничего не осталось, кроме этих уже не человеческих глаз, и они тоже бешено крутились у самого ее лица, сводя с ума, отбирая остатки рассудка. Почувствовав вместе с накатившей дурнотой, что теряет сознание, Оленька инстинктивно изо всех сил вцепилась побелевшими от напряжения пальцами в крышку стола, стараясь удержаться в кресле. Ужас перед этим страшным человеком заполнил все ее существо, не оставив места иным ощущениям, все прежние ее бязни выглядели ничтожными в сравнении с испытываемым сейчас парализующим страхом. Она уже начала падать на бок, и темнота подступила к самым глазам, когда услышала дикий, почти животный вскрик. Резкий звук отрезвил ее и вернул к действительности, Оленька поняла, что это она сама и кричала, ничего не сознавая от ужаса. Крик, вырвавшийся помимо сознания, встряхнул ее и разрушил охватившее оцепенение. Стараясь не смотреть на опешившего от неожиданности гипнотизера, Оленька порывисто вскочила, не рассчитав движений, опрокинула столик и, закрыв лицо руками, стремглав бросилась к выходу.

Мессинг даже не попытался остановить девушку, лицо его оставалось совершенно бесстрастным, но она уже не видела этого. Шумно распахнула оказавшуюся не запертой дверь, с силой захлопнула ее за собой и, что есть сил, побежала по пустому коридору, минуя лифт, по лестнице вниз, дальше и дальше, прочь от жуткого места и не менее страшного человека.

Увидев в большом зеркале на стене свое жалкое, испуганное отражение, кое-как привела в порядок прическу, одежду и быстро миновала дежурного в холле, стараясь не привлекать к себе внимания.

Только на улице Оленька ощутила, что у нее стучат зубы и дрожат колени, и внезапно для себя самой отчаянно разрыдалась. После этого ей сразу стало легче, хотя она долго еще не могла полностью успокоиться, проклиная

себя за смелый поступок и пытаюсь заставить себя навсегда забыть происшедшее, но этого никак не получалось...

На следующий день девушка все же набралась решимости и позвонила в гостиницу, чтобы извиниться перед Мессингом. Но ей сообщили, что артист сдал номер и отбыл на дальнейшие гастроли.

Оленька с головой ушла в занятия, даже не думая о возможности проверить результат воздействия мастера психологических опытов, так как была уверена, что для нее все осталось по-прежнему, и, когда подошло время отчетного концерта, вышла на сцену в ожидании неминуемого провала. Актывый зал до отказа заполняли студенты консерватории, их родственники, гости и преподаватели. Сотни глаз смотрели на нее. Странно, но она почти не волновалась. Села за рояль, чуть помедлила с занесенными вверх руками и коснулась послушных клавиш. С первыми звуками появилась вдруг уверенность и какая-то отрешенность от окружающего, как бывало только в часы уединенных занятий. Зрители перестали существовать для нее, она не думала больше о неизбежном провале, о своем привычном страхе перед аудиторией. Теперь она была наедине с творимой ею музыкой, громко рвущейся из-под открытой крышки рояля, а не звучащей лишь в ее воображении, как тогда, в номере гостиницы.

Когда все закончилось, зал взорвался шквалом аплодисментов. Оленька все еще находилась во власти только что отзвучавших чарующих звуков, и искренне удивилась тому, что масса восторженных людей бурно рукоплещет ей.

Невероятно, но все ее страхи остались позади. Понадобилось еще не одно публичное выступление, чтобы окончательно исчезли последние опасения, и она убедилась, что прежней фобии нет возврата. Произошло настоящее чудо — страх перед зрительным залом навсегда остался воспоминанием из прошлого...

Эту историю Оленька рассказала, когда мы с ней случайно оказались в одной общей компании.

Хотелось бы закончить ее закономерным и вполне заслуженным счастливым концом. О том, как она получила диплом, стала известной пианисткой, исколесила с гастроями не только нашу страну, выпустила пластинки с записями концертов и так далее.

Но случилось совсем иначе. Ожидаемая всеми блестящая карьера не состоялась. Правда, Оленька не порвала с музыкой, преподает в детской музыкальной школе и дает платные уроки на дому. Воспитывает собственных детей, выглядит вполне счастливой и довольной жизнью. Все дело в том, что после той новогодней ночи, когда она поведала нам о визите к мастеру психологических опытов, Оленька вскоре вышла замуж. Догадайтесь сами — за кого?.. □

Начинается земля, как известно, от Кремля

Знаменитые зубчатые красные стены Московского Кремля видел каждый, даже тот, кто никогда не был в российской столице. Хотя бы на картинке: ведь Московский Кремль — один из знаковых, основополагающих символов России. Но, оказывается, стена Московского Кремля есть не только в самой Москве. А, например, в Санкт-Петербурге, недалеко от Московского вокзала. Но как же она там оказалась? Давайте разбираться вместе.

Найти стену Московского Кремля в Петербурге не сложно. Для этого с Московского вокзала северной столицы нужно пойти не на Невский проспект, а свернуть на Гончарную улицу, а затем на Полтавскую. И тогда вы как раз окажетесь аккурат перед кремлевской стеной северной столицы. Возвели ее в начале прошлого столетия, к 300-летию династии Романовых. Работу доверили архитектору Степану Кричинскому. Питерская «кремлевская стена» появилась в этом месте, конечно же, не случайно: она упирается в построенный в то же время собор Федоровской иконы Божьей Матери. В советское время храм, как и тысячи ему подобных по стране, был закрыт, а затем в значительной степени разрушен, но в нынешнем столетии возрожден вновь.

Федоровская икона — домовая, родовая икона Романовых, именно с этой иконой первый из династии Михаил Романов венчался на царство в 1613 году. Так что в Санкт-Петербурге, тогдашней столице Российской империи, к 1913 году (300-летию династии Романовых) был просто символ на символе. Яркий, зримый и осязаемый.

Кстати, подобная «кремлевская стена» далеко не единственная. В некогда подмосковной усадьбе Покровское-Стрешнево тоже сохранилась часть «кремлевской стены» с ее зубцами и даже башенками, правда, в миниатюрном по сравнению с оригиналом варианте.

Ну а уже практически в наши дни, в веке двадцать первом, в центре Йошкар-Олы возвели краснокирпичный комплекс Царевококшайского кремля, своими очертаниями очень напоминающий Московский Кремль. Есть здесь и своя Красная площадь, и даже Царь-пушка с ядрами. А еще уменьшенные копии Спасской и Боровицкой башен Московского Кремля. Невероятно, но в Йошкар-Оле копия Спасской башни Московского Кремля с ее знаменитыми на всю страну часами получила название Благовещенской, а копия Боровицкой башни стала именоваться Спасской. Вот такие современные чудеса приключаются в наши дни.

Тайное послание в драконе!

Романтичную записку обнаружили реставраторы из Царского Села при осмотре фигуры чугунного дракона. Текст послания, написанного на исходе советской эпохи на небольшом клочке бумаги трафаретными буквами, гласил: «Труд мой по реставрации сего дракона посвящаю Фурмаковой Ольге Евгеньевне. 1988–89. д.ч. ВГОАН СССР А. В. Кошин».

Реставраторы даже провели свое собственное расследование, в ходе которого выяснили, что записку оставил действительный член Всесоюзного географического общества Академии наук СССР Александр Васильевич Кошин. Увы, мужчина, питавший романтические чувства к девушке Ольге, покинул сей мир в 2013 году.

Драконов мост Царского Села, с которого, собственно говоря, и были сняты в свое время для реставрации поврежденные в ходе Великой Отечественной войны драконы, был построен в Екатерининскую эпоху по проекту известного в ту пору архитектора Чарльза Камерона. Мост украшают четыре выразитель-

ные фигуры крылатых драконов на гранитных пьедесталах, в одном из которых и была найдена та самая записка. В царствование Екатерины II драконы были выполнены из известняка, а в 1860 году по моделям скульптора Шварца их заменили на чугунные копии.

Сама же романтическая записка останется у реставраторов — на память. А обновленный дракон вернется на свое законное место уже в конце 2022 года.

Орден верблюда и черепахи — о сталинских бракоделах

В СССР существовали уникальные ордена, о которых практически никто ничего не знает. Ибо выдавались они бракоделам. Так, в начале 1930-х годов в одном из цехов сталинградского тракторного завода за плохую и медленную работу, за прорывы и брак стали награждать «Орденом верблюда». Вот как об этом говорилось в те далекие годы: — «ждет "Орден верблюда"» любого из тех, кто браком, прогулами, пьянством и ленью позорит бригаду, и смену, и цех. Позорит завод наш в разгар наступления. Но будет под молотом нашей победы раздавлен верблюд и верблюжьи полпреды!»

Ну а кроме того, в те же 30-е годы прошлого столетия в Советском Союзе существовала еще и традиция вручать «Орден черепахи» самым отстающим почтовым отделениям, сорвавшим показатели по скорости доставки. Кажется, прошло почти сто лет, а в работе отечественной почты мало что изменилось. Может, стоит вспомнить добрые, старые времена и вновь ввести традицию награждения отстающих «Орденом черепахи»?

Пройдя веков таинственную даль

Василий Андреевич Жуковский — русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, автор элегий, посланий, песен, романсов, баллад и эпических произведений. А также — переводчик поэзии и прозы, литературный критик, педагог. Учитель русского языка великой княгини, а затем императрицы Александры Федоровны и наставник цесаревича Александра Николаевича. Тайный советник. Автор слов государственного гимна Российской империи «Боже, царя храни!»

В 1770 году секунд-майор Афанасий Иванович Бунин, помещик Тульской, Калужской и Орловской губерний, получил в подарок от приятеля майора Муфеля двух девушек, захваченных в плен при штурме турецкой крепости Бендеры. Это были сестры Сальха и Фатьма, отец которых погиб при защите города. Младшая из них, Фатьма, которой было 11 лет, сконча-

лась через год, а ее 16-летняя старшая сестра выжила. В 1786 году Сальха получила официальный вид «к свободному в России жительству», в котором указано, что она была крещена и после крещения получила имя Елизавета Деметьевна Турчанинова. П.А. Плетнев в своих воспоминаниях уточнял, что якобы слышал от самого Жуковского, что его мать происходила из сераля

турецкого паши Силистрии. Елизавета Дементьевна стала наложницей А.И. Бунина, ее поселили в усадьбе Мишенское в особом домике; в дальнейшем она заняла должность ключницы в поместье.

В законном браке у Афанасия Ивановича Бунина и его жены Марии Григорьевны Безобразовой (1728–15.03.1811) родилось 11 детей, из которых к 1770 году выжило пятеро. Оставаясь наложницей, Елизавета Турчанинова нянчила младших дочерей своего хозяина от законной жены — Варвару и Екатерину. У А.И. Бунина не было наследника: его единственный сын Иван, подававший большие надежды, скончался в молодых годах.

Со временем глава семьи поселился в доме у своей наложницы. После переезда Афанасия Ивановича к Турчаниновой разгневанная Мария Григорьевна перестала пускать турчанку в усадебный дом и запретила общаться с нею дочери Варваре. 29 января 1783 года Елизавета Дементьевна родила сына, отец которого тогда находился в Москве.

Крещен Василий был в усадебной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и записан как «незаконнорожденный сын дворовой вдовы». Восприемником стал обедневший киевский помещик Андрей Григорьевич Жуковский, приживал Буниных, он же усыновил Василия, передав ему свою фамилию и отчество. По легенде, крестной матерью вызвалась быть Варвара Бунина, а весной и сама Елизавета Дементьевна пришла к Марии Григо-

рьевне и положила младенца Василия у ее ног, после чего мир в поместье был восстановлен.

Василий Жуковский остался единственным ребенком в барском доме и рос на попечении родного и приемного отцов. Тем не менее, А.Н. Веселовский замечал:

«Его не отделяли от других детей, окружали теми же попечениями и лаской, он был как свой, но чувствовал, что не свой; он жаждал родственных симпатий, семьи, любви, дружбы, и не находил».

В 1785 году А.И. Бунин записал Василия сержантом в Астраханский гусарский полк; в 6 лет Жуковский получил чин прапорщика, но по неясной причине был уволен в отставку. Ему наняли немца-учителя Екима Ивановича, который совсем не обладал педагогическим талантом, и обучением Василия занялся его приемный отец Андрей Григорьевич Жуковский.

В 1790 году семейство Буниных переехало в полном составе в Тулу. Зимой Василия отдали в пансион Христофора Роде как приходящего ученика.

А в марте следующего года скончался 75-летний Афанасий Иванович Бунин. По завещанию все состояние он поделил между четырьмя своими дочерьми, Турчаниновой, а Василию Жуковскому не было оставлено ничего. М.Г. Бунина передала Елизавете Дементьевне на сына 10 000 рублей — весьма значительную сумму. Глава семьи был похоронен в Мишенском, куда вернулись домочадцы; а Василия оставили в пансионе Роде вплоть до его закрытия в 1792 году.

Осенью того же года он поступил в Главное народное училище, но вскоре был исключен за «неспособность». Далее Василия приютило семейство Юшковых — Варвару Афанасьевну Юшкову, свою единокровную сестру, Жуковский затем называл «хранителем своего детства».

Живя в имении, он вновь занимался со своими племянницами — дочерьми Екатерины Афанасьевны Протасовой. Романтическое увлечение стар-

После возвращения Протасовых возобновились занятия. В противоположность принятому в те времена поверхностному образованию девочек, Жуковский очень серьезно подошел к роли учителя. По утрам занимались историей, читали Геродота и Тацита, вечером были философия и литература, эстетика, натуральная история. Причем учитель и ученицы учились вместе, он читал с ними то, что было необходимо ему самому.

В августе 1806 года Россия объявила войну наполеоновской Франции. Именно тогда И.И. Дмитриев, приглашая Жуковского в Москву, посоветовал ему написать что-нибудь на тему «Бард после битвы» по сюжету оды Грея «Бард». Жуковский был впечатлен этим предложением и обратился к образам «Слова о полку Игореве». Неожиданно для него самого работа пошла. Закончив ее, он передал «Песнь барда» в «Вестник Европы», и издатель Каченовский, охотно приняв стихотворение, опубликовал его в декабрьском номере. Оно сделало автора настолько известным, что незнакомые люди снимали перед ним шляпы на улице и пожимали ему руки

шей из девочек — Марией — сказались и на поэтической активности: если в 1805 году он написал всего 3 стихотворения, то в следующем — уже 43.

Отъезды Е.А. Протасовой с дочерьми в имение погружали Жуковского в меланхолию, дела шли плохо. Гонорар за последний том «Дон Кихота» было обещано переслать в Белев, то есть поездка в Москву оказалась безрезультатной.

Жуковский стал для своих учениц одновременно педагогом и товарищем, они обращались к нему на «ты», называли по имени-отчеству или Базилем.

30 августа 1806 года Россия объявила войну наполеоновской Франции. Поскольку ожидалось вторжение, шло формирование ополчения. И.И. Дмитриев, приглашая Жуковского в Москву, советовал ему написать что-нибудь на тему «Бард после битвы» по сюжету оды Грея «Бард», написанной

в подражание Оссиану. Работа неожиданно пошла. Жуковский обратился к образам «Слова о полку Игореве». Образ барда слился воедино с Вещим Бояном, а темой стихотворения стала «Песнь барда над гробом славян-победителей».

В ноябре 1806 года Жуковский отправился в Москву, передал «Песнь барда» в «Вестник Европы», и издатель Каченовский взял его в декабрьскую книжку. Стихотворение сделало авто-

ставлял свой труд как «новый дар Отечеству».

Видимо, благодаря этому успеху, а также по протекции Карамзина и Дмитриева книгопродавец Попов предложил Жуковскому пост редактора «Вестника Европы», и по условиям контракта журнал «отдавался на полную его волю».

Василий Андреевич окончательно решил продать дом в Белеве (его мать предпочитала жить приживалкой при

В 1817 году судьба Жуковского в очередной раз определилась случайно: А.Г.Глинка, помощник воспитателя при великих князьях Николае и Михаиле, назначенный также учителем русского языка супруги великого князя Николая, тяжело заболел, но не мог оставить должность, не предложив замены, поэтому обратился с просьбой к Жуковскому. Позже тот писал Тургеневу, что место чрезвычайно выгодное: 5000 рублей жалованья, квартира во дворце великого князя, занятия по одному часу ежедневно, а прочее время свободное. Естественно, Жуковский согласился на это предложение

ра настолько известным, что незнакомые люди снимали перед ним шляпы на улице и пожимали ему руки. Композитор Кашин положил текст на музыку, и Жуковский добавил к нему «хор». Александр Тургенев за это произведение впервые назвал Жуковского «великим поэтом», а сам он просил Тургенева устроить отдельное издание с виньеткой, на которой должен быть представлен бард, созерцающий летящие тени. Василий Андреевич совершенно серьезно пред-

Буниной) и перебраться в Москву. Состоялось и объяснение с Екатериной Афанасьевной Протасовой, которой он открылся в чувствах к Марии. Осуждение было строгим и безапелляционным: Жуковского обвинили в том, что он обманул доверие и допустил в себе чувства, какие не пристало иметь дяде к племяннице; вдобавок против него сработали его собственные уроки — он воспитывал Марию в покорности воле матери. В результате, при всех возникавших перспективах для

Жуковского-человека, Жуковский-поэт испытывал только чувство трагизма бытия.

Летом 1808 года его навещал Александр Тургенев, после чего они отправились в Остафьево к Карамзину, который к тому времени добрался до татаро-монгольского нашествия в «Истории государства Российского». С ними общался и 16-летний Петр Вяземский, чье «Послание к ... в деревню» Жуковский опубликовал, правда, после серьезных исправлений. Среди прочих публикаций выделялись сказки самого Жуковского «Три сестры» и «Три пояса».

В середине 1809 года Московский университет, осуществлявший цензуру «Вестника Европы», закрыл в журнале политический отдел, который Жуковского совершенно не интересовал, он велся формально и заполнялся переводами из европейских изданий. С августа того же года ректорат предложил Жуковскому в соиздатели Каченовского, который в свое время оставил журнал из-за невозможности совмещать редактуру и должность профессора. Они подружились настолько, что Василий Андреевич стал крестным сына Каченовского Георгия. Между тем в литературном отношении они стояли по разные стороны баррикад — Каченовский с сочувствием относился к славянофильству Шишкова и был противником Карамзина и карамзинистов. Поскольку был заключен новый контракт, по которому редакторов назначалось два, Жуковский охотно переложил на Каченовского составление выпусков и из-

дательские хлопоты, а на себя взял обязательство поставлять по 2 печатных листа текста в каждый номер. Это сразу освободило его для творческих и образовательных планов.

Поскольку Е.А. Протасова с дочерьми уехала в орловское имение Муратово, где собиралась обосноваться, Жуковский отправился к ним. Он

Мария Протасова

даже принял участие в строительстве усадебного дома, провел съемку местности и составил и рассчитал планы строительства. Летняя пора дала мощный стимул к творчеству: вернувшись в сентябре в Мишенское, Жуковский писал А. Тургеневу, что работает над стихами, а далее даже затеял изучать греческий язык. Среди прочих планов значилась и много-

томная хрестоматия русской поэзии, договор на которую был подписан с Московским университетом.

Зимой 1810 года Жуковский вновь оказался в состоянии кризиса, поскольку его путь разошелся с «Вестником Европы» и не было определенности в отношениях с Протасовыми. Однако мать, которая давно стремилась вложить завещанные деньги в недвижимость, сообщила о том, что продается деревня Холх по соседству с Муратово, и М.Г. Бунина хлопочет о приобретении половины ее для Жуковского. Купчая была оформлена на имя Марии Григорьевны, которая расплатилась деньгами Е.Д. Турчаниновой и частично своими, а далее был оформлен дар на имя Василия Андреевича.

Личные неприятности накладывались на давление со стороны окружения Карамзина и лично Николая Михайловича: все рассчитывали, что Василий Андреевич напишет эпическую поэму на тему русской истории. Постепенно и он сам стал привыкать к задаче создания русского эпоса — в архиве сохранилась специальная тетрадь, озаглавленная «Мысли для поэмы». Он интенсивно читал исторические источники, а также ряд образцовых эпических поэм, начиная с Гомера, которого читал в английском переводе Поупа и немецком Фосса; и собирался заняться классическими языками, чтобы прочесть «Илиаду» и «Энеиду» в оригинале.

В мае 1811 года ушла из жизни приемная мать Жуковского Мария Григорьевна Бунина, а через 10 дней скончалась и Елизавета Дементьевна Турчанинова.

В сентябре 1815 года состоялось случайное знакомство Жуковского с лицеистом Александром Пушкиным, о котором поэт сообщал в письме Вяземскому:

«Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастает. Ему надобно непременно учиться, и учиться не так, как мы учились!»

Судьба Жуковского в очередной раз определилась случайно, в силу внешних обстоятельств: в конце апреля 1817 года в Дерпт прибыл Г.А. Глинка — помощник воспитателя при великих князьях Николае и Михаиле, назначенный также учителем русского языка молодой супруги великого князя Николая, прусской принцессы Фредерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины. Глинка был тяжело болен, но не мог оставить должность, не предложив замены, и поэтому обратился к Василию Андреевичу. Тургеневу Жуковский сообщал, что место чрезвычайно выгодное: 5000 рублей жалованья, квартира во дворце великого князя, занятия ежедневно по одному часу, прочее время свободное.

«Обязанность моя соединена будет с совершенною независимостью. Это главное!.. Это не работа наемника, а занятие благородное... Здесь много пищи для энтузиазма, для авторского таланта».

Весной 1827 года Жуковский с братьями Тургеневыми отбыли в Па-

риж через Лейпциг: предстояли закупки немецких и французских книг для нужд воспитания цесаревича. В Лейпциг они прибыли к открытию книжной ярмарки, на которой Жуковский приобрел изданий почти на 4000 талеров. Проблема заключалась в другом: психическое состояние Сергея Тургенева быстро ухудшалось, почти как у Батюшкова. В переписке Александра говорилось, что «слова ангела-хранителя» Жуковского действовали во время приступов на Сергея лучше всего.

После переезда в Шепелевский дворец Жуковский по субботам принимал литературных друзей и знакомых, в остальное время работал над воспитанием наследника цесаревича. Воейковой он писал:

«...Час от часу отделяюсь далее от света. Не знаю, хорошо ли это, но оно так. Мне по-настоящему не надо разлучаться с современным; напротив — надобно бы за ним следовать внимательно. Но это для меня невозможно, не умею гоняться за двумя зайцами».

С 1831 года начался новый этап в поэтическом творчестве Жуковского. В январе он перевел два больших отрывка «Сиды», положив в его основу перевод Гердера, но для понимания ритмического строя испанской поэзии пользовался и подлинными романсами. В июле этого года вышли сразу два издания: «Баллады и повести В.А. Жуковского» в двух частях и «Баллады и повести В.А. Жуковского» в одном томе. Во втором издании был «Сид», которого не было в первом.

Во время холерной эпидемии двор спасался в Царском Селе, Жуковского разместили в Александровском дворце. Соседом его был А.С. Пушкин, живший в доме А.К. Китаевой на Колпинской улице. Они часто общались и обменивались новыми творениями, Пушкин писал Вяземскому 3 сентября:

«...так его и несет. Редкой день не прочтет мне чего нового; нынешний год он, верно, написал целый том».

В октябре 1831 года Жуковский сопровождал наследника в Москву и смог общаться с И. Киреевским, который начинал издание журнала «Европеец». Василий Андреевич отдал ему «Войну мышей и лягушек». Два первых номера вышли уже в январе следующего года. Установочная статья «Деятнадцатый век» вызвала неудовольствие государя, при попытке заступиться за издателя у Жуковского и Николая Павловича возник крупный конфликт, после чего наставник перестал являться в учебную комнату великого князя. При посредничестве императрицы и этот конфликт был разрешен, император даже лично навещал литератора — мириться.

Жизнь Жуковского во второй половине 1830-х годов была связана в значительной степени с общим состоянием культуры Петербурга. На его пятницах постоянным посетителем стал Н.В. Гоголь, который читал свою новую комедию «Ревизор» и рассказ «Нос». Жуковский называл его в собраниях «Гогольком». Он же ввел Гоголя в салон Смирновой-Россет. В связи с отъездом А. Тургенева за границу и множественными его по-

сланиями Вяземскому и Жуковскому, возникла идея издания журнала, посвященного актуальным проблемам современности.

Жуковского более всего волновал тогда возникший скандал, связанный с женой Пушкина и Дантесом. Он взялся быть посредником барона Геккерена и пришел с этим предложением к А.С. Пушкину, который твердо отказался встречаться с Дан-

тесом. Жуковский, тем не менее, упрасивал поэта одуматься. От всех сторон скандала он упорно добивался прекращения дела и молчания обо всем случившемся, но Пушкин не стал следовать советам Жуковского.

27 января 1837 года Жуковский узнал о смертельном ранении Пушкина случайно: не застав Вяземских, он зашел к их зятю. После этого сразу поехал к раненому поэту и узнал от доктора Арендта, что смерть неминуема. Когда на следующий день Пуш-

кин прощался с близкими и друзьями, Жуковский смог только поцеловать ему руку, не в силах вымолвить ни слова. Далее он отправился во дворец — спасти бумаги поэта и попытаться помочь секунданту Пушкина — Данзасу. В последнюю ночь Пушкина у его постели сидел В.И. Даль, а Вяземский, Жуковский и Виельгорский ожидали в соседней комнате. Когда вынесли тело поэта, Жуковский опечатал его кабинет своей печатью.

После смерти Пушкина, как свидетельствовали современники, Жуковский стал «грустнее» и, как сам говорил, «старее».

Весной к Василию Андреевичу обратился К.П. Брюллов, который хотел выкупить Тараса Шевченко из крепостной зависимости. Тогда же он начал писать портрет Жуковского. В апреле и Н.В. Гоголь прислал отчаянное письмо из Рима, где работал над «Мертвыми душами» и пребывал в жутком безденежье. Жуковский сумел выхлопотать для него персональное пособие от имени государя, хотя Николай Павлович еще не остыл после откровенно резкого письма о судьбе Пушкина, адресованного Бенкендорфу.

Во второй половине января 1838 года состоялось знакомство Жуковского с М.Ю. Лермонтовым, только что вернувшимся из кавказской ссылки. Во втором номере за 1837 год в «Современнике» было опубликовано его «Бородино». При личном знакомстве Жуковский подарил поэту экземпляр «Ундины» с дарственной надписью.

В феврале Жуковский вновь был назначен сопровождающим великого князя в Дармштадт, где он должен был давать уроки русского языка Марии Гессенской — невесте наследника престола. За неделю до отъезда он сдал цензору А.В. Никитенко три тома сочинений Пушкина — дополнение к семи, изданным ранее, и отбыл в Варшаву, где навестил сестру Пушкина — О.С. Павлицеву. Далее он ехал через Дрезден, Бер-

ском турне. Там были следующие слова:

«Государь, я хочу испытать семейного счастья, хочу кончить свою одинокую, никому не присвоенную жизнь... На первых порах мне невозможно будет остаться в Петербурге: это лишит меня средства устроиться так, как должно; во-первых, не буду иметь на то способов материальных, ибо надобно будет всем заводить с начала».

Жуковский узнал о смертельном ранении Пушкина 27 января 1837 года и тут же помчался к нему. Доктор Арендт, находившийся при поэте, сообщил, что смерть неминуема. Когда на следующий день Пушкин прощался с близкими и друзьями, Жуковский смог только поцеловать ему руку, будучи не в силах вымолвить хоть слово. А затем поспешил во дворец — спасти бумаги поэта и попытаться помочь его секунданту Данзасу... После смерти Пушкина, как свидетельствовали современники, Жуковский стал «грустнее» и, по его собственным словам, «старее»

лин, Виттенберг, Веймар и Ханау, где встретился с Рейтерном и его дочерью Елизаветой, правда, встреча была короткой, так как у него не было времени на тесное общение.

Занятия с принцессой в Дармштадте шли весь апрель и половину мая. Находясь в отпуске и встретившись еще раз с отцом и дочерью Рейтерн, Жуковский написал императору прошение об отставке и отдал его лично в руки Николая Павловича, находившегося в европей-

Сильнейший удар нанесло Жуковскому известие о смерти Гоголя и уничтожении им второго тома «Мертвых душ». После этого Василий Андреевич заболел и уже не вставал. Он скончался 12 апреля 1852 года в 1 час 37 минут ночи. Похоронили его на загородном кладбище, в особом склепе, украшенном строками его стихотворения: «О милых спутниках, которые сей свет присутствием своим животворили, не говори с тоской — их нет, а с благодарностию — были». □

**КАЧКАЧ
КАЧКАЧ
КАЧКАЧ**

ПОЖИЛОЙ ДАМЫ

**КАЧКАЧ
КАЧКАЧ
КАЧКАЧ**

Глава 7

Яна точно знала, что оторвалась от своего преследователя. Но она потеряла ориентиры и не представляла, на какой улице находится. И еще она, растяпа, оставила в редакции кошелек, а когда еще теперь доведется попасть в редакцию! И зачем только она пошла в свою квартиру... В тот дом, за которым следил уже не мальчишка... Какая дура! Сейчас вот ей приспичило зайти в туалет, а он платный, и у нее ни копейки. Господи, хоть бы найти какое-то укрытие! И тут, пробегая мимо старинного двухэтажного особняка, она заметила полуоткрытую входную дверь и быстро юркнула в нее. Не успев оглядеться, она вдруг услышала, как дверь наверху открылась, и кто-то, наклонившись к перилам, крикнул:

— Маргарита Львовна! Ах, обождите, пожалуйста!

Спускаясь по лестнице женщина остановилась.

— Если позволите... у меня к вам просьба...

— Говорите, не стесняйтесь, — милостиво разрешила женщина. —

Я ведь ваша должница...

— Простите, что я здесь, на лестничной площадке... Но это невозможно при всех...

— Слушаю, слушаю!

— Тут, видите ли... У меня есть родственница... Молодая девушка, которая, скажем так, достойна неплохой карьеры... творческой... Но в силу

разных обстоятельств... Одним словом, разрешите ей предстать перед вами...

— Хорошо. Пусть предстанет. Я вернусь через полчаса и буду дома до самого вечера. А что она умеет делать?

— Ну... я затрудняюсь...

— Хоть что-нибудь умеет?

— Да, да, конечно же! Она... она хорошо пишет! Могла бы организовывать различные сценарии... И для самодеятельности, и, может быть, выше... Только обязан предупредить... Это неординарная личность... И выглядит несколько... необычно. Но вы не подумайте чего-либо плохого... Это — стиль...

— Ну и как же она выглядит?

— Как человек, отставший от поезда!

— О, господи! Ладно! Жду! Да, кстати... Еще раз спасибо. Гогочке подходит морской воздух... Хотя, знаете ли, очень, очень далеко... И там часто бывают смерчи... И отключения энергии... И перебои с подачей тепла... Но в последнем письме он известил, что несколько человек из их командования вместе со своими водителями и другими помощниками отправятся за границу... А Гога еще ни разу не был за пределами, так сказать...

— Провентилирую, Маргарита Львовна! Сейчас же и провентилирую! И если мои кадры хоть что-нибудь смогут сделать в этом направлении, считайте, что ваш Гога уже путешествует за кордоном. Да, я не сказал еще кое-что... О моей протезе... Родственнице... Ей негде жить... Жена, скажу откровенно, не приветствует моих родственников, тем более молодых девиц. Может быть, ей найдется место в нашем общежитии, именуемом теперь гостиницей?..

— Может быть... Я подумаю... А сценарии... Что ж, остановимся пока на сценариях. Посмотрим... Но зарплата — в наших пределах... Мне выше головы не прыгнуть.

— Разумеется, о чем речь! Я пока еще в силах, так сказать... Правда, есть один нюанс... У меня, как вы знаете, с завтрашнего дня командировка. Еду в провинцию, готовить наш семинар. Но выехать постараюсь уже сегодня. Так что сейчас за билетом, и...

— Да я ее и без вас приму, что вы так волнуетесь! Могу вам сделать звоночек домой, сообщить, что с ней все в порядке...

— Нет, нет, не надо домой!

— Понятно. Я никогда в долгу не остаюсь. Это должно вас успокоить.

— Ах, Маргарита Львовна! Я поеду с легким сердцем! Если к вечеру что-то узнаю о загранице — непременно позвоню. Еще раз моя нижайшая благодарность!

С этими словами мужчина упорхнул обратно к себе, а дама вышла, наконец, из подъезда, сверкнув своей блестящей, словно чешуя змеи, одеждой.

Услышанный разговор натолкнул Яну на интересную мысль: а что, если ей и стать этой самой родственницей и таким образом скрыться на время, хотя бы на несколько дней. Вот только что делать с настоящей претенденткой? С девицей, которая придет сюда через час или два? Этот потертый гусь небось уже известил ее о том, что переговоры прошли успешно... А что, если попытаться действовать жестко? Мол, лезь сюда, но только через неделю, а пока держись подальше и помалкивай! Но вдруг она пойдет в полицию? О, эврика! Надо просто сказать ей, что я хорошо знаю жену ее старого козла и могу открыть ей, так сказать, глаза... Да, это должно подействовать — ведь иначе она лишится и рабочего места, и любовника, и его денег... Последнее обстоятельство, видимо, было определяющим...

Яна вышла из особняка, перешла через дорогу, отшагала метров тридцать и стала наблюдать за домом, стоя возле витрины магазина, где продавали все для зимнего отдыха — лыжи, спортивные костюмы, темные очки... Ждать ей пришлось недолго, дама в блестящих, переливающихся одеждах вскоре вернулась обратно, и Яна кинулась к ней через дорогу:

— Маргарита Львовна! Разрешите к вам обратиться... Мне... ах, мне дали понять, что вы можете стать моей покровительницей...

Дама внимательно рассматривала Яну и... молчала.

— Маргарита Львовна, я... могу сочинять поздравления, пьесы, стихи для капустников... И для других событий... Вы не думайте, я не буду сидеть сложа руки...

Дама продолжала молча разглядывать ее.

— Вы мне не верите... Но почему?

— А я вам отвечу, и очень откровенно. Я знаю Бориса уже лет двадцать, и видела всех его... хм... знакомых женщин. Вы совершенно не в его вкусе! Ничего не понимаю...

— Мужчин иногда очень трудно понять, — глубокомысленно заметила Яна.

— Да уж. Ну, пойдете, я сразу отведу вас на рабочее место и дам несколько сценариев, а вы их поправите. Улучшите, так сказать, а то уж очень они скучны. А предназначены для массовых мероприятий в клубах, ДК... Документы у вас с собой?

— Трудовой книжки нет...

— Вот как? А что с ней случилось?

— Ее потеряли... Я пытаюсь ее восстановить...

— Ну, что ж, пытайтесь. Паспорт хотя бы есть? С московской пропиской?

— Да.

Яну усадили в первый же кабинет, рядом с входной дверью, какая-то девушка принесла ей несколько разноцветных папок со сценариями, она же списала себе на листок данные паспорта новенькой сотрудницы и удалилась, предупредив, что находится в пятом кабинете и зовут ее Рая.

Яна стала просматривать папки и ужаснулась — сценарии были старые, отпечатанные еще на машинке, а долго пролежавшая бумага всегда вызвала у нее аллергию. Господи, этого еще не хватало! Да ей уже сейчас просто нечем дышать! Открывая дверь кабинета, она мысленно отругала себя за то, что, захваченная своей авантюрой, потеряла бдительность и не сделала этого раньше — настоящая-то претендентка на ее место должна вот-вот появиться! А вдруг она уже где-то здесь? Выйдя из кабинета, девушка прошла вдоль коридора и внимательно прочла таблички с фамилиями, именами и отчествами сотрудников. Маргарита Львовна, несомненно, была здесь самой главной и сидела в седьмом кабинете. А в пятом, где была Рая, располагался отдел кадров. Везде было тихо. Может, кроме Маргариты Львовны, Раи и Яны здесь больше никого и нет? Борис ускакал в свою командировку... Ага, вот его кабинет... Он, оказывается, главный специалист... Художественное творчество, видите ли, изучает... Только не там, где оно произрастает... Паразит!

Неожиданно Яна вздрогнула — на нее во все глаза смотрела девушка, только что вошедшая в коридор. Ее короткие волосы были встрепаны и, видимо, чем-то намазаны, так как каждый волосок вздымался совершенно автономно. Старые потертые джинсы малинового цвета обтягивали худые длинные ноги, а из-под короткой кожаной куртки свисала джинсовая рубашка. Ноги девицы, словно палки, опирались на раздолбанные ботинки с огромными каблуками. Лицо ее покрывали то ли прыщи, то ли веснушки. Несмотря на длину ног, это было уродливое, нелепое и казавшееся грязным чучело. Яна двинулась к ней, соображая, как поскорее вывести соперницу на улицу. И тут девица вдруг улыбнулась... и лицо ее мгновенно преобразилось, стало загадочным, прекрасным и доверчивым. И все вокруг словно преобразилось, и коридор стал шире, светлее, и потолок — выше, и стены, явно требующие ремонта, заиграли невиданными красками... Вот это да! Но не в правилах Яны было отступать — она уже так много прошла, так часто и безнадежно ошибалась, столько рисковала, что просто обязана рискнуть и в этот раз! Дай бог, последний. И она подошла к девице, решительно взяла ее под руку, развернула на сто восемьдесят градусов, вытащила на лестницу, затем — на улицу, и только там спросила:

— Вы ведь к Маргарите Львовне?

— Да...

— От Бориса?

— Да...

— Тебя как зовут? — спросила Яна, бесцеремонно переходя на «ты».

— Оля...

— Оля, ты хорошая девушка. У тебя волшебная улыбка. Но ты продержись где-нибудь с недельку, а? Иначе тебя убьют... Борис, кажется, ничего не знает, иначе он бы тебя предупредил... Ты уже в опасности... Я не могу сказать большего. И не спрашивай меня ни о чем. Иначе меня тоже... уберут.

Олина улыбка погасла, она качнулась, готовая рухнуть на асфальт, но Яна ее поддержала.

— Но откуда? Откуда они узнали? Я ведь не хотела брать, — пролепетала девушка.

Вот тебе раз! Девица в чем-то замешана, взяла то, чего не надо. Да это же удача!

— Я не знаю, откуда... Но им все известно...

— Но вы... Я могу вам отдать, а вы — им... Я не прикасалась... Я даже не открывала... Меня пустила к себе одна бабушка... Она сама упала прямо на меня на улице...

— Кто упал?

— Да бабушка! А я ее поддержала... Вот как вы меня сейчас держите... Я довела ее до квартиры... А она узнала, что мне жить негде, и пригласила к себе... А он вечером пришел и оставил ей этот чемоданчик...

Да, девица оказалась не только с загадочной улыбкой, но и с загадочными поступками!

— Кто пришел?

— Внук, кажется... И сказал, что, если он завтра не проявится, я должна спрятать чемоданчик. Но не дома, а где-нибудь в надежном месте...

— Ну и...

— Я и спрятала...

— Вот и молодец! А куда?

— В камеру хранения! На вокзале. Но я ничего не трогала!

— Ни фиги себе! А вдруг там... взрывное устройство?

— Но ведь все проверяют металлоискателем, или как это называется... Через коробку тоже обнаружили бы...

— Ты же сказала — чемодан!

— Но я его упаковала в коробку! И боюсь возвращаться! Я позвонила Борису... Он пообещал все устроить... Сказал, куда приходить... Вот я и...

Яна понимала, что судьба приготовила ей еще одно испытание. Конечно, в чемоданчике деньги, что же еще! А деньги нужны всегда! Их можно разделить с этой Олей, похожей сейчас на глупую телку, которую выпу-

стили в поле пощипать травку, не предупредив, что рядом могут находиться хищники. Но тогда не следует терять из вида эту девицу. Надо держать ее при себе. Или... Или пусть уходит подальше со своими проблемами? Ну уж, нет! Яна, столько всего выдержала, что заслуживает награды!

— Так вот почему тебя хотят убить... Ничего, я тебе помогу! — решительно заявила она.

Девушка прижалась к ней и готова была ее обнять. Яна сказала новой знакомой, что живет одна, что может ее спасти, отдала ей ключи от своей пустой квартиры и добавила, что сама не будет ночевать дома, что вечером постарается ей позвонить и сообщить, как идут дела. Какие это дела, Яна не уточнила. Девица схватила ключи, два раза повторила адрес и медленно пошла к метро.

Итак, соперница была вырублена, да еще как! Это не просто соперница, а курица, которая умеет если не нести сама, то находить золотые яйца... Ах, как все кстати, как вовремя! И если этот принц Гамлет, с которым Яна познакомилась, когда готовила материал о какой-то новомодной стройке, действительно сдержит свое слово, она может стать счастливейшей женщиной на планете! Правда, все портит одна картина... Яна вычеркнула ее из памяти... Но она всплывает вновь и вновь... Не надо... Ее следует отодвинуть подальше, выкинуть, как старое барахло...

Яна вновь засела в отведенном ей кабинете и стала перелистывать сценарии, трогать эту старую бумагу, от которой пахло вечностью... Нет, ей этого не выдержать!

— Ну и как вы думаете, у вас что-нибудь получится? — спросила неожиданно появившаяся за ее спиной Маргарита Львовна.

— Думаю, да...

— Где наша гостиница, знаете?

— Нет...

— Рая вам расскажет и даст ключ от комнаты. Я договорилась. Платить будете, когда сможете...

— Ах, как же я вам благодарна! Вы — волшебница! — прошептала Яна.

— Если бы... Если бы, милая девочка... Яна, кажется?

— Да. По паспорту. А так все зовут меня Олей.

— Хорошо. Всего доброго!

Яна рассыпалась в благодарностях, а потом пошла к Рае, и та начертила ей схему, как найти их гостиницу-общежитие. Это оказалось на другом конце Москвы, и Яна обрадовалась. Все хорошо, хорошо, враг не доберется, не найдет, не догадается, где она и что с ней. А потом, надо надеяться, она будет далеко-далеко! Если этот парень... Господи, да ведь он в эти дни

должен вернуться! Он будет ей звонить! Надо обязательно предупредить Олю! И она сделает это сразу же, как только поселится на новом месте...

Общежитие оказалось страшненьким, старым, с одной кухней на весь коридор, с плитой, которая не работала. Жильцы имели свои плитки. На одной из них Яне разрешили вскипятить воду, и, когда она вскипела, Яна унесла ее в комнату и выпила, закусив небольшой булочкой. Это был весь ее ужин. Идти в редакцию не было никакой возможности — обратно она вернулась бы в кромешной тьме. Ничего, не умрет. А поздно вечером она позвонила в свою квартиру от вахтерши, и Оля, тут же ответив, призналась, что чувствует себя довольно комфортно. Правда, есть ей было практически нечего — из холодильника многое пришлось просто выбросить. Но голод — это ничего, это терпимо... Только вот она очень беспокоится о бабушке, которая ее приютила, и неожиданно попросила Яну позвонить ей, узнать, как она, и дала номер ее телефона.

— Оля, у тебя там много вещей осталось? Ну, где ты ночевала, у бабушки этой?

— Да вообще ничего не осталось... Я... я ведь с мамой живу и всегда мечтала стать артисткой, вот и уехала из дома, чтобы найти работу в Москве и готовиться поступать в театральное училище... А Борис часто бывал в нашем городе по командировкам, и мы познакомились. Он обещал помочь и дал свой рабочий телефон, потому что дома — жена... Я решила разведать насчет работы, приехала, но сразу не смогла до него дозвониться... Так у бабушки и очутилась...

— Ясно. Значит, все при тебе? В твоей сумке? Все свое ношу с собой, да?

— Да... А вы позвоните ей, ладно? Скажите, Оля, мол, беспокоится... Ну, это если она возьмет трубку... А если внук... Ой, даже и не знаю! А вдруг не внук, а полиция? Что тогда делать?

— Я попробую. У бабушки нет определителя номера?

— Нет. Обычный старый аппарат.

— Хорошо. А я тебя попрошу, если мне позвонит мой парень, он должен приехать из Дании, спроси, где он остановился, и как с ним связаться. Объясни, что я временно у себя не живу, но обязательно перезвоню ему. Его зовут Йозеф.

— Хорошо.

Яна никогда не была особенно романтической натурой, у нее не кружилась голова от любовных сцен, увиденных в театре, на экране, либо прочитанных в книге. Нет, в этом отношении она была как-то уж слишком практична и обращала внимание на мужчин, которые подходили ей по характеру, по ее материальным потребностям и еще по нескольким категориям. Так она выбрала Йозефа, дав ему возможность думать, что это он

первый заметил Яну. Семья его имела свой дом в Копенгагене — правда, небольшой. Йозеф повез показать родителям ее фотографию. Интересно, как они к ней отнесутся? Вообще-то он еще не сделал ей предложения. Но все идет к тому. ...

Яна расстелила себе постель, которую ей дали здесь на время, заметив, что постепенно все для себя она должна приобрести сама, легла и тут же словно провалилась в бездну. Вахтерша долго стучала в ее дверь, пока до Яны, наконец, не дошло, что ее зовут к телефону. Она побежала в коридор прямо в халате и ботинках на босу ногу. Бежала не зря... Оля сообщила ей, что звонил Йозеф и, приняв ее за Яну, сказал: «Янушка, я тебя люблю...», а потом прибавил, что задержится на несколько дней, потому что заболела мама. Вот и все. Плохо, конечно, что задержится... Так плохо, что дальше и некуда. Как бы ей тут не превратиться в волчка, который все крутится, крутится и крутится, не имея сил остановиться. И нет человека, который бы взял его и остановил...

Глава 8

Мне нравится человек-паук. Я вообще люблю людей со своей загадкой, о которой никто не знает. А тут не просто загадка, а роскошные возможности спасать, умирять, наводить ужас на самых страшных злодеев. И моя Валентина — тоже человек-паук. Только она не летает на своей паутине-канатах, их у нее нет, ее паутина — другая, сотканная из ловушек, фактов, доказательств и психологических умозаключений... И мы с Гретой помогаем ей в этом ткачестве. Много у нас уже чего накопилось. Поездка в деревню с Яной и важная находка — пистолет — прервали тогда наши психологические опыты, и я, уладив свои семейные дела и заявив в издательстве, что, в связи со смертью тети, мне необходимы еще несколько дней, вновь помчалась в Лизину квартиру. Там меня уже ждали подруга и полицейский аналитик со способностями психолога, а заодно и утешительницы. Не успела я шагнуть за порог, а уже услышала, как Грета говорила своим глубоким, спокойным голосом, что девушка непременно сумеет за себя постоять, что с ней не так-то легко и справиться, как кажется на первый взгляд, и что вообще ее, скорее всего, не похитили и не убили, а она сама, почувствовав за собой слежку, окопалась в каком-либо тайном месте и обязательно даст о себе знать... Только вот телефон этот ей неизвестен, поэтому она, возможно, позвонит Косте. Тем более что у нее сегодня вечером должен быть прямой эфир. А поскольку к делу она относится очень ответственно, то и должна объявиться.

— И что же это у вас случилось? — с порога спросила я.

— Яна пропала! — ответила Грета. — Исчезла... вышла куда-то, уборщице, у которой ночует, сказала, что ей нужно позвонить по межгороду, и — с концами... Уборщица подумала, что она в редакцию пошла и оттуда будет звонить... Но Яна в редакцию не заходила...

— В полиции об этом знают? — деловито осведомилась я.

Меня заверили, что, разумеется, девушку ищут. Это исчезновение внесло некоторый разлад в наши мыслительные упражнения. А ведь мы хотели и далее «рисовать» портрет убийцы, тем более что Валя обещала нам выложить сегодня новые факты. Но пока что-то молчит. А вот Грета... Она меня немножко удивляет — ей вроде как-то легче стало оттого, что Яна исчезла... Ба! Да уж не ревнует ли она своего Константина к этой девушке, а? Этот вопрос вырвался у меня как-то сам собой... Грета улыбнулась и сказала, что всегда была очень ревнива, но все-таки чувство это вовсе не лишнее в семейной жизни...

Но это все ерунда по сравнению с новостью, которую нам объявила Валентина: вчера на даче в тайнике был найден пистолет-убийца! Да, да, именно из него стреляли в мою тетю! Что ж, я предполагала нечто подобное... Так что никаких Америк мы не откроем — пути ведут к банде Леры и этого... ЕП. Мне даже по имени называть его не хочется... Ба! Еще одна новость — ЕП трудится в одной из контор по ремонту жилья, он дизайнер, и фамилия у него... Господи, не хуже моей Перчик! Оказывается, он — Хороневич! Ему бы не жилье обновлять, а в похоронном бюро работать! Да, правы те, кто утверждает, что фамилия во многом определяет наш характер, возможности и намерения. Она может возвышать, подталкивать к цели, но и ограничивать тоже... Хороневич избавляется от одиноких стариков и делает на этом деньги...

Интересно, а какая профессия у Леры? Оказывается, она — Валерия Емельяновна Краткая, трудится менеджером на одном из книжных складов, где продукция отпускается оптом. Ведет себя тихо, смирно, хороший исполнитель, очень внимательна к покупательскому спросу и дает неплохие рекомендации своему начальству, а, значит, и издательствам. Нашли же Леру по номеру телефона, который дал мальчишка. А дом, оказывается, оформлен не на нее, а на какую-то родственницу, которая тут и не появляется... Вот почему в поисках ее сначала произошел сбой... Живет Валерия Емельяновна одна, дочь давно от нее отделилась, и, похоже, они совсем не встречаются. Странно все это — с такими недюжинными способностями женщина целыми днями сидит на складе, в подвальном помещении, в подчинении у других людей. Мне-то казалось, что она — человек какой-то вольной профессии, независима, решительна, привыкла повелевать... А тут... Валя тоже обратила на это внимание и предположила,

что Лера специально работает в таком месте, она словно забилась в щель. Но почему? Подруга объяснила, что, видимо, у нее была судимость, сейчас это проверяется. Да если и не было, то при большом размахе банды лучше работать где-то в укромном месте и не «светиться». Готовятся документы на арест и Леся, и Леры... Но брать их, возможно, еще рановато — пусть попрыгают, чтобы у нас появилось больше улик и доказательств их вины. От пистолета эта Лера вполне может отвертеться!

Разворачивались, оказывается, события и у Галины Петровны. Она приняла рвущихся к ней женщин и в порыве откровенности рассказала о том, что ее умерший сын вроде бы сумел оставить на этой земле потомство... Надо было понимать, что квартира ее и достанется этому самому потомству. Галину Петровну никто не просил открывать эту тайну, рассказывать всю подноготную, но уж очень откровенной была беседа, и она не удержалась... Да и призналась, что этим хотела раз и навсегда поставить точку — противная сторона должна была понять, что здесь нечего рассчитывать на дармовую недвижимость. Но этим хозяйка квартиры подставила саму себя — ведь на данный-то момент ее жилплощадь еще ни на кого не оформлена! А они умеют действовать быстро... Поэтому у Галины Петровны все время дежурит человек, она предупреждена, что следует быть осторожной, не открывать дверь кому попало, не есть принесенных даров, не пить подаренных напитков и так далее. Иначе — мгновенная смерть либо такое забытье, после которого она окажется или на том свете, или в глухой деревне, в доме-развалюхе, на который якобы добровольно обменяла свою квартиру... И еще — соседку Любу попросили ночевать у Галины Петровны. И если последняя все же потеряет бдительность, то уж первая ее обязательно выручит, спасет и разметает всех ее врагов...

И мы, обсудив эти новости, решили продолжить составлять портрет убийцы и психологическую картину самого преступления.

Итак, враг хитер и коварен. Но при этих эпитетах ведет себя несколько странно... Как-то уж очень дико форсирует события...

Мы вновь стали гадать, почему же преступники так торопятся... Может быть, мы ошиблись в их «квалификации», и банда занимается вовсе не квартирными делами, а различными ценностями?.. Прослышали, к примеру, что у тети есть какая-то дорогая старинная вещь, которую можно выставить на зарубежном аукционе, и прикончили хозяйку, чтобы сделать это без помех. А то ведь, если просто украсть, так владелица обратится в полицию с просьбой вернуть потерю... Этак стражи порядка и до аукциона могут добраться... Впрочем, Грета заметила, что убивают и без всяких аукционных целей, за обычное, а вовсе не старинное золотое колечко... За цепочку... Мы уж слишком далеко замахнулись... Да ведь замахнулись-то

потому, что уж слишком много приготовлений было к этому преступлению... Значит, не в колечке тут дело... А в чем? Я сочла нужным внести ясность — у тети на момент убийства не было старинных дорогих вещей... И не старинных — тоже. Они с мужем, озабоченные накоплением денег, давно все продали, сложили бумажки в кубышку, которая после обмена денег превратилась в груды разрезанной на мелкие полосочки бумаги...

Мы медленно пережевывали эту «тяжелую жвачку», и вдруг как гром среди ясного неба прозвучало Валино сообщение. Мы так опешили, что не сразу и врубались, что же она нам сказала. А когда до нас дошло, то хором попросили повторить. И подруга повторила:

— Помните, когда мы первый раз были в той деревне? Ну, когда Яна ее не узнала?

Естественно, мы помнили.

— Но дом-то она описала! — продолжала Валентина. — И лестницу, и кое-что еще... Я тогда от вас оторвалась, вроде как на речку пошла. И пока вы изучали другой конец деревни, я побывала в доме... Да-да, в том самом, куда мы вломились вчера вместе с Яной! Так вот, тогда у меня было достаточно времени, чтобы все обследовать, в том числе и тайник. И уверяю вас — пистолета там не было! Зато я унесла с кухни стакан с отпечатками пальцев... И те же отпечатки были на дверце шкафа...

— Лерины? — волнуясь, спросила я.

— Думаю, ее... Только они — внизу. Под другими... И на стакане, и на шкафу... А сверху...

— Чьи? Да говори же ты скорее! — выкрикнула я.

— А сверху — отпечатки пальчиков нашей скромной и сверхпроницательной Яны!

— Естественно! Ведь она спускалась тогда с чердака в кухню, пила чай! Забыла ты, что ли? И в шкаф залезала, смотрела, что там...

— Да нет, я ничего не забыла. Я ее очень внимательно слушала. Более того, все ее действия у меня зафиксированы. В шкаф она действительно заглядывала, но, по ее словам, — еще до приезда туда Леры и Леся... Когда постельное белье оттуда вынимала...

— Ну, знаешь! Если только это... Вынимала, а потом, когда они уехали, может, назад все складывала...

— Угу. И пистолет?

— Да что ты с этим пистолетом, Валя! Оружие, скорее всего, было у Леры... А когда из него убили мою тетю, то пистолет положили обратно в тайник...

— Наталья, ты ведь читаешь газеты... Более того — сама там работаешь... Посмотри любую хронику происшествий — оружие всегда находят

рядом с трупом... Его выбрасывают! От него избавляются! Кто же потащит такую бронебойную улику к себе домой, на свою дачу! Только идиот какой-нибудь... Конечно, бывает, что оружие подбрасывают специально... А потом направляют сыщиков к тайнику... Этак ненавязчиво, с улыбкой...

Все ясно. Теперь из Яны будет делать монстра... Я Валентину знаю, она душу вытряхнет из этой Яны, узнает всю ее подноготную, изучит каждый ее шаг, то есть «отработает» ее по полной программе заново. А потом, думаю, ей все-таки придется признать свое поражение, потому что девушке не было абсолютно никакого смысла убивать мою тетю, с которой она и знакома-то как следует не была! И вообще, это абсурд — ведь именно Яна предупредила всех о том, что тете моей и Галине Петровне грозит опасность! Именно с нее и началось наше расследование!

— А ключ, которым Яна отперла веранду, не редакционный, я проверила, — добавила Валентина.

— Может, это ключ от ее собственного дома! — подхватила я. — Она решила им попробовать открыть, и он подошел...

Я говорила что-то еще, защищая Яну, которая мне нравилась, а Валентина застыла и смотрела на меня во все глаза, и глаза эти становились все более удивленными, а потом в них появился лукавый огонек, который всегда говорит о том, что подруга моя близка к разгадке... Что она по-другому взглянула на дело, которым мы занимаемся...

— Ты не устаешь меня поражать, Наталья... Какая потрясающая и какая абсурдная мысль! А ну-ка, повтори еще раз то, что ты сказала! Право, в этом что-то есть... Есть, есть! И, возможно, все встанет на свои места!

Но ведь я много чего сказала в защиту Яны. Чего Валентине от меня надо, не пойму.

— Я предположила, что ключ, который подошел к веранде, — от ее собственного дома! Ну, раз он не редакционный...

— Вот-вот! От ее собственного дома! — врасстяжку, по слогам произнесла Валентина.

Доселе молчавшая и что-то писавшая на своих листах-схемах Грета вдруг вскочила и начала бегать вокруг стола, выкрикивая, что она все поняла! Ну, конечно, они все поняли, одна я дура! Ключ от собственного дома Яны подошел к веранде... Что тут понимать? Все ясно, как день. Ключ подошел... Он подошел, потому что... Я запуталась и стала говорить вслух:

— Ключ подошел, потому что... подошел!

— Нет, дорогая! Он подошел потому, что был от ее собственного дома!

— Он подошел потому, что был от ее собственного дома, — повторила я как попугай. — Но что это меняет? Что?

Валентина расхохоталась, и за меня взялась Грета.

— А то, что своим ключом я открываю свою собственную дверь, — сказала она. — И если бы вы, Наталья, не высказали эту замечательную мысль, мы бы еще долго барахтались в догадках...

Так. Выходит, я все высказала, они после этого прозрели, но на мне-то по-прежнему черная повязка! Валентина решила больше меня не мучить.

— Умница ты моя! Прозорливая и догадливая! Правда, порой неосознанно, — все-таки добавила она. — Яна быстро отперла веранду собственным ключом потому, что это была дверь ее собственного дома! Ее дачи!

Я была просто ошарашена...

Но ведь это значит, что Яна в минуты борьбы с самой собой бросилась вовсе не куда глаза глядят, а в родной уголок! И грызла землю не где-нибудь, а возле своего дома! И «не узнала» дом специально, потому что тогда мы не должны были заходить внутрь... Что-то тогда еще не стыковалось в ее планах... А потом сама привела нас к этому гнезду... Родовому... Ба! Да ведь это же значит, что Лера, та самая бандитская помощница, — ее родственница! Скорее всего — мать... Стоп, стоп, стоп!.. Эдак мы далеко зайдем...

— Значит, Лера — ее мамаша... А с какой ненавистью она смотрела на ее фотографию, помните? — спросила Валентина.

Я помнила. А еще тогда, когда мы первый раз приехали в деревню и, оставив Валентину с Эдуардом, ушли далеко, на другой ее конец, где кое-какие избы дымили, в них была жизнь, то какая-то женщина появилась на крыльце одного из последних домов и крикнула Яне: «Нинка, ты, что ли?»... Нет, кажется, она сказала — Нина... Та женщина ее узнала! Очевидно, так звали Яну в деревне... Яна — Янина... Я рассказала об этом эпизоде.

Валентина уткнулась в свои схемы, положила рядом рисунки Греты и улыбнулась:

— Надо же! Можно было и раньше догадаться... Над всем довлеет Яна... Следствие началось с ее подачи... Она сразу указала нам на людей, причастных к мошенничеству... Это, конечно, придется еще доказывать, но за уликами дело не станет. Уже многое есть. И все, и девушке можно было остановиться! Сделала свое дело, выполнила, так сказать, долг, помогла родной полиции, и порядок! Ясно, что их арестуют, а вместе с ними и других мошенников, скажем, тех, кто выдавал себя за твоих, Наталья, родственников. Потом — суд, тюрьма. Это неизбежно. Дело было лишь во времени. Но тут — это убийство Лии Семеновны... И следы ясно и четко ведут нас к Лере... Значит, организатору всей этой истории мести мало, он жаждет крови! От обвинений, которые были бы предъявлены Лесею и его подельникам, женщина могла вывернуться... Как — уж я не знаю... Но могла... И получить небольшой срок, а то и вовсе условный... Но кому-

то надо было, чтобы она исчезла надолго! Если не навсегда... А кому, если не Яне?

Мы молчали. И думали. Да, все пути ведут к девушке. Так же, как до этого вели к Лере. Это Яна постаралась. Так, может, и теперь кто-то старается, чтобы все обвинения сходились именно на ней?

— Яну могли подставить, — нерешительно произнесла я.

— Могли! — подхватила Валентина.

Нет, ей все-таки не хотелось делать из Яны убийцу... Господи, о чем я подумала! Так же нельзя... Но Валентина выразила мою мысль более четко:

— Могли и подставить. Иначе нам придется думать, что Яна — убийца... Что именно она поздно вечером позвонила в дверь твоей тети, сказала что-то такое, после чего Лия Семеновна ей открыла, вошла в квартиру и хладнокровно убила старую женщину... А потом привезла пистолет на дачу и спрятала его в тайник... И привезла туда нас... Я ожидала чего-то подобного и специально не стала при ней осматривать тайник... Так ведь она недвусмысленно на него намекнула...

Да многое, многое сейчас можно вспомнить! И поведение пацана в деревне... Может, он и не часто видел там Яну, но все равно узнал... И вел себя соответствующим образом... И эта придумка про «журавля»... Она прекрасно знала, где он находится... И все-таки... Неужели, неужели это все правда? Неужели такое возможно? Но зачем девушке все это нужно? Какая тут цель? Ведь мать и так ей ни в чем не мешала...

— Спросить бы обо всем у самой Яны, — пробормотала я. — Может, она бы объяснила...

— А не страшно?

— Страшно, Валя, но я хочу понять...

— Мы все хотим понять... И пойдем. Сейчас же двинусь к Николаю Николаевичу, Эдуарду и будем все это обмозговывать. Поднимем все документы. Все родословные. Может, что-то кроется в прошлом... Мать — наркоманка, так Яна, кажется, говорила... Между прочим, не тянет она на наркоманку... Деловая женщина. И вообще, Яна слишком много говорит об этих наркотиках. У меня именно такое впечатление. Для чего она это делает? Ах, как многого мы не знаем, и как много времени уже потеряно!

— А убийца, если она действительно убийца, ходит на свободе, — заметила Грета.

Вот! Яна-то исчезла! Может, она и не виновата, а тот, кто ее подставил, ее и похитил, чтобы все концы в воду! Я с радостью высказала это предположение, а заодно спросила, когда там починят этот электронный микроскоп, чтобы рассмотреть то, что оставил убийца... Несколько тоненьких волосков... Валя ответила, что микроскоп в порядке, а у меня плохая па-

мать, так как она говорила, что нет специалиста, который работает с этим микроскопом, но он вот-вот должен появиться. Говорили, что будет сегодня, но она с утра позвонила Эдуарду — специалист еще не подъехал... Да, верно, что-то память моя — не очень... Вот вертится в голове, о чем надо сказать моим женщинам, а никак не могу превратить эту мысль в реальную картинку... Бывает со мной так — память когда-то что-то сфотографировала и отложила это фото в подсознание как в альбом, где... Вспомнила! Фотография! Та женщина, что была снята рядом с девочкой... С Яной... Мы с подругой увидели их в квартире, которую снимала Яна и в которую мы проникли, мягко говоря, инкогнито... И фото, что лежало на подоконнике Лериной дачи... Тот снимок, в который Яна шипела от злости, не удержалась... Одно и то же лицо... Ее мать! Я напонила Вале об этих снимках.

Расходились мы с тягостным чувством. Не верилось, что девушка могла совершить кровавое преступление... Хотелось, чтобы мы ошиблись. И было, было основание для такой надежды! Ведь из всей этой каши событий получалось, что Яна сама навела нас на себя! Но ведь она далеко не дура. Нет, что-то все-таки здесь не так... Не стыкуется... И Валентина пока недовольна — нет полной ясности.

— Валь, ты веришь в предчувствия? — спросила я.

— В твои — да. Они ведь тебя, насколько я знаю, никогда не подводили...

— Да! И мне кажется, что я увижу Яну раньше вас всех... Что мы с ней встретимся...

Валентина призадумалась, а потом наставительно произнесла:

— Только будь спокойна и сдержанна. Никаких намеков на то, что нам известно и о чем мы догадываемся. Пой одно — бедная девочка, мы так за тебя волнуемся! Ну и так далее. И никакой слезки за ней! Она тебя тут же вычислит и... Словом, не подвергай свою жизнь опасности, у тебя — дети... И звони, звони, звони. Ее, конечно, ищут, но Москва велика... И кто знает, как все обернется...

Предчувствия мои сбываются всегда, и Валентина сто раз была этому свидетельницей. Но я и не предполагала, что встреча моя с Яной произойдет так скоро...

Глава 9

Сто лет я мечтала посмотреть выставку одного художника из моего родного города, но когда туда приезжала, на это никогда не хватало времени. И вдруг, идя в школу на родительское собрание к сыну, я увидела на афише знакомое имя... Оказывается, выставка расположилась в одном из за-

лов технического вуза, и было это совсем недалеко от нашего дома. Естественно, я решила побывать там на следующий же день и попасть на торжественное открытие этого мероприятия. Весь вечер я думала об этом, и успехи и неудачи сына, о которых говорила его классная руководительница, сплетались у меня с эпизодами прошлого, когда этот художник рисовал мой портрет... Интересно, будет тот портрет на выставке или нет? Я видела его всего два раза, и он мне понравился. Тем более что там я на себя совершенно не похожа. Помню, тогда, в восемнадцать лет, я выкрасила свои пепельного цвета волосы, и они превратились в красно-рыжие. Больше такой глупости я не допускала. Вообще-то подруги говорили, что мне это идет, но у меня-то было такое чувство, словно на голову мне натянули парик и теперь следует играть какую-то соответствующую новому образу роль. А мне этого не хотелось. Я уже готова была снова перекраситься, но тут меня встретил местный художник... Все говорили, что он очень талантлив, и я разрешила ему писать мой портрет. Выставила, правда, несколько условий — не занимать у меня слишком много времени и не позволять себе никаких вольностей! Он дал слово, посадил меня на скамейку в парке, раскинувшемся на берегу Волги, да так, что я оказалась на возвышении, а река где-то далеко внизу, и всего за два сеанса написал удивительный портрет. Разумеется, на нем была изображена я. Но вроде и нет. На скамейке сидела какая-то космическая девушка с моим лицом и окидывала взглядом не парк и не Волгу, а весь мир. Это была «вечная» девушка. Художник назвал картину «Красота спасет мир». Дескать, такое убить невозможно... Он был большим оптимистом...

Я еле дождалась следующего дня. Утром мы созвонились с Валентиной, и я, сообщив ей о выставке, стала упрашивать пойти со мной. Но она отказалась — из-за микроскопа. Потому что как раз сегодня его электронным «глазом» будут рассматривать то, что она нашла в тетиной квартире. На полу и на халате самой тети. К тому же ей скоро должен звонить Платон. Что ж, встречу со своей молодостью одна, мысленно вздохнула я, но все-таки позвонила Греете и пригласила ее. К сожалению, она собралась в поликлинику и высказала мне встречное предложение — придти после выставки в Лизину квартиру, где она будет вместе с Валентиной. И прибавила, что сегодня обязательно появятся новые факты! Я пообещала придти.

На улице шел снег. Я решила не нырять в метро, а проехать на трамвае, мне нравится этот вид транспорта, старинный, неспешный, а, главное, не боящийся пробок. Я сошла на нужной остановке. Снег был жесткий, колючий, больше похожий на град. Эти мелкие градинки били меня по лицу. Я морщилась, но продолжала идти. Как и всю жизнь. Я давно поняла — нельзя останавливаться, когда тебя стараются уколоть, увести на задний план,

выбить опору, на которой ты стоишь. Снег — это так, временно, и как бы жестоко он ни хлестал по лицу, все пройдет, и наступит хорошая, солнечная погода. Враг же бывает и не временный, а в большинстве случаев вообще постоянный. Он может улыбаться тебе в лицо, а часом позже строчить на тебя донос — вы думаете, они были только в тридцать седьмом? Или же, допустив в работе какую-то серьезную ошибку, тут же делает все, чтобы свалить ее на другого, в том числе и на меня... Однажды сотрудница, отвечавшая за выпуск газеты без ошибок, проморгала страшный ляп в заголовке. Я не удивилась — в то время ее муж влюбился в женщину, состоящую, как подчеркивала сотрудница, из одних недостатков. И наша дама была слишком занята личными проблемами. Но надо было не только краснеть за ляп, но и писать объяснительную спонсору газеты! И они с редактором — другом ее мужа написали... Лишь через несколько месяцев мне случайно попала на глаза эта бумажка — дежурной по номеру и виновницей ляпа там называлась я... То-то спонсор не выполнил несколько моих просьб... Мне бы удивиться — почему, но я же Буратино, живу с открытыми, доверчивыми глазами... И ничему меня жизнь, кажется, не научила... Только — идти вперед! Потому что я поняла — только так можно победить! Интересно, а как я думала о жизни тогда, в восемнадцать лет, когда писался мой портрет? Увы, плохо помню себя прежнюю, словно это был совершенно другой человек... Я рано вышла замуж, и жизнь моя оказалась слишком насыщенной, чтобы тонуть в мелочах или копаться в прошлом... Так что бей меня, снег, я закаленная, я не отступлю, тем более что иду сейчас на свидание с молодостью... А тогда вроде и снега-то такого колючего не было... И мир казался изумительным, созданным специально для меня... И я играла на сцене... Вбирала в себя чужие желания, мысли, монологи... Играла чужую жизнь, поэтому как-то смутно помню свою...

Я дошла до дверей зала, в котором расположилась выставка, и широко распахнула двери...

Наверное, устроители выставки специально так сделали — каждый перешагивающий этот порог оказывался в моем замечательном городе, потому что сразу видел несколько картин, расположенных полукругом, со старинными улочками-переулочками, с площадями, торговыми рядами, мостовыми, сбегаящими к Волге... Со знаменитой пожарной каланчой и старинными особняками, в которых жили знаменитые русские писатели... Я переводила взгляд с одного полотна на другое и не могла унять свое волнение... Как же это прекрасно!

Оказалось, что выставка разместилась сразу в нескольких залах — впрочем, они были небольшими. Я оторвалась от родных улиц и пошла к следующим работам, посвященным деревенскому быту. И тут всколыхну-

лось сердце — вот она, крыша бабушкиного дома... Вот наш старый колодец и тропка, ведущая к резному крыльцу...

На выставке начался какой-то шум, все пришло в движение, и я поняла, что посетителей приглашают в небольшое помещение с креслами — там состоится презентация. То ли всей выставки, то ли какой-то одной работы — я не поняла. Мне хотелось увидеть художника. Должно быть, теперь он уже очень стар... Интересно, узнает ли он меня? Нет, конечно... Смешно об этом думать... Я прошла в небольшое помещение с рядами кресел человек на пятьдесят и подмостками, которые могли символизировать сцену, и села к ним поближе. Очевидно, там будут находиться устроители выставки, и я буду рада их приветствовать — молодцы!

Посетители заняли лишь половину кресел, когда неприметный молодой человек вывел к столу невысокого старичка с седой гривой, опирающегося на красивую резную палку. За ними вышли какие-то женщины и стали хлопотать возле стола, но я на них не обращала внимания. Вот, значит, какой он стал... Годы безжалостны... Время не остановить... Оно бежит и оставляет на пути свои глубокие отметины... Садясь на стул, старичок качнулся вперед, его лицо на какой-то миг приблизилось ко мне, и наши глаза встретились... У него они были такие же серые с голубизной, как и раньше, но их словно подернула дымка... Он внимательно смотрел на меня, а потом улыбнулся. Узнал?

— Вы меня узнали? — быстро спросила я, встав и подтянувшись к столу.

— Вы — моя богиня, — сказал он дежурную фразу и, поймав за руку кого-то из хлопчущих рядом женщин, добавил: — Богиня...

Не узнал. Принял меня за обычную почитательницу таланта, а таких у него были десятки, сотни... Но я-то — не из их числа! Теперь мне уже хотелось, чтобы он меня узнал, и я попросила:

— Узнайте меня, пожалуйста! Мне это важно... Вы писали мой портрет... Давно... Тогда я была студенткой... В парке над Волгой...

— В парке? — переспросил он. — В парке... Конечно, в парке... Но там я писал только одну девушку! Позвольте... Ну, когда же мне принесут очки?

Последний вопрос был адресован молодому человеку, сидящему рядом. Он взметнулся и исчез, а через минуту уже протягивал художнику старые очки в роговой оправе. Старик водрузил их себе на нос и воззрился на меня. Старое, морщинистое лицо его вдруг налилось необыкновенной силой, бороздки времени разгладились, глаза засияли, а от улыбки, кажется, порозовели щеки... Узнал!

— Вы разрешите мне вас поцеловать? — вдруг спросил он.

Что ж, теперь можно и поцеловать. Тогда — не разрешила.

— Да.

Я приняла его трепещущий поцелуй и тут же спросила:

— А тот портрет — он здесь?

— Здесь...

— Я его еще не видела...

— Мы подойдем к нему вместе. А я вас искал... Я вас искал всегда...

— Мне приятно это слышать...

В микрофон объявили о том, что презентация начинается. Я огляделась. Оказывается, за эти минуты женщины украсили импровизированную сцену цветами, выложили брошюры о художнике, каталоги его произведений, плакат с его биографией и фотографиями лучших его картин. Потом начались речи, очень складные поздравления чуть ли не в стихах, прозвучало и пожелание московских художников, мой живописец был тронут... А потом заговорили об итоговой работе творца, и я поняла, что она сейчас будет представлена. И действительно, на подмости выплыло большое полотно, на котором по великой русской реке плыл белоснежный теплоход, а вдали золотом сияли купола изумительного по красоте и духу своему монастыря... Я всматривалась в эти купола, и слышался мне колокольный звон, без которого нет моей малой родины... Я не знаю, как долго длилось бы это погружение в историю, в корни и суть нашего существования, если бы не одна странность — теплоход, который был изображен слева, вдруг несколько раз качнулся и стал опускаться вниз... И только тогда я увидела дрожащую руку, которая не могла удержать картину в нормальном положении... Вскочив со стула и выбежав на подмости, я подхватила картину, которую от волнения выпустила из рук увидевшая меня Яна...

— Яночка, милая, — зашептала я ей, — а мы так за вас волновались! Я, честно говоря, думала даже о похищении... И у Валентины Васильевны было такое предположение...

Она сумела взять себя в руки и, снова взявшись за картину, улыбнулась мне:

— Да ведь я тут подрабатываю, жить-то надо на что-то... На радио сейчас материалы делать боюсь... Сижу без гонорара... Сегодня здесь мой первый выход... Вот и волнуюсь...

Интересно, на радио боится, хотя там проще — пригласил человека и говори с ним в микрофон, сколько влезет. А здесь тебя видят десятки людей... Но я решила этого просто не заметить. Очевидно, она действительно участвовала в подготовке презентации. Сейчас, когда кончится это представление, придется с ней общаться. Если она, конечно, не сбежит.

Пока Яна не спускала с меня глаз. Кстати, и художник — тоже. Наконец вся эта словесная белиберда кончилась, картину взяли из рук Яны и унесли в один из залов. Все двинулись следом. Меня от художника и Яны от-

деляли человек десять. Он добрался, наконец, до меня и ловко взял меня под руку. Яна плелась где-то сзади, и я опасалась, что она может ускользнуть. Но нет, не ускользнула. Словом, когда художник подвел меня к «моей» картине, и я вздрогнула всем сердцем, потому что встреча с молодостью всегда волнующа и незабываема, она вдруг оказалась рядом со мной... Я вспомнила, как Валентина просила меня быть осторожной, но подумала — не убьет же она меня прямо здесь, в конце концов! Кстати, что это у нее блестит в руке? Нож? Перехватив мой взгляд, Яна покрутила на пальце снятый с руки браслет. Не надо, чтобы девушка заметила хоть малейшую щербинку в моем поведении, и я стала рассказывать ей об этой картине. И о себе — тогдашней, молодой и красивой, полной надежд и сногсшибательных планов... Как оказалось, многим из них не суждено было осуществиться... А каким радужным тогда казался мир! А потом заговорил художник. Он признался, что, когда меня писал, поверил в волшебство, потому что рукой его явно водил кто-то свыше. И спросил нас — разве, мол, это не чувствуется? Я была уверена, что он прав. Я вся ушла туда, в ту жизнь... Яне, видимо, захотелось вернуть меня к реальности.

— Вы простите меня, Наталья... Я ведь так и не выразила вам соболезнование... Все как-то в бегах, все некогда... Но я очень, очень сочувствую... Вы, верно, очень любили свою тетю, несмотря на... ее вздорный характер?

— Любила... Во мне — те же гены. Я — ее часть... Так, видимо, задумано было природой...

Я говорила спокойно, глядя прямо на нее и забыв в ту минуту о наших прозрениях и подозрениях. И это сыграло свою положительную роль — Яна закончила свою «проверку», перестала сверлить меня взглядом и, как бы между прочим, спросила:

— А как продвигается расследование? Новенькое что-нибудь есть?

— Да как сказать... Все пути ведут в Рим, то бишь к этой пресловутой Лере... Выяснилось, что у нее в тайнике лежал тот самый пистолет, из которого убили тетю... Представляете? Жуть-то какая!

В это время художник стал целовать мои руки, потому что его молодой друг собрался отчаливать — естественно, вместе с ним. Их уже ждала машина. Творец моего портрета попросил номер телефона, по которому он мог бы меня найти. Я подала ему свою визитку. Он еще раз раскланялся и удалился вместе с молодым человеком.

— А знаете, кого вы мне на этой картине напоминаете? — вдруг заговорила Яна.

— И кого же? — с любопытством спросила я.

— Ту рыжую красавицу у вашей тети!

В ушах моих вдруг стало глухо, будто туда разом перестали поступать все звуки... Так бывало, когда я опускалась глубоко под воду... И все же я услышала выстрел... И увидела, как рыжая красавица безумными глазами смотрит на пробитую пулей голову тети... Мысли мои кипели как в котле, забирая себе всю жизненную энергию, и потому я, наверное, страшно побледнела... Как хорошо, что стояла я рядом с портретом, а Яна была от меня чуть сзади и сбоку. Я боялась одного — только бы не упасть! Тогда она все, все поймет... То же, что поняла сейчас я...

— Ах, вы расстроились, — мягко и сочувственно проговорила девушка. — Но почему вы расстроились? Я сказала что-то не то?

То ты сказала, Яна, то! Сейчас, сию минуту ты призналась в убийстве! Потому что много лет рыжая красавица у тети была скрыта от посторонних глаз! А повесила я ее только вечером, накануне убийства... По просьбе самой тети... Я заменила красавицей другую картину...

Наверное, человеку всегда нужно время, чтобы осознать опасность. Эти несколько секунд перевернули мою жизнь... И началась проверка меня на прочность... Я повернулась к Яне, приблизила свое лицо к ее глазам и выдавила из себя:

— Ах, Яночка, вы сказали — какая я здесь красивая! На картине! Вы это подчеркнули... А человек ведь не замечает своего возраста... Мне-то казалось, что все осталось... А у вас вырвалась правда... Горькая...

Я бессовестно лгала — по большому счету мне было совершенно наплевать, похожа я на ту, прежнюю, или нет. Думаю, все же похожа. А если и нет, не беда. Жизнь моя не проходит даром. Растут дети. Пишутся книги. И вообще... Разоблачаются преступники... А Яна принялась оправдываться — мол, она совсем не то имела в виду — и говорить мне комплименты. Я сделала вид, что поверила, и рассказала ей, как покрасила волосы в рыжий цвет и мучилась от этого, хотела даже отказаться от портрета, но художник все-таки уговорил. Так что я на картине — как бы с чужими волосами... А у тетиной рыжей красавицы они, наверное, свои...

— И как только вы успели ее разглядеть, — не выдержав, слегка съехидничала я.

— Да я многое разглядела, когда мы знакомились с вашей тетей... Мне и вышивки ее понравились...

— Я тоже их люблю. Особенно заснеженный дворик... Тот, что в коридоре...

Тут я спохватилась, что мое поведение может вызвать у нее подозрение — я ведь до сих пор не спросила, почему она скрылась от всех!

— Яна, вы уж меня простите, но я была так взволнована своим портретом... Я ведь не видела его много лет... Так взволнована, что, извините,

не спросила сразу — у вас все в порядке? Мы так переживали, узнав, что вас нет в редакции... Даже предположили, что вас могли похитить... Эта банда... И теперь я так рада, что вы стоите рядом со мной живая и здоровая... А если вы позвоните Валентине, она еще больше обрадуется, потому что эта женщина все мозги сломала, гадая, куда вы делись и не грозит ли вам опасность...

— Я позвоню... Позже... Но... вы были недалеко от истины — думаю, меня действительно могли похитить... Если бы не моя осторожность. Я заметила за собой слезку, стала петлять как заяц и, кажется, оторвалась от своих преследователей...

— Ох, Яночка, берегите себя! Мне кажется, вы совершаете ошибку, действуя в одиночку. Впрочем, после смерти тети я еще как-то плохо соображаю... А, главное, плохо знаю положение дел... Может, Валентине Васильевне с Гретой уже известно, кто ваши преследователи... Вы бы связались с нашими женщинами...

— Да что вы на меня так давите? — вдруг сорвалась Яна. — Мне не только об этом надо думать! Я одна! Понимаете — одна! У меня нет родного угла! У меня денег нет, в конце концов! Мне есть нечего! За организацию вот этой презентации я что-то получу, мне заплатят, но это будет только через месяц... А в редакции работать не могу больше — чувствую опасность... словно за мной следят изо всех углов... Вот и сейчас — вы со мной говорите, а мне мерещится убийца... Выстрелили в вашу тетю, а теперь моя очередь...

Что ж, если банда Леры действительно так кровожадна, то логика в этих словах есть. На первый взгляд, разумеется. Потому что на второй надо вспомнить, что кровожаден и безжалостен совсем другой человек, а вовсе не Лера...

— По этой же дорожке идет и следствие, — заметила я. — Вы только не пугайтесь... А... где вы теперь?

— Нигде! В воздухе! В подвешенном состоянии!

Не скажет. Играет злость. А сама думает, как бы ей побыстрее оторваться от меня на этой выставке и «сделать ноги».

— Я понимаю ваше состояние... И... можно, я останусь одна? Похожу, посмотрю... и еще постою у своей картины...

— Извините, мне давно бы следовало оставить вас. А я тут лезу со своими страхами... Простите! И прощайте! — рванулась с места Яна.

— До встречи! — бросила я ей вслед.

Она обернулась, обдав меня холодным взглядом, и пошла к выходу. Я заметила — у нее стала подпрыгивающая походка... Ее голова вздрагивала — вверх-вниз, вверх-вниз, а потом исчезла...

Так. Надо срочно сообщить обо всем Валентине. Я повернулась к какой-то картине и замерла, думая, как мне это сделать, а также не исключив возможности проверки Яной моего поведения. Потом перешла к другой картине и, не видя ее, как и предыдущую, продолжала искать выход. Этот выход в лице молодого человека, сопровождавшего художника, подошел ко мне сам. Оказывается, мэтр захотел встретиться со мной завтра же в неказенной, как он выразился, обстановке, а потому приглашает меня на ужин при свечах... в собственной квартире. А живет он в элитном доме на Ленинградском проспекте... Это квартира родителей его жены, бывших какими-то «шишками» в нашем правительстве... Я спросила, а будет ли сама жена, на что посланец ответил, что она давно умерла, но ей всегда нравился мой портрет. Но будет еще та девушка, которая организовывала презентацию — Янина, она сразу произвела на них впечатление... В это время в его кармане зазвонил телефон, и это решило мои дальнейшие действия. Я быстро спросила, а где сам художник, и, узнав, что он уже сидит в машине, изъявила горячее желание тоже сесть в машину и там обо всем договориться. Посланец был удивлен, но повел меня на улицу. Идя к выходу, я почувствовала на себе чей-то тревожный взгляд... Наверное, Яна... В это время я красиво, беззаботно улыбалась и что-то щебетала своему спутнику... Словом, не вызывала никаких подозрений... Кажется, с ролью я справилась. Как и Яна — с ролью убийцы...

В машине, не обращая особого внимания на художника, я тут же разыскала по телефону Валентину. А поскольку я была не одна, то мое сообщение прозвучало следующим образом:

— Валечка, я звоню тебе с выставки... То есть уже с улицы, из машины художника... Мне его помощник дал свой мобильник... Я так взволнована... Я видела здесь... ее!

Мужчины удивленно посмотрели на меня. А моя мудрая подруга сразу же постаралась внести в разговор ясность, спросив:

— Яну?

— Да! Картину, — пояснила я для своих спутников. — Свой портрет... Мы с... ней смотрели друг на друга, а я вспоминала, вспоминала... И сразу решила тебе об этом рассказать. Я так переживаю!

— Хм... Она, разумеется, уже ушла?

— Да. Но произвела огромное впечатление... Художник пригласил меня на ужин при свечах... Он состоится завтра... И там я вновь встречу с ней...

Мужчины недоумевали — в квартире художника нет моего портрета! Но Валя уже поняла, а я тут же выкрутилась:

— Мысленно, разумеется... Ведь во время ужина мы обязательно будем говорить о моем портрете... А какая интересная была презентация!

— Да перестань ты трещать об этой дурацкой презентации! Значит, завтра она будет с тобой ужинать... Я тут думаю, что сейчас предпринять...

— Да ведь дело-то именно в презентации!

— Ты хочешь сказать, что она каким-то боком...

— Не каким-то, Валя, а... Тебе интересно, как делаются такие презентации, да? Я сейчас спрошу...

И я тут же попросила художника и его «тень» рассказать мне, кто подготовил все это торжество. Они назвали мне организацию, которая предоставляет такие услуги. Валентина услышала.

— Она что, там работает?

— Да. А сейчас я скажу тебе главное. Ты во всем права. Все именно так, как ты думала! Как нам описывала!

— Постой, у тебя есть новые факты?

— Да! А какая замечательная выставка! Вы с... подругой обязательно должны ее посмотреть! И оставить свои записи в книге отзывов...

— Она не догадалась, что нам уже известен убийца?

— Нет! Тебе надо посмотреть на любимые уголки родного города...

— Да я на них всю жизнь смотрю...

— ... в художественном видении... В преломлении, так сказать...

— Приезжай! И сейчас мы поднимем на ноги всю эту контору... Ну и хитра, бестия! И будь там осторожна! Посмотри по сторонам — нет ли ее поблизости...

Я посмотрела — ничего подозрительного... Но телефонную трубку в моих руках видно не было — на всякий случай я спрятала ее под свои давно уже не рыжие волосы.

И вдруг мне в голову пришла потрясающая мысль!

— Умоляю вас, — обратилась я к художнику, — пригласите на ваш вечер и мою подругу Валентину! Она всегда была в восторге от вашего творчества! Валя, я правильно говорю? — спросила я в трубку.

— Правильнее некуда!

— Буду счастлив, — тут же ответил художник. — Передайте мое приглашение вашей подруге...

— Все, Валя! Завтра — при свечах!

— Потрясающий бомонд! — заметила она. — Хоть бронежилет надевай!

— Обязательно надевай! Свое лучшее платье, — добавила я. — И мне приготовь!

Через час я подъехала к издательству, а оттуда, проследив, нет ли за мной Яниного «хвоста», отправилась в Лизину квартиру, ставшую нашим штабом в борьбе с преступностью. Войдя туда, я услышала, что Валя

с Гретой говорят о какой-то последней капле. Терпения, подумала я, и с ходу заявила, что его не хватает нам всем. Однако женщины заявили, что терпения не хватает только мне, а у них с этим все в порядке, что они говорили о результатах исследований с помощью электронного микроскопа, а я тут, не дождавшись объяснений, полезла со своим выводом... Такая уж я есть. Вот и опять полезла — сказать, что эти их выводы — вовсе не последняя капля, а предпоследняя. А последняя-то — у меня! И какая! Они наострили ушки, но я воззвала к справедливости — сначала ваши карты на стол, дорогие дамы, ибо эта колода раскинута вами гораздо раньше, чем моя. И тогда мне предоставили страшный факт: на халате мертвой тетки и на полу оказались волосы девушки Яны! Как мы и думали... Что и требовалось доказать... Очевидно, тетя успела вцепиться в нее, но, увы, молодость победила. Я же в свою очередь во всех подробностях рассказала о выставке, о роли на ней Яны, о том, как мы с ней смотрели на мой портрет, и она сравнила меня с рыжей красавицей, которую видела на стене у тети! В тетиной комнате! Прямо напротив ее кровати!

— Я не понимаю, что ты так кричишь? — спросила меня Валентина.

— Ах ты, внимательная наша, ничего не пропускающая, волосинки с пола поднимающая! Вспомни-ка теткин комнату. Вот тебе задание — мысленно, как ты очень любишь делать, окажись в ней в тот день, когда я вас знакомила со своей тетей... Ну?

— Ну, оказалась... Пстой, пстой... Но там не было никакой рыжей красавицы! Напротив кровати Лии Семеновны висела картина, на которой что-то... Словом, как после погрома!

— Да! «Прерванное пиршество»! Ты вспомнила! Так вот, в тот вечер, когда я в последний раз видела тетю... Словом, перед тем, как ее убили, я сняла эту картину... Она меня попросила — сказала, что такой погром на полотне давит на нее и мешает ей дышать... Ну и что-то еще в этом роде. Так вот, я ее сняла и засунула за шкаф. А повесила по ее просьбе рыжую красавицу, которая несколько лет была спрятана далеко от глаз, потому что эта нарисованная женщина очень нравилась тетиному мужу, он был к ней неравнодушен, и тетя его не на шутку ревновала...

— К картине? — насмешливо спросила Грета.

— К женщине на картине... И вот, наконец, я ее повесила... Тетка успокоилась, и я ушла... А через час или два ее убили... А Яна, стоя на выставке рядом со мной и глядя на мой портрет, где я нарисована с рыжими волосами, сравнила меня с той красавицей... Она прямо сказала, что я напоминаю ей женщину с картины моей тети! И чего мне стоило удержаться, чтобы ни один мускул не дрогнул! Так что я думаю — игрушки все закончились. Ее надо брать. Прямо на вечере при свечах...

— Да, пора, пора... Только она может завтра и не придти... Осторожная девушка... Много раз она это доказывала...

— Думаю, что придет... Меня она не боится, да и не знает пока, что я там буду... Может, так и не узнает... Вряд ли художник или его помощник специально предупредят Яну о нашем возможном присутствии... Зачем? Они ведь не знают сути дела... Словом, надо положиться на случай!

Грета же заметила, что сейчас девушке интересно узнать, насколько мы продвинулись в расследовании, и, коли ей скажут о нашем намерении явиться на ужин, поскачет туда с удвоенным желанием, чтобы выведать все в непринужденной обстановке. Но я была уверена, что Яна гораздо хитрее, и сейчас главное для нее — спрятаться. К художнику она пойдет — он богат, и с ним может быть связан возможный вариант ее существования. Пойдет, не зная о нас. А зная? Не уверена... Но уверена, что никто ее не предупредит о приглашенных на ужин...

Валентина молчала — очевидно, прокручивала в голове возможные варианты действий. Зато Грета поведала мне, что Елисей Павлович сказал по телефону женщине, которую мы коротко называли работодателем, и которая отвечала за связь с Галиной Петровной, что им необходимо залечь на дно. Возможно, на всю зиму. К сожалению, таковы обстоятельства. А когда дама напомнила ему о подарках, он приказал ей забыть об этом и думать, а также забыть его номер телефона. А еще я узнала, что Галина Петровна нашла женщину, которая была связана с ее сыном... И увидела свою внучку... Естественно, вместе с ней была Люба. Девочка оказалась похожа на мать, но трудно было сказать наверняка, внучка она или нет. Во всяком случае, Галина Петровна сомневается и хочет обратиться к медикам. Но девочка ей нравится. Люба даже уверена, что если анализ крови и не докажет родство, то Галина Петровна все равно завещает ей все, что имеет. Потому что сама девочка называет ее сына своим папой... А это дорогого стоит...

Тут наша очнувшаяся Валентина добавила, что прошлое этого Елисея оказалось весьма и весьма интересным. Когда-то, лет пятнадцать назад он попался на банальной краже и отбывал наказание под Вологдой. В это же время и именно в этом городе в женской тюрьме находилась Валерия Емельяновна Краткая, попавшая туда за мошенничество, а именно — изъятие у доверчивых граждан ценностей путем гадания и демонстрации своих экстрасенсорных возможностей... В тюрьме случился пожар, и Лера отличилась при его тушении, отчего быстро оказалась на свободе. В то же самое время освободился и Елисей. Судьба свела их на вокзале, и несколько лет подряд они поддерживали друг друга... Такая вот грустная история...

Тут зазвонил Валин сотовый. Она молча выслушала сообщение, положила трубку и заявила нам, что, ввиду обострения обстановки, незамедлительно отбывает в полицию, а нам советует разойтись по домам, сидеть там тихо и ни во что не вмешиваться, так как на улицах иногда постреливают... Словом, она обошлась с нами как с малыми детьми... Но на талантливого человека никогда не надо обижаться.

Яна, между тем, не знала, как отнестись к этому ужину... Разумеется, она сразу бы отказалась, но ей понравился этот парень... Она уловила, что в узких кругах его называли наследником художника... У старика никого нет, и сейчас молодой помощник для него все — он следит за квартирой, ходит по магазинам, готовит еду. Говорят, даже стирает белье, а не отдает его в прачечную. И что старик уже оформил на него все свое имущество... Так что и московская перспектива не хуже датской... Если, конечно, она понравится этому парню... Имя у него странное — Адик... А полное — Адольф, что ли? Ну, теперь с таким именем жить можно. А Дания для нее все-таки предпочтительнее. Подальше от этой земли, где ей никогда не было хорошо. С бабушкой, у которой останавливалась Оля, вопрос решился — она дома, с ее здоровьем все в порядке. Оля сама ей позвонила, извинилась, что не приходит, сказала, что живет пока у подруги. Бабушка тут же спросила ее про чемоданчик, хотя прибавила, что внук ее с тех пор не показывался. Оля ответила, что с чемоданчиком все в порядке, он в надежном месте, а именно — в камере хранения одного из вокзалов, что она принесет его в любой момент и тут же дала старушке свой телефон! Яна ругала себя, что не уследила за этой растяпой — не надо было раскрывать свои координаты, они ведь еще не заглянули в этот чемоданчик, да и дел было невпроворот с этой презентацией! Но зато она все время вращалась в среде художников, а не сидела в том маленьком кабинете со старыми сценариями, от которых хотелось чихать... Нет, которые хотелось забросить подальше и никогда больше к ним не прикасаться... И ей, честно говоря, было не до Оли — у нее началась новая жизнь... Жаль, что ненадолго... Завтра она опять должна идти в офис к этой Маргарите Львовне... А как не хочется! Кстати, сначала надо узнать, не вернулся ли Борис, а то этот «передовик производства» может приехать на день-два раньше положенного... Яна зашла в столовую, которая располагалась в том же общежитии, и, прежде чем поесть, попросила разрешения воспользоваться телефоном. Ей разрешили. Она позвонила Рае, сказала о том, что презентация прошла успешно, и спросила про Бориса. Оказалось, что он звонил, спрашивал о своей протее, а также общил, что дел в командировке оказалось больше, чем думалось, а потому вернется он только в выходные, и на работе появится, соответственно,

в понедельник. Это было замечательно! Яна с аппетитом пообедала — не зря накануне поздно вечером уборщица, выслушав ее легенду про врагов-преследователей, потихоньку сходила к ней в кабинет, принесла деньги, да еще и покормила ее вдобавок.

На работу Яна решила не идти — отработала на презентации! Сегодня остаток дня она посвятит Оле. Надо обработать эту девушку так, чтобы она сама побежала на этот вокзал и взяла там чемодан с деньгами... А уж потом Яна что-нибудь придумает... Она пошла в ту часть корпуса, где располагалась ее комната, и от вахтерши позвонила Оле. Девушка, как всегда, была на месте. Они договорились о встрече, причем Яна прибавила, что это совершенно необходимо. Приведя себя в порядок и переодевшись, она отправилась на свидание со своей... жертвой? Нет, Яна так не считала, ведь они по-братски разделят эти деньги.

Олю она заметила сразу — та была в ее куртке, но оставила-таки свои малиновые джинсы! Девушки обнялись, и Яна сразу же начала свой натиск. Прежде всего, она предупредила Олю, что и сам чемоданчик, и его содержимое могли быть украдены, а это значит, что над девушкой, словно черная туча, повисла опасность, от которой необходимо избавиться. Надо немедленно пойти на вокзал, забрать чемодан и просмотреть его содержимое. И если это имеет отношение к криминалу, то немедленно заявить о своей находке в полицию!

— Пойдите! Так вы, Яна, не знаете наверняка, в опасности я или нет? Так?

— Ну, в общем-то, да...

— А почему же вы мне сказали, что меня могут убить? И что я должна отсиживаться у вас и не устраиваться пока на работу?

Яна поморщилась — стала не очень внимательна, допустила прокол... Все это — от усталости. От постоянной опасности, от вранья, в конце концов! Что ж, придется врать дальше...

— Да потому, Оля, что в офис прямо перед вашим появлением кто-то звонил... Этот человек подумал, что я — это вы, и начал говорить, не хочу ли я на тот свет... А я ничего не могла понять и сказала, что не хочу... Да, еще спросили, не хочу ли я явиться в полицию и все там рассказать...

— Господи, ну откуда кому-то стало известно про чемодан? И про эту Маргариту Львовну — ну, что я должна туда придти...

— Про чемодан, положим, мог рассказать его владелец, этот внук... Хотя я не уверена, что он — владелец. Украд, небось... А уж про ваше трудоустройство могли подслушать по телефону. Вы с Борисом разговаривали об этом?

— Разговаривали...

— Ну, вот. И я предлагаю немедленно отправиться на вокзал и забрать этот груз. Так ты можешь сразу избавиться от многих проблем... И от страха... Согласна? Мы не будем ничего трогать, мы только посмотрим!

— Ну, если только посмотрим...

На Ярославском вокзале Яна, привыкшая заметать следы, решила пройти к камере хранения кружным путем — береженого бог бережет. Она провела Олю мимо туалетов чуть ли не до привокзального рынка, а потом потянула ее влево, и они вновь нырнули в метро, а уже по подземным переходам добрались до нужного места. Очереди не было, и Оля, протянув мужчине в окне камеры хранения свой жетон, тут же получила большую коробку, заклеенную скотчем. Она обняла ее как ребенка, прижала к себе и глазами спросила Яну, куда, мол, теперь?

Действительно, куда? Эврика! Яна вспомнила, что есть между Ярославским и Ленинградским вокзалами хитрое заведение — сеть маленьких книжных магазинчиков, где и залежавшиеся, и только что изданные книги можно купить гораздо дешевле, чем где бы то ни было. Магазинчики располагались в старом двухэтажном круглом здании из красного кирпича. Открытые двери, яркие рекламы на первом и втором этажах призывали к себе покупателей. Вверху шла галерея, на которую вели несколько старинных железных лестниц. И там есть скамейка, где можно расположиться с этой коробкой, даже посчитать, что там и сколько, так как скамейка стоит за большим металлическим ящиком, который закрывает ее от посторонних глаз. Да и на подходах к этому зданию тоже есть несколько укромных мест... Яна уже хотела скомандовать Оле, чтобы та шла за ней, но, увидев, что в коридоре кроме них никого нет, решила быстро переложить чемоданчик в другую тару, точнее в свою сумку, висевшую у нее на плече. Она сняла сумку, произвела несколько манипуляций с замками и спрятала в нее освобожденный от коробки чемоданчик. Коробку они тоже прихватили с собой — для придания себе вида оптовых покупателей книг. Пройдя через привокзальный рынок и убедившись, что за ними никто не наблюдает, Яна повела Олю в обход круглого здания, ибо ворота во дворик находились с противоположной от вокзала стороны. Странно, но никто не шел им навстречу, и во дворике царила мертвая тишина, а к одной из дверей была прикреплена записка: «Жора, мы все в налоговой. Приходи завтра». Понятно. Что ж, тем лучше! Можно спокойно подняться на галерею, сесть на скамейку, спрятанную за черным ящиком, и посмотреть, наконец, что в этом чемоданчике. Девушки присели, и Яна, открыв сумку, достала чемоданчик. Был он не новый, темно-серый и какой-то унылый,

словно и не сулил никаких богатств... Во всяком случае, у Яны было именно такое предчувствие.

— У тебя ключ-то есть?

— Нет, — ответила Оля. — Откуда?

— Странно... Здесь обычный замочек... Шпилькой можно открыть...

Замочек действительно открылся легко, и Яна, волнуясь, подняла крышку, затем тихонько раздвинула белую бумагу, закрывавшую содержимое чемодана... Под ней лежали кипы документов с колонками цифр... На одном листе было написано: «Итоги аудиторской проверки». Речь везде шла об одной фирме... Она проверила все до самого дна — денег там не было! Черт! Это ужасно! Хорошо одно — предчувствие ее не обмануло... Значит, не обманет и в другой раз, когда речь, возможно, будет идти о жизни и смерти... А сейчас надо достойно отыграть свою роль и не упасть в глазах Оли.

— Тут деловые бумаги, — сказала Яна. — Вроде никакого криминала. Думаю, что кто-то хотел с помощью этих документов шантажировать фирму либо продать все эти бумаги тем, кому это выгодно... Словом, я считаю, что ты, Оля, не должна подводить бабушку и ее внука... По первому их требованию необходимо вернуть чемоданчик...

— Я тоже так думаю. Вот сегодня позвоню и еще раз спрошу... И... хочу признаться вам, Яна... Я надумала домой уехать... Не хочу тут... Устала бояться...

— Правильно, Оля! А когда?

— Когда? Не знаю... Вот Бориса дождусь и уеду...

Значит, у Яны есть время лишь до понедельника. А если честно, то ей надо бы больше!

— Зачем ждать Бориса? И вообще — зачем на кого-то надеяться? Всегда надо рассчитывать только на свои силы!

И весь обратный путь до вокзала Яна читала спутнице лекцию о том, как нужно быть независимой, смелой, и Оля решила тотчас же, как только вернется в квартиру, позвонить бабушке, настоять на том, чтобы она как можно быстрее забрала чемоданчик внука, и принести ей это «сокровище». Стать свободной, собраться и уехать домой, где есть мама, где все родное, и где ее, Олю, понимают, любят и ждут. Яна одобрила ее решение, к которому сама подталкивала изо всех сил, и они расстались, довольные друг другом.

Яна легко пережила неудачу, психологически она готовилась и к такому повороту дела. И все-таки было досадно, что надежды на богатство не оправдались. Как жаль! Что ж... Все-таки еще два часа назад она колебалась, идти завтра на ужин к художнику или нет... Либо остановиться на

«принце датском»... Но теперь от колебаний не осталось и следа! Идти, а как же еще! Одна надежда рухнула, ее необходимо тут же заменить другой... Другими... У нее должен быть выбор... Собственный... Ведь он не оставил завещания... Он не думал умирать... Конечно, она предприняла немало усилий, но пока еще неизвестно, как все обернется... В ее планах и действиях есть слабые места... А все-таки жаль, что он не оставил завещания... Тем более, что там, за границей, это принято... Кто этот он, Яна даже мысленно не уточнила...

А Оля, вернувшись в квартиру, действительно тут же позвонила бабушке. Та очень обрадовалась звонку. Внук ее как в воду канул, но чемоданчик взять она согласилась, сказав, что лучше сама его спрячет, чем он будет лежать неизвестно где. Оля спросила, может ли она принести его прямо сейчас, и услышала положительный ответ. Она положила трубку, бросилась на кухню, чтобы перекусить перед дорогой, и в это время раздался звонок в дверь. Оля спросила, кто там, и услышала в ответ, что это мама. Она так обрадовалась, что сразу открыла, и... Удар по голове свалил ее с ног... Но она почти не чувствовала боли... Было темно, тихо, только в ушах стоял отдаленный звон, сквозь который пробивались какие-то односложные слова: «Ты... не ты... ты... не ты...».словно капала вода из-под крана... Но вскоре она перестала слышать и это... Ее накрыла черная волна — как волосы темноволосой женщины, выросшей на пороге с занесенными вверх руками...

Глава 10

На ужин при свечах я собиралась под руководством самого умного, талантливого и любящего мужчины — моего мужа. Под конец сборов он напомнил мне про электрошоковое устройство, которое не мешало бы на всякий случай взять с собой, и я положила его в сумочку.

— Пожалуйста, береги себя! — напутствовал меня муж.

Он давно привык к нашим с Валентиной похождениям и принимал их как должное, потому что они стали частью моей жизни. И моего творчества. И еще он свято верил в Валентину, в то, что в любых обстоятельствах она сумеет меня защитить...

Подруга, как всегда, потрясла меня своим видом — верх элегантности счастливо сочетался у нее с простотой сюжета одежды и всего образа. Именно сюжета — Валя всегда представляла из себя женщину с определенной судьбой, своими привычками, устремлениями и пристрастиями. Ее юбку, например, вполне можно было бы назвать вечерней, так элегантно

и томно ниспадала она вниз, серебристым потоком струилась по ногам, однако имела при этом вполне деловые складки! Тонкая, почти невесомая блуза с нестандартным изгибом на груди, создававшим оригинальный вырез, была надета поверх юбки вовсе не для того, чтобы скрыть отсутствие талии, она-то как раз у Вали то, что надо! Нет, подруге просто необходима свобода движений! Валя не любит украшений, но серьги все-таки надела... Она вообще вся сияла, и, кажется, не только от предвкушения победы...

— Ты, Валя, просто королева! — воскликнул мой муж.

— Слава богу! А то с этими убитыми тетушками, обманутыми старушками, спрятанными пистолетами и прочей гадостью я уж захирела совсем... А завтра Платон приезжает... Сейчас звонил... Так что этот выход — репетиция... оркестра!

— Ага. Симфонического. Где главные партии будут выполнять ударные инструменты... Пах, пах! А ты без бронежилета, — заметила я.

— Не хочу портить себе ужин... В машине Эдуард, причем не один... Окна квартиры художника — все, кроме спальни и кухни, выходят на проспект. Мы обо всем условились. Так что — вперед!

Эдуард домчал нас без пробок и проблем. Его спутник, которого мы не знали, всю дорогу молчал. Я все же попросила нас с ним познакомиться — как-никак, делаем одно дело. Оказалось, что он — Михаил, старший лейтенант, оперуполномоченный по особо важным делам.

Если бы они знали, как мне хотелось как можно быстрее оказаться на ужине! Это желание было гораздо выше необходимости обезопасить общество от Яны. Все эти годы меня мучил один вопрос... Вернее, посыл... А еще точнее — одна логическая неувязка... А задумалась я над ней именно после слов художника там, в парке над Волгой, когда он сидел за мольбертом на своем маленьком стульчике и рассуждал об искусстве... Эх, только бы мне скорей добраться до него, сесть рядом за стол, и...

Художник сидел рядом — правда, пока на старинном диване в столовой, где все отливало золотом, и держал меня за руку... В другой руке у него дрожал хрустальный бокал замечательно тонкой работы, в котором искрились ярко-золотистые капли шампанского. Его молодой помощник, который наконец-то сообщил свое имя — Адик, то сидел рядом со мной, то подходил к Валентине, осматривавшей убранство комнаты.

— Ах, с каким упоением я думал о вас... Моя прекрасная... Моя замечательная Муза, — шептал мне художник.

Еще не время для моих вопросов. Пусть выскажет все, что у него на душе. А я подумаю о своем... Таких квартир мне еще не приходилось видеть никогда! Вот, значит, как жила советская элита... Я прикинула — места

здесь больше, чем на целом этаже в школе моего сына... А есть еще и лесенка, ведущая вверх...

— Там его мастерская, — сказал Адик, оказавшийся рядом и успевший проследить за моим взглядом. — Хотите взглянуть?

Да, я хотела. И мы, оставив художника с подошедшей к нему Валентиной, отправились в мастерскую. Картин здесь было мало — видимо, на выставку отправили почти все работы. Однако меня поразили эскизы его полотен о Пушкине!

— Это — последняя работа... То есть — та, что он пишет сейчас, — заметил мой сопровождающий. — Он перестал видеть интерес в окружающем нас мире и ушел в прошлое...

В прошлое? Я не стала спорить... Подожду еще несколько минут... Вот Пушкин в лицее, сидит в своей комнате задумчивый и одинокий... Вот он в царскосельском парке, на скамейке, с лицом, освещенным солнцем... А вот поэт и Натали, и на этом рисунке он счастлив! Полагаю, что так же было и в жизни... И вдруг я увидела необычный набросок и поняла, что он тоже относится к его Пушкиниане. На нем было изображено колесо! Уж не знаю, что там такого сделал художник, какие нашел волшебные краски, но только казалось, что колесо это крутится!

— Господи! — невольно вырвалось у меня.

— Что? Впечатляет?

— Не то слово!

Было это колесо не просто круглым, а с несколькими отсеками и походило на то, каким правят старинными парусниками отважные капитаны. И этим отсекам, этим частям колеса никогда не суждено догнать друг друга... Они — как параллельные миры... Не пересекутся... И сколько будет крутиться это колесо, столько они будут следовать один за другим...

— А у этого эскиза есть свое название?

— Да. Мастер назвал его — «Жизнь»...

— Жизнь? Я думала — Вселенная... Или — Вечность...

— Но жизнь и есть вечность...

Он был прав. И мне еще больше захотелось поговорить с художником...

Мой сопровождающий заторопился, объяснив, что пришла девушка, которую он ждал. Действительно, я услышала внизу какое-то движение... Яна... Интересно, как она отреагирует на то, что здесь Валентина? Мы быстро спустились вниз, и я увидела подругу, здоровающуюся с девушкой. Яна была в том же костюмчике, что и на презентации — не слишком выразительном, но ладно на ней сидящем, лицо ее показалось мне встревоженным, но глаза сияли — думаю, она запрограммировала себя на мо-

лодого человека и решила не обращать на нас внимания — ничто не должно помешать ее планам! А еще мне показалось, что она не чувствовала опасности — интуиция ее явно подвела... Уверенность в том, что все концы надежно спрятаны в воду, оказалась сильнее...

Яна попросила молодого человека показать ей квартиру, и они ушли. Валя стала почему-то мотаться туда-сюда и вообще вести себя как-то нервно, словно Яна намеревалась ускользнуть в неизвестном направлении. Я же вернулась к художнику, который одиноко потягивал шампанское, и решила начать, наконец, важный для себя разговор.

— Не уходите больше от меня, — попросил он. — Я так долго вас ждал... Знаете, я ведь всю жизнь считал ваш портрет самым удачным своим произведением... Я скромный человек... Но говорили, что портрет гениален... Что в нем, особенно в ваших глазах — весь мир... Целая философия... Не знаю, как я смог...

— Это потому, что вы загадали мне мудрую загадку, с которой я не могу справиться по сей день...

— Какую загадку? Я не помню... Повторите ее, королева! Если, конечно, можете...

Конечно, я могла, я помнила, потому и подробно рассмотрела его Пушкиниану, ища отгадку. И не нашла. Это невозможно, или не каждому дано? Тогда, в парке, мы заговорили о высоком. О поэзии, о Пушкине. Помнится, художник возмущался тем, что на свете много зла, и все время восклицал — как, мол, такие гении, как Пушкин, не могут научить нас жить! И Гоголь, и Достоевский... Ведь мы идем за ними след в след, мы дышим им в затылок, а ведем себя так, словно их вовсе и не существовало... Я же с пафосом возразила — как же так! Пушкин остался позади, а мы мчим вперед! И перед нами — белое поле для деятельности! А все, что прошло, осталось за спиной... И я напомнила об этом разговоре художнику. Тогда он только засмеялся на мои возражения и ничего не сказал. Верно, знал, что в восемнадцать лет нельзя понять того, что становится ясно через десятилетия... Ясно ему, но не мне... Я по-прежнему в потемках...

Художник налил себе еще шампанского, наши бокалы запели свою чудесную мелодию, и я, сделав несколько глотков замечательного напитка, вдруг услышала:

— Предтеча...

Это был ответ мудрого старика на загадку. Да, но как такое представить? Я сразу почувствовала себя плетущейся в хвосте за чьими-то тенями, а за мной так же идут другие... Люди двигаются друг за другом, словно арестанты... И какое же это унылое зрелище! Так никогда и никто не будет

чувствовать себя первооткрывателем! Удел ли это свободного человека, его всеобъемлющего мозга?

— Вы слишком приземлены, моя королева... Тогда вы были... как бы это выразиться... воздушнее, что ли... Вам не хватает поэзии, чтобы представить, что предтеча — это солнце, освещающее ваш путь... А то, что за вами, еще только будет... Это — ваши потомки... Станьте для них солнцем... Непременно станьте...

— Значит, все-таки мы — за Пушкиным, а не он — за нами?

— Разумеется, королева... Я же говорю — предтеча... Как и все гении...

— И святые, — добавила я.

— Святые тоже гении, — ответил мой философ-наставник и неожиданно спросил: — А у вас есть дети?

Я стала рассказывать ему о своих детях, о муже, влюбленном в меня до сих пор, о своих творческих успехах — первых книгах.

— Но я всегда чувствую себя осваивающей новые пространства... При этом опираюсь на опыт ушедших поколений... Я как бы оглядываюсь назад... На то, что пройдено людьми... Я физически представляю себя стоящей лицом к неизвестности, то есть к будущему, а спиной — к прошедшему... Как дерево, которое растет... Корни-то у него внизу... Почему же так?

— Я рад за вас... Вы еще не достигли той жизненной отметки, когда человек понимает, что все состоит из праха... Все, что его окружает, и он сам... Прах поколений — он ведь не только в нашем физическом «я». Не только в воде, воздухе, в нашей пище. Он формирует и мысли наши, и желания, и способности, и вообще личность. А предтеча — это его сущность... И вот если вы все это поймете, то уже не будете стоять спиной к ушедшим векам... Но разве это мешает чувствовать себя первооткрывателем? Хотя я лично думаю, что все давно открыто... И все старо, как мир... Что смысл только в любви, которую я упустил... Или пропустил... — вздохнул художник и перешл на совсем другую тему: — Сейчас подадут ужин... Адольф, заказ уже прибыл?

Адик ответил, что из ресторана все получено, и надо скорее приниматься за дело, иначе блюда могут утратить свой неповторимый вкус — некоторые из них подаются только горячими. Валентина и Яна изъявили готовность помочь молодому человеку, и вскоре наш стол, где стояло лишь шампанское с фруктами, превратился в живописнейшее место, на котором благоухали потрясающие рыбные блюда, желтели, зеленели, краснели и отливали золотом салаты, а из привычной еды присутствовала курица, запеченная каким-то необычным способом. Все были в восторге. Первый тост сказал уже хорошо испробовавший вместе со мной шампанского художник:

— За молодость! Сегодня я встретился с ней опять... И это неповторимое ощущение, смею вам заметить... Это трудно пережить спокойно... За молодость и ее волнения!

Все многозначительно посмотрели на меня и с чувством выпили. От души, как говорят. Валентина сидела напротив меня, рядом с Яной, и в глазах ее не было никакой тревоги, тем более решимости кого-то разоблачать, ловить... И слава богу! Мне так хотелось, чтобы этот вечер, посвященный в какой-то степени моей особе, прошел достойно... Правда, немного тревожила меня Яна — у нее были какие-то все знающие и понимающие глаза. С налетом обреченности. Она не такая толстокожая, как я подумала. Скорее всего, девочка уже поняла, что попала в ловушку, и постарается поскорее из нее выбраться... Нет, надо, просто необходимо увлечь всех каким-то необыкновенным разговором, спором, чтобы все вспомнили о том, что человечество — это братья, рожденные для того, чтобы беречь и спасать друг друга... За это я и провозгласила второй тост. А, поставив свой бокал, принялась рассуждать о том, что дали нам ушедшие поколения, что такое предтеча и об удивительной философии сохранения жизни на земле...

— Вы тут все говорите о высоком предназначении жизни, а вот лично я на себе испытала настоящее злодейство... У меня мать... А, не буду вдаваться в подробности! Была гадина, и все! И хорошо, что теперь ее нет, освободила мир от своих... злодеяний!

— Как вы о матери-то... С пафосом-то каким, — заметил художник. — А ведь мать все-таки...

Валентина, с любопытством слушавшая этот разговор, вдруг не выдержала:

— Так ваша мама, Яна, умерла? Я правильно поняла?

— Да! — ответила девушка.

— Как странно...

— И что же тут странного?

— А то и странно, что... — Валентина не договорила и резко повернулась к художнику: — Разрешите мне от вас позвонить?

Он кивнул. Валя подошла к столику, где стоял телефон, и набрала какой-то номер. Все молча следили за каждым ее движением, особенно Яна, нервно сжимавшая руку Адольфа.

— Травматологическое отделение? Вас беспокоит детектив Орлова. Да, я недавно у вас была... Ну, как наша больная? Уже не в реанимации? Замечательно! Это я и хотела узнать. Спасибо.

Валентина положила трубку, села за стол вполоборота к Яне и прямо сказала:

— Я справлялась насчет Оли, которую вы поселили в своей квартире... Она открыла дверь незнакомой женщине, назвавшейся мамой... Эта жен-

щина и напала на нее... По ошибке... Вы с Олей так похожи... И... я полагаю, Яна, что это была ваша мама, Валерия Емельяновна Краткая...

— Что?! Да как вы... Да зачем... Но я ничего, ничего не понимаю!

Чувствовалось, что Яна находилась на грани нервного срыва. Она порывисто поднялась, прошла к окну, и мы услышали оттуда ее отрывистые слова:

— Женщина... Какая женщина?... Какая Валерия... Мать? Почему Оля? Зачем все это? Спектакль... Безумная актриса...

Честно говоря, она сама походила сейчас на безумную актрису, забывшую свой текст и не знающую, что ей делать на сцене. А зритель ждал... И она нашла в себе силы собрать свои чувства и мысли в единое целое и внешне спокойно спросила:

— А с чего это вы, Валентина Васильевна, взяли, что какая-то баба, напавшая на Олю, — моя мать? Мало ли шатается сейчас по Москве бродяжек всяких... Пьянчуг...

— Но ваша мать — не бродяжка и не пьяница. И она еще не поменяла паспорт. Вы в него вписаны, Янина Викторовна...

Яна стояла у окна с обращенным к нам и совершенно опрокинутым лицом. Я понимала — она не знала, как выпутаться! В таких ситуациях мне всегда жаль людей, сколько бы плохого они мне ни сделали, и я поспешила ей на выручку:

— Валя, ты слышала выражение — этот человек для меня умер и не говорите мне о нем! Возможно, тут именно такой случай... Яна много пережила из-за матери... И в детстве, и позднее... Так?

Девушка кивнула.

— И в какой-то момент решила — хватит! Мать для нее умерла... Я недалеко от истины, Яна?

— Истина... А разве она существует? Ха-ха-ха!

Адольф подошел к девушке и обнял ее за плечи. Подошел к ней и художник. Наверное, он хотел высказать какие-то успокаивающие слова, но лишь горестно молчал. А молодой человек вдруг повернулся к нам и воскликнул:

— Мы забыли о свечах! Их непременно надо зажечь! Я все приготовил!

— Да, да, их надо зажечь! — подхватили мы все.

Инцидент был исчерпан — на время. Адик зажег на маленьком столике девять свечей — по три в каждом подсвечнике старинной работы — и, поставив их на стол, выключил свет. Мне лично стало как-то жутковато, и я решила поговорить о родном городе, который всегда тянет меня к себе, где бы я ни была... Нет для меня реки лучше Волги, ее вольных, открытых берегов с островками леса и деревнями на пригорках, такими тихими и родными, и нет для меня улиц прекраснее, чем в старинном русском городе с выщербленными тротуарами, покосившимися воротами, пустыми глазницами окон в старинных зданиях позапрошлого века, разрушающихся, оставленных без заботы

из-за отсутствия денег... Когда я особенно рвусь туда, когда меня огромной, беспощадной волной захлестывают самые дорогие воспоминания о родном городе, я звоню своим однокурсникам и слышу от них, что нечего мне дурить, а надо сказать спасибо судьбе, унесшей меня подальше отсюда, что это — умирающий город и так далее... Но сердце мое никогда с этим не соглашается, и я мысленно утюжу своей длинной юбкой знакомые улицы, по которым ходила в школу, потом — в институт, а затем и на первое свое свидание...

Я проговорила все это на одном дыхании и готова была говорить еще хоть час или два, но меня перебил художник. Мне показалось, что он был несколько обижен.

— Но я никогда не писал увядание!.. Ведь вы же все видели на выставке... Нет там умирающего города! Великая река, одухотворенная природа не дадут ему умереть... Я давно москвич, но душа моя там всегда... И люди у нас — особенные... Или — талант, или — душа нараспашку, либо — и то, и другое вместе!

В тон ему Валентина рассказала интересную историю — как несколько месяцев они вычисляли преступника, полиция гонялась за ним, обложили его, как медведя, неопровержимыми уликами, однако ему удалось сбежать, и когда исчезли последние надежды на его поимку, он вдруг объявился сам... Это — к душе нараспашку.

— А вы на его месте как бы поступили, а? — спросила она Яну.

— Я не на его месте! — отрезала та. — И надеюсь, что никогда на нем не буду!

Валя промолчала. Но кольцо, как я поняла, начало сжиматься.

— А вы писали много портретов? — спросила я художника, чтобы немного разрядить обстановку. — После меня... Моего...

— Да, много, — ответил он. — Но только по заказам. Врача писал, которого все любили... Учителя... Героя войны... Второй мировой еще... Мэра нашего... Депутата одного... Словом, писал за деньги. Но не могу сказать, что без души. Во всяком случае, врач и учитель — мои добрые знакомые... Люблю их... Но того порыва, как с вами, не было больше никогда...

Яна, кажется, была рада, что разговор уже не касается ее, и прервала художника:

— Все это действительно прекрасно, но зачем рыжие волосы? Получился диссонанс... Они нарушили пространство... Рыжий цвет — это, я убеждена, для ограниченного мышления... Как у твоей тетки, Натальи. И получилось на портрете: глаза — из всемирного тяготения, а огненная голова — это что-то бульварное...

— Вы интересно мыслите, Яна, — отозвалась Валентина, — только...

Она вдруг подошла к окну, облокотилась на него, подняв руки вверх и держась за рамы, затем повернулась к нам и повторила:

— Очень интересно...

Несомненно, она сделала знак Эдуарду, и сейчас начнется... Финальные сцены расследований Валентины бывают интереснее многих спектаклей и кинофильмов. И я не ошиблась.

— Нестандартно... Но я не поняла, в связи с чем вы упомянули Натальину тетю... Ту, которую убили... Выстрелом из пистолета...

— Я упомянула тетю в связи с тем, что у нее на стене висела картина с изображением рыжей красавицы, — отчеканила Яна.

— Да? И когда же это, позвольте вас спросить, вы видели упомянутую картину?

— Упомянутую картину, Валентина Васильевна, я видела вместе с вами, когда Наталья познакомила нас со своей тетей! Там еще, замечу, была и Грета!

— И где же, по-вашему, висела эта картина? — не отступала Валентина.

— К чему это? На стене, в самом центре... Кажется, напротив кровати... Или дивана... Я не помню, мне это не надо...

— А вы напрягите свою память... Когда Наталья познакомила нас со своей тетей, у нее в квартире вместо рыжей красавицы висела картина «Прерванное пиршество»... Забыли? А красotka появилась за час до убийства... В котором вы сейчас нам и признались...

— Да как вы... Из-за какой-то картины... Адик! Я не хочу здесь оставаться! У этой сыщицы навязчивые идеи! Абсурдные и глупые! Она не может найти настоящего преступника, вот и мелет невесть что! Психолог из подворотни! Уведи меня отсюда!

— А еще вас видела соседка, — не обращая внимания на ее выпады, продолжала Валентина. — Когда вы для отвода глаз делали вид, что звоните вовсе не в квартиру Лии Семеновны... Но дверь-то открылась ее!

Художник встал и отошел к столику с телефоном. Чувствовалось, что он очень волновался — в его доме, наверное, и не бывало ничего подобного! Он все порывался о чем-то спросить Яну, но так и не спросил. Адик по-прежнему стоял рядом с девушкой, которая что-то лихорадочно заталкивала в свою сумочку. Это было... яблоко! Конечно же, она не отдает себе отчета в том, что делает. Или хочет этим яблоком сразить кого-нибудь из нас?

— Вы... забыли, где нашли пистолет, — бормотала она. — У кого... Ну, зачем мне убивать какую-то там Лию Семеновну?

— И на даче вы оставили свои пальчики... Уж коли речь зашла о пистолете, — не останавливалась Валентина.

— Разумеется, я же там была! Иначе вы никогда ничего не узнали бы о преступной группировке! И вот какова благодарность! Я много слышала о коварстве сотрудников полиции, но чтобы так... — Кажется, Яна готова была заплакать...

— Но ваши пальчики... они сверху, а отпечатки пальцев Валерии Емельяновны — под ними... Следовательно, пистолет в тайник положили именно вы... Отстрелявшись, так сказать... И не делайте такое лицо... У меня нет жалости к убийцам!

— Да зачем, зачем мне убивать эту Лию Семеновну? Разве в этом есть хоть какая-то логика? Я ее совсем не знаю! И мне никогда ничего от нее не было нужно! Один раз в жизни видела ее тогда вместе с вами! Первый и последний!

— Есть еще ваши волосы на халате бедной женщины и на полу... Видимо, она сопротивлялась и немного попортила вашу прическу...

Но Яна, кажется, уже ничего не слышала — она кричала, и ее невозможно было остановить. Как ни странно, художник явно испытывал к ней жалость, а уж Адольф — тем более. Никакой логики — убийца ведь, как никак, а они подставляют ей свои плечи...

А Валя оставалась спокойной, хотя я знаю, чего ей это стоило, и призывала к этому остальных:

— Не надо так шуметь... Я много обо всем этом думала. Да, на первый взгляд, здесь нет никакой логики. Но я всегда исхожу из результата. Вы убили и постарались, чтобы следы преступления привели к Валерии Емельяновне. Они и привели. Как будут развиваться события дальше? Это всем известно — суд, лишение убийцы свободы сроком на... энное количество лет. Следовательно, это и было целью вашего плана — на много лет убрать Краткую со своего пути...

— Но зачем? — вновь закричала Яна.

— А вот этого я пока не знаю. Но непременно узнаю, уж будьте уверены! Догадки есть. И стоит покопаться кое в каких документах...

Художник вдруг пошатнулся, Адольф успел его подхватить и отвести к дивану. Что ж, старый человек много выпил, был взволнован от своих воспоминаний, а потом еще увидел финал нашего расследования, весь состоящий из криков, нервов и страшных обвинений... Не удивлюсь, если он долго не сможет прийти в себя... Я села рядом с ним, потому что увидела, как Адик разрывается между своим учителем-покровителем и Яной, и заверила молодого человека, что сумею помочь художнику. Он передал мне небольшую коробочку с лекарствами, достав ее с книжной полки, и бросился к Яне. Девушка уже находилась в прихожей, где, я уверена, Адик помогал ей одеваться, и, возможно, нашептывал, как из дома можно выбраться через какой-нибудь черный ход. Валентина же не бросилась за ней, не закричала, не позвала на помощь, а спокойно, но громко напомнила о чистосердечном признании, а когда за девушкой, вернее, за ними — Адик ушел тоже — захлопнулась дверь, она подошла к окну и вновь под-

няла вверх руки, только уже скрестила их над головой... Я знала, что это такое — преступник изобличен, все подтвердилось... Берите его...

Спектакль закончился... Он так потряс зрителей, что у одного из них, а именно у моего старого больного художника еле-еле прощупывался пульс... Не найдя тонометра, я смерила ему давление своим проверенным способом — с помощью нитки и золотого кольца и определила «на глазок», что давление у моего пациента катастрофически падает. Что делать? Вызывать врача?

— Коньяк, — прошептал он мне.

Валентина нашла в баре коньяк, и мы стали поить художника из ложечки этой огненной жидкостью. Щеки его вроде бы порозовели, но чувствовалось, что он очень, очень слаб. Подруга снова отошла к окну, надеясь, видимо, увидеть там окончательную развязку событий. А художник вдруг сжал мою руку и стал что-то шептать. Мне очень хотелось расслышать, что, но до меня долетело всего несколько слов:

— Свет... Пролить свет... Свет...

Но свет мы давно зажгли, о чем я ему и сказала. А он все равно повторял:

— Я знаю... свет! Знаю... свет!

Очевидно, его посетила какая-то необычная творческая идея! Если он действительно что-то здесь понял, то это потрясающе!

Мои мысленные восторги прервал Адольф, который, отправив Яну на такси, счел своим долгом вернуться к художнику. Видя олимпийское спокойствие своей подруги, я поняла, какое это такси... Мы распрощались, пожелав мужчинам здоровья, спокойствия и удачи! Я и не знала, что разгадка преступления только что была рядом со мной... А я ее и не заметила...

Глава 11

Грета сделала все точно так, как просила ее Валентина. Увидев возле магазина женщин, ставших добрыми приятельницами Галины Петровны, причем не одних, а, судя по их же описанию, с дамой-работодательницей, она подбежала к ним и стала выражать свою благодарность за участие в судьбе старушки. Даму явно заинтересовал ее порыв.

— Что вы имеете в виду, милочка? — спросила она.

— Ой, да вы знаете, как ваши собеседницы помогают нашей соседке Галине Петровне! Одинокой женщине! Я даже подумала — а что, если из таких вот отзывчивых людей, умеющих уважать старость, создать какое-нибудь общество помощи брошенным старикам... То есть даже не то чтобы брошенным... А у которых сил уже нет... И родных людей — тоже... Ну, вы понимаете... А то одна моя знакомая — в таком же положении... Хорошо, на прежней

работе ее пристроили в какой-то санаторий... Но уже сегодня она должна вернуться... Я, пока в отпуске была, за ней ухаживала... А теперь работаю...

Дама слушала молодую женщину с огромным интересом. Ее собеседницы, знающие Грету и невольно вовлеченные в эту игру, смотрели на нее с любопытством и переглядывались между собой, а потом и вовсе ушли в магазин — видимо, о своих делах они уже переговорили с работодательницей. Тут дама встрепенулась и заявила, что горячо поддерживает идею создания такого общества, что женщины, которые только что здесь стояли, тоже могли бы в него войти. Но так как оно еще только в благих мыслях, а человек человеку помогать должен всегда и во всем, она может сама познакомиться со старушкой и сделать для нее все возможное... Ей это совсем не трудно... Грета была искренне растрогана таким участием, и они познакомились. Дама, которую звали Нонной Павловной, добавила, что участие в судьбе людей, лишенных заботы и любви самых близких, стало чуть ли не ее долгом. Что она давно, еще с тех пор, как ее сын женился и стал жить отдельно, чувствует такую замечательную потребность... Просто жить без нее не может... Причем говорила она так горячо и убедительно, что посторонний человек мог поверить каждому ее слову. Истинные намерения дамы выдавали лишь чересчур бегающие глазки да слишком быстрая речь — видимо, она привыкла идти нагло и напролом, и это, вероятно, в основном и ценил ее хозяин в криминальном мире — Елисей Павлович. У них одинаковые отчества — возможно, брат и сестра...

— Так что если вам действительно некогда заняться сегодня этой старушкой, можете поручить это мне... Я с радостью... На службе, знаете, сама себе начальница, в любой момент могу уйти...

Грета якобы заколебалась — не давать же, в самом деле, сразу адрес неизвестной тетке! Ей самой это покажется подозрительным... Нет, надо потянуть кота за хвост...

— Вы уж меня извините, но я вас впервые вижу, — наконец выдавила она из себя. — И не могу вот так, сразу... Сейчас ведь чего только не бывает...

— Правильно, — одобрила ее поведение дама. — И я вас прекрасно понимаю! Так и надо поступать! Вы, верно, боитесь, что я унесу оттуда что-то ценное? Но посмотрите на меня... Мне ничего не надо. У меня все есть. Наоборот, я еще и свое отдам... Я так хочу, чтобы жизнь моя не прошла даром, понимаете? И если вы мне поверите и дадите возможность помочь вашей старушке... А, кстати, как ее зовут?

— Елизавета Николаевна.

— Ах, какое прекрасное имя! Так вот, если вы дадите мне возможность... Ну, что сделать, чтобы вы мне поверили?

— Я вам, в общем-то, верю. Но есть небольшая проблема... ..

— Так давайте вместе ее и решим!

— Понимаете, Нонна Павловна... Ее привезут домой где-то часа через два, но я никак не смогу вас познакомить, так как мне сейчас надо ехать на работу... Я в газете работаю, и у нас как раз верстка номера, поэтому освобожусь, наверное, очень поздно.

— Да, это вопрос... Впрочем, если вы дадите мне ее адрес, я могу и сама... Но, конечно, лучше, чтобы я пришла с вами, и вы меня ей представили...

— Да, вы правы. Впрочем, я ведь могу и позвонить... Давайте сделаем вот так...

И Грета изложила план, который разработали они с Валентиной. Нонна Павловна одна пойдет к старушке, которая будет предупреждена о ее приходе по телефону и спокойно откроет ей дверь... На самом же деле эта подлая баба-торговка должна оказаться в нужное время в нужном месте, где ее и обыщут под каким-либо благовидным предлогом, и поговорят с ней по душам... Валентине пришло в голову, что именно она играла роль жены «племянника» Лии Семеновны, а так как в собранном на нее досье говорилось, что когда-то она работала в аптеке, то вполне вероятно, что дама сразу прихватит с собой некое средство, усыпляющее память, но зато делающее человека подвластным внушению. А, собственно, кто этот «гипнотизер»? Уж не сам ли Елисей Павлович? И это тоже пришло в голову Валентине, особенно после того, как были сделаны фотографии этих двоих. Грета не знала, кому Валентина их показывала — вполне возможно, что соседям Лии Семеновны. К тому же Орлова проанализировала добытые Николаем Николаевичем и Эдуардом десятки случаев пропажи одиноких стариков и перехода их квартир в чужие руки, причем по документам все было сделано вроде бы законно. Судя по развитию действий, по опросам свидетелей, сочувствовавших старикам, мошенники никогда не теряли времени даром, делали все быстро, не давая даже соседям опомниться и вовремя сообщить куда надо о странной смене хозяев квартир... Правда, во всех эпизодах, где действовал этот Лесь и его приближенные, не фигурировали трупы. Пожилые обманутые люди находились, только очень далеко от Москвы. Одна старушка вернулась из Костромской области, проделав почти весь путь пешком, чтобы умереть, как она выразилась, в родных местах. Но, увы, в квартире жили уже чужие люди, купившие ее в фирме и не ведавшие ни о каких махинациях... Некоторые, опомнившись в каких-то незнакомых деревенских избах либо на окраинах городов в старых бараках, поняв, что с ними произошло, пытались с помощью местных властей восстановить справедливость, но в делах фигурировали подписанные ими же бумаги об обмене московской квартиры на их новое жилье

и о получении денежной компенсации, которой они и в глаза не видели. В общем, доказательств было достаточно для того, чтобы немедля силовыми методами завершить действия этой группы мошенников. Но Валентина считала, что, во-первых, дополнительные улики никому еще не мешали. А, во-вторых, она любое дело стремилась завершить красиво, и это у нее почти всегда получалось с блеском!

— И вы думаете, старушка мне действительно откроет? Не испугается? Сейчас ведь такое время... — отвлек Грету от мыслей голос дамы.

Грета ответила, что опишет ее по телефону Елизавете Николаевне так, что та непременно откроет дверь.

— А как вы будете меня описывать? А? — как-то враждебно спросила Нонна Павловна.

— Ну, я скажу, что вы — очень привлекательная дама, красиво и со вкусом одетая...

Но та тут же сразила Грету новым вопросом:

— А почему это вы мне так доверяете, а? — Глаза Нонны Павловны стали холодны, как у змеи.

— Доверяла. Не знаю, почему, но вы вызвали мое доверие. А теперь, смотрю, что-то не так... Простите. До свидания! — Грета решительно повернулась, собираясь уйти, но дама вдруг выкрикнула:

— Стойте! Да куда же вы! Я вас проверяла... Что-то мне показалось... Уж больно вы доверчивы. Ладно, давайте адрес и назовите точное время, когда мне туда явиться.

— За ней профком машину пошлет. И часа в четыре она будет дома... Но лучше все-таки подстраховаться и приехать в пять... Впрочем, говорите, как вам удобнее... Можно и позже...

— В пять, так в пять! Пишите! — проговорила Нонна Павловна и протянула Грете свою записную книжку.

Та быстро нацарапала адрес квартиры, принадлежащей поисковой службе полиции. В квартире этой никто не жил, во всяком случае, на данный момент. Книжечка утонула в сумке дамы, и они, наконец, распрощались.

Идя в штаб-квартиру к Валентине, Грета вдруг подумала, что дама эта слишком ушлая и, возможно, проверит, куда идет... Да и придти может раньше названного часа, чтобы унюхать, если что не так... Это надо учесть и подослать во двор кого-то из своих. Хорошо бы Костю — женщины типа Нонны Павловны доверяют мужчинам гораздо больше... А еще Грета загадала — если все пройдет хорошо, она обязательно откроет свое детективное агентство. Валентина обещала ей в этом помочь. Да и на работе, она была уверена, подскажут, как и что, дадут нужные рекомендации. И мозгов у нее хватит, и умения анализировать, сопоставлять факты, делать

верные выводы. И времени — тоже. А вот как будет с удачей? Это станет ясно уже сегодня!

Нонна Павловна действительно появилась во дворе раньше — в начале пятого. Перед подъездом на скамеечке чинно сидел молодой человек и читал газету. Он производил впечатление живущего в этом доме и ждущего выхода кого-то из членов семьи, и Нонна Павловна обратилась к нему с вопросом:

— Молодой человек, вы не подскажете, в этом подъезде живет некая Елизавета Николаевна?

— Бабушка-то? — спросил мужчина, выглянув из-за газеты.

— Да!

— Мы ее зовем бабой Лизой. Здесь, конечно. Только ее, кажется, нет... В больнице, что ли... Точно не знаю.

— Спасибо за информацию! Я все же поинтересуюсь — вдруг она дома? — И Нонна Павловна решительно шагнула в подъезд.

А через пять минут она уже сидела в комнате, сверкая глазками и наблюдая за тем, что изымается из ее сумки. Ну, например, листы белой бумаги для лазерного принтера, авторучка, одноразовый шприц и ампула с прозрачной жидкостью. На ампуле не было никаких обозначений — название лекарства старательно стерли. Присутствовала в сумке и записная книжка, которую сейчас изучал Николай Николаевич. Эдуард старательно описывал все изъятое.

— Как видно, вы — женщина решительная, и хотели сразу приступить к своим обязанностям, — заметил он.

— Сразу! Я шла с открытым сердцем... С добрым намерением помочь ближнему... Очевидно, ошиблась квартирой! Вы приняли меня за кого-то другого... и не хотите этого признать...

— Да нет, Нонна Павловна, — продолжил разговор уже Николай Николаевич. — Мы ведь уже давно за вами наблюдаем... С тех пор, как еще была жива Лия Семеновна...

— Не знаю я никакой Лии Семеновны... — изменившись в лице, прошептала дама.

— Что вы говорите? И Елисея Павловича не знаете?

Вместо ответа Нона Павловна взглянула на часы, и это не ускользнуло от оперативников. Ясно. В пять часов должен явиться он. Чтобы не терять времени, перед его приходом она обязана, во-первых, уяснить, нет ли здесь ловушки, подвоха, а, во-вторых, если все нормально, войти в доверие к старушке. И «гипнотизер» возьмет управление процессом в свои руки. Очевидно, они временно вырубали пожилых людей каким-то сильно действующим препаратом, например, хлороформом, затем вкалывали средство, отбивающее память, и водили с помощью того же гипноза рукой жертвы... Вну-

шая, скажем, человеку, что он должен подписать декларацию о мире или протест против ввоза в страну ядерных отходов... Именно такие и подобные им документы называли обманутые старики, доказывая, что ставили подписи под ними, а вовсе не под договором размена квартиры...

В дверь позвонили, и Эдуард направился в прихожую. Было слышно, как он повернул ключ в замке, как заскрипела дверь...

— Лесик, беги! Ловушка! Беги! — вдруг крикнула Нонна Павловна. — Капкан! Беги!

— Ой, ой, ой, ну что же вы так кричите, прямо даже неприлично как-то, — с улыбкой заметила ей вошедшая Валентина. — Неприлично, а, главное, попусту — брат ваш уже в полиции и дает показания... Мы собрали много доказательств вашей деятельности...

— Да уж, немало, — заметил Николай Николаевич и продемонстрировал Валентине вещи, найденные у задержанной.

— Я знаю это средство, консультировалась у медиков, у психиатров, — сказала Валентина, указывая на ампулу. — Человек, которому его вводят, совершенно не контролирует себя... Но делать может практически все... Все, на что его надоумят...

— Это неправда! Я... у меня диабет... Я сама себе делаю уколы... И вообще, какое вам дело до того, что я с собой ношу...

— А пистолет? Ну, где ваш пистолет, из которого вы убили Лию Семеновну? Это случилось вскоре после вашего ухода от нее... Племяннички...

На даму страшно было смотреть — она хватала ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, махала руками, пытаясь что-то сказать, но издавала лишь какие-то нечленораздельные звуки. Наконец подняла руки вверх и, глядя на всех присутствующих, срывающимся голосом, но четко, даже гордо заговорила. Это был монолог профессионала, достигшего в деле своем совершенства, но потерпевшего крах потому, что само это дело несовершенно, а точнее — противозаконно...

— У меня тонкий слух... И я слышу даже мысли ваши... Они путаются, трутся друг об друга, и все потому, что нет там главной правильной мысли... А именно — кто убийца этой старушки Перчик... Перед вами стоит женщина, которая никогда не посмела бы лишить человека жизни. Невинный обман, легкий розыгрыш... Знаете, как в водевиле... Так вот, в водевилях не убивают! Там разыгрывают, шутят, смеются, танцуют и поют!

— Ну, там тоже пускают пули в лоб! — не отступала Валентина.

— Перестаньте! Мы ни одного человека не лишили жизни! А деревня, свежий воздух, лес, речка, рыбалка — да это же полезно старым людям! Москва высосала из них все соки, забрала все силы... Мы благо им делали, а не зло! И, поверьте, мы очень расстроились, когда Лия Семеновна...

Словом, когда мы об этом узнали... Нам никогда не нужны были трагедии... Мы избегали критических ситуаций... Вижу, вы мне не верите. Тогда вам следует просто понять — с убийством Лии Семеновны мы лишились возможности распорядиться ее квартирой... Следовательно, лишились заработка... Это вас не убеждает?

— Убеждает, — ответил Николай Николаевич, упаковывая все изъятые предметы в специальный пакет. — Но знаете ли вы, что все улики, все видимые следы ведут к вашей сообщнице?

— К... какой еще сообщнице?

— К Валерии Емельяновне Краткой!

— Что-о-о?! Но этого не может быть!

— Почему же? — спросила Валентина.

— Она слишком много пережила и не способна причинить физические страдания другим!

— Я слышала, она была наркоманкой...

— Какая чушь! Она пила... Потеряла дочь — ее забрал отец... Но и там девочка была не нужна, поэтому вернулась к матери... Потом опять хотела уйти к отцу, но он уехал за границу... Намоталась девчонка, потом вроде замуж вышла, тут же развелась. А Лера переживала... Звала ее к себе... Но не дозволялась...

— Потрясающее у вас получается сообщество! — не выдержал долго молчавший Эдуард. — И друг друга-то вы бережете, и жизнь человеческую цените, ну, прямо ангелы!

— А что? В ваших словах действительно что-то есть... И хочу сказать, что Лера никого не убивала... Подождите, а какие следы ведут к ней?

— У нее на даче нашли пистолет, из которого выстрелили в Перчик...

Нона Павловна неожиданно расхохоталась:

— А вы исследуйте пистолет-то этот, исследуйте! Я его знаю... Из него нельзя убить, он — не настоящий... Это — пугач! На марку-то не смотрите — там внутри переделано все, я знаю. Лера — человек нервный, пистолет, сказала, нужен, чтобы пугнуть, если кто пристанет... Но попросила переделать, а то, сказала, вдруг пальну в кого нечаянно...

— Что вы говорите!

— Да, да! Мы никогда никого не убивали... Мы всех жалели...

— Разумеется. И не задумывались о том, что у бедного старика, оказавшегося после Москвы брошенным в незнакомом месте, в какой-нибудь развалюхе, может случиться инфаркт... Именно так произошло с... — И Валентина назвала ряд фамилий из их далеко не маленького списка. Дама зацепилась за одну из них.

— Протасов? Вы не ошибаетесь? Это же алкоголик, и ему совершенно все равно, где жить, было бы на бутылку!

— Кстати, а вы знаете, где живет муж Валерии Емельяновны?

— Точно не могу сказать. В каком-то курортном местечке, куда в прошлые века знать наша ездила... Писатели... Кажется, Баден-Баден... Вроде там его поселили. Он как бы вернулся на свою историческую родину... Мать немка была, из Казахстана. Да вы у нее спросите, она точно скажет.

— А фамилию его не припомните?

— Тимофеев.

— А дочь — и не Краткая, и не Тимофеева...

— Она же замуж выходила... Сменила фамилию, да так и оставила, чтобы, видать, память о родителях стереть...

— А этот Тимофеев... он сейчас жив?

— Ну, месяц назад был жив. Она письмо от него получила. Просил приехать. Болел. А потом Лера гадала — она ведь хорошо гадает, — и вышло... одним словом, плохо вышло... А вообще, я еще посмотрю, какие у вас там доказательства... И, может, от всего, что здесь наговорила, откажусь... Только если есть в вас хоть капля справедливости, то знайте — Лера не могла убить эту бабу, ищите настоящего преступника!

— Вот мы и ищем, — кивнула Валентина. — И все мои следующие вопросы будут заданы только с этой целью. Так что отнеситесь к ним очень внимательно. А что, Нонна Павловна, этот Тимофеев — богатый человек?

— Он очень богатый человек... Работает в области автосервиса... У него целая сеть автомастерских... В нескольких городах... И реализацией новых машин он тоже занимается... Занимался...

— Вот-вот! Он одинок?

Дама промолчала, думая о чем-то своем. А скорее всего, о том же, о чем и Валентина... Ведь если он был одинок, то куда денутся теперь все его евро, заработанные на чужой земле?

— Я вижу, вы меня правильно поняли, — заметила Валентина. — Мы думаем об одном и том же... Если он оставил завещание — это одно. А если нет... То кто-то из наследников, жаждущих денег, будет убирать с пути остальных...

— Уже убирает, — прошептала Нонна Павловна.

Нет, все-таки она нравилась Валентине! Прямая, ничего вроде бы не скрывает, говорит с толком и красиво... Вот какие преступники пошли! И она высказала вслух свое мнение о даме, посматривая на нее с любопытством. А та ответила, что ей всегда хотелось приобрести какую-то рискованную профессию типа каскадера — не получилось, слагать стихи — не сумела, писать романы — кишка оказалась тонка, поэтому она и занялась этим стариковским бизнесом, где необходимо применить сразу все свои способности... Душа просила! Да и деньги срочно понадобились — сын рос больным и нуждался в дорогом лечении, в заграничных санаториях...

— Но почему тогда эти массивные золотые серьги? Извините, это, конечно же, не мое дело, — заметил Эдуард. — Но просто как-то не вяжется... А я хочу понять...

— А это, молодой человек, среда! Она засасывает... И начинается переоценка ценностей... Десять лет назад на серьги эти и смотреть бы не стала! Но тот мир, в котором я живу, их ценит... А по ним — и меня. Это образно говоря... А вообще, можно сказать, что это временное мое обличье... Потом я намеревалась вернуться к себе самой... Так-то вот, молодой человек... А вы-то меня поняли, Валентина... Отчество забыла ваше...

— Васильевна. Да, я вас поняла...

— Нет, я не про серьги...

— Вы про Яну...

— Но она-то как? Не понимаю... Не понимаю... Точно знаю — пугач... — схватившись руками за голову, прошептала Нонна Павловна.

Валентина призналась ей, что Лера скрылась, но перед этим пришла в квартиру Яны, где в тот момент находилась совсем другая девушка, и напала на нее... Скорее всего, перепутала пострадавшую, Олю, со своей дочерью — девушки похожи. Но, перед тем как скрыться, Валерия Емельяновна вызвала для своей нечаянной жертвы врача... Сейчас Оля в больнице, ей уже лучше...

— Вот видите, не сбежала Лера, не бросила девушку на произвол судьбы, — заметила Нонна Павловна.

— Так-то оно так, только ваша Лера прихватила чемоданчик, не принадлежащий девушкам... Он находился в квартире. Видимо, она подумала, что там — деньги, а там оказались деловые бумаги какой-то фирмы. Оля утверждает, что фирма называется «Барон», и что этот чемоданчик отдали ей на хранение. И теперь его нет...

— Эх, не удержалась все-таки!

— Попытается продать бумаги фирме либо ее конкурентам? — прямо спросила Валентина.

— Не знаю... Ей ведь деньги нужны, чтобы невиновность свою доказать... Может, и пустит в ход...

— А какие у нее отношения с дочерью? — неожиданно спросила Валентина.

— Нет никаких отношений. Я, говорит, для нее просто умерла... И давно... Ох, да как бы Лера чего сейчас с собой не сотворила! Вы лучше найдите ее! Я в вас нормальных людей увидела, а потому прошу — спасите Леру! Неужели так трудно отыскать этого вашего «Барона»?

И пока она читала и подписывала необходимые бумаги, что передали ей оперативники, Валентина и Эдуард связались с коллегами, занятыми

вышеупомянутой фирмой, и поинтересовались, как идут дела. Не так уж трудно оказалось отыскать этого «Барона»...

Глава 12

Ох, как разбушевались мы в своей штаб-квартире! На этот раз с нами были и двое мужчин — мой муж и Эдуард. Валя пригласила его потому, что, во-первых, мы крепко с ним сдружились, а, во-вторых, не всем и не все еще было ясно до конца, а он мог помочь разобраться в этом деле. Я неожиданно вспомнила художника, чуть ли не в обмороке лежавшего у меня на руках и повторявшего эту фразу про свет... Странно, что это мне пришло в голову? Я, кстати, из тех, кому еще многое было не совсем ясно, потому что, когда уважаемые мною сыщики подходили к финалу забега, моя важная писательская особа сидела в издательстве и трудилась над внедрением литературы в массы. И теперь мне хотелось узнать последние новости. А вместо этого Валентина с Гретой стали накрывать на стол и включили музыку. Потом Эдуард пригласил Грету на танец, и они закружились в вальсе, при этом обсуждая какую-то важную проблему. Краем уха я услышала, что они говорят об открытии частного детективного агентства. Молодец, Грета! Мой муж дирижировал воображаемым оркестром и напевал какие-то слова... А Валя присела ко мне и стала рассказывать про девушку Олю и про то, какую роль она сыграла в похождениях Яны, а сейчас, слава богу, выписалась из больницы и уехала домой... А еще о том, как московские сотрудники разыскали фирму «Барон», успевшую вручить Лере немалую сумму за свои пропавшие документы. Как эта женщина, загнанная в угол тяжелым обвинением, нашла известного адвоката, который и посоветовал ей явиться к специалистам, ведущим дело о покушении на Перчик, и снять с себя подозрения. Предварительно адвокат созвонился с Николаем Николаевичем и узнал все необходимые детали следствия. Подруга моя долго разговаривала с Лерой. Прежде всего, она хотела выяснить у нее, где скрывается исчезнувшая Яна, но Лера этого не знала. И вообще, упоминание о дочери как-то сразу изменило ее, и она из рассудительной, много пережившей женщины, давно научившейся не верить, не бояться и не просить, а жить размеренно, спокойно, правда, рискнув не упускать из рук мошеннический промысел, который приносил немалый доход, превратилась вдруг в весьма нервную, дергающуюся особу. Она была довольно откровенна и рассказала, что в молодости испробовала все — и алкоголь, и наркотики, но, почувствовав в себе особую силу, связанную с исцелением людей и предсказанием будущего, нашла это столь интересным, что бросила все остальное. И Яной интересовалась постольку — поскольку... А ее муж,

этот Виктор Тимофеев, скончался, она это почувствовала и даже точно может назвать день и час... Но официального подтверждения пока еще не получила. Видимо, получит, ведь они не были разведены... После него кое-что осталось... Но когда Валентина намекнула ей, что Яна могла точно узнать о смерти своего отца, который, предположим, не оставил завещания... Тогда Перчик могли убить из Лериного пистолета и подбросить его на дачу исключительно с одной целью — сделать все, чтобы женщина не предъявляла прав на наследство... Чтобы ее вообще не было на свободе... Но это могли сделать только оставшиеся наследники!

— Яна? Вы считаете, что это могла сделать моя Яна? Подложить мне пистолет?

— Да, Валерия Емельяновна. Но, прежде чем его подложить, из него надо было выстрелить...

— Нет, нет... Моя девочка... Какая бы она ни была, но так поступить... Не хочу и думать!

— И не надо думать. Есть доказательства ее пребывания в квартире Перчик именно в тот час, когда... Словом, вы понимаете...

Валентина рассказала мне, как Лера вдруг засмеялась и стала говорить то же, что и Нонна Павловна: ее пистолет — игрушка, им и муху убить невозможно... И вдруг сказала такое, что явилось полнейшей неожиданностью для Валентины:

— А ведь есть и еще наследник... Брат... Да, у моего мужа был брат... Правда, у них — огромная разница в возрасте. Он старше лет на двадцать... Но — брат...

Однако кроме его имени и фамилии, Лера ничего не знала, даже о его профессии не была осведомлена. Помнила лишь, что муж несколько раз повторял — брат, дескать, известный человек... Но мужчины практически не общались между собой. Правда, Лера не знала — может, в последнее время что-то изменилось... Кстати, их отношения с мужем могли восстановиться — он вдруг стал звать ее к себе. Но она не успела собраться и приехать. Не успела решиться...

Валентина рассказала Лере о том, как они узнали, что именно Яна в тот роковой вечер была с моей тетей, и перечислила ей все доказательства, в том числе и картину с изображением рыжей красавицы.

Когда до Леры дошло, что дочь ее влипла в такое дело, из которого есть лишь один выход, который она когда-то на себе уже испытала, отсидев в тюрьме, она тут же отказалась от своих показаний и заявила, что это она выстрелила в Лию Семеновну... Что вообще не любит стариков, считает их жизнь бесцельной и потребительской и так далее... Да, мать есть мать. Чувствуя, что Валентина не принимает всерьез ни одно ее слово,

Лера умоляла поверить ей, а взамен обещала раскрыть всю механику отъема квартир у стариков... Одним словом, она начала торг...

Вдруг мы почувствовали, что в штаб-квартире стало тихо. Все молчали и смотрели на нас. Оказывается, нас давно призывали оставить разговоры и присоединиться к ним, чтобы нормально пообедать и решить, что делать дальше. Что ж, мы присоединились. Хотя мне о многом еще хотелось расспросить Валентину. Например, почему Яну после выхода из квартиры художника не арестовали, да и теперь, кажется, ищут ее не особо интенсивно... Может, появился еще какой-нибудь подозреваемый? Этот брат Яниного отца, то есть ее родной дядя — кто он, где живет, чем занимается? Не он ли играет главную скрипку? Вопрос можно поставить и по-другому — если наша Яна так беспринципна и безжалостна, то не следует ли срочно найти дядю и приставить к нему телохранителей? Иначе девушке легко будет с ним справиться — так же, как и с моей тетей... Кстати, я еще ни разу не была на ее могиле. Все твердят в один голос, что, пока длится расследование и нервы мои на пределе, мне просто нечего там делать. А вот когда все закончится...

Собственно, уже почти все закончилось. Почти... Так же, как и еда на нашем столе... А я, кажется, ни к чему и не притронулась... Вновь стало шумно, опять всем захотелось потанцевать. Я включила старое-старое танго «Бакинские огни», подхватила мужа, и мы пустились с ним в это нежное и одновременно эксцентричное плавание. Мне просто надоело думать о нашем криминальном деле. Как же хорошо было просто обниматься под музыку с любимым человеком, смотреть в его глаза и улыбаться...

И тут зазвонил мой сотовый телефон. Я поднесла трубку к уху, уверенная, что это дети, либо что-то от меня потребовалось в издательстве, и услышала знакомый, хриплый и необычайно взволнованный голос:

— Моя богиня... Это вы?

— Да...

Видимо, мое лицо так переменялось, что все дружно уставились на меня. А Валентина вообще встала рядом, чтобы слышать все, о чем мне говорят.

— Как долго я не мог вас найти! Но это второстепенно... Мне необходимо сказать вам и вашей подруге... этой Валентине... она ведь сыщик, да?

— Да...

— Мне необходимо сделать признание... В тот вечер я не решился... Хотя... видел свет...

— Говорите, мы с Валентиной вас слушаем, она рядом со мной...

Тут Валя шепотом спросила у меня, а как его зовут, нашего художника. Странно, но мы ни разу не назвали его по имени-отчеству, как-то все — мастер, учитель... А ведь он — Владимир Константинович! Я бы и фамилию его не вспомнила, если бы не увидела на афише — Феев...

— Владимир Константинович, я вся — внимание... Как и Наталья, — прошелестела в трубку Валентина, чтобы не спугнуть его.

— Дорогие женщины, вы уж простите старика... Но... Нет ли там с вами и Яны? Той милой девушки?

— К сожалению, нет. Сами ее ищем. Хотели у Адольфа вашего спросить...

— Он не знает... Мы уже побывали в общежитии, где она жила... И на ее работе... И там случайно узнали, где она снимала квартиру... Там случилось какое-то происшествие... Но ее нигде нет... И... у нее должна быть мать... Возможно, она у матери?

— Ее там нет, — ответила Валентина.

— Владимир Константинович, дорогой... А почему вы ее ищете? — спросила я.

— Потому что... Потому что умер ее отец...

— Мне кажется, что ей об этом известно, — снова вставила свое слово Валентина.

— И... что-то там не все ладно было с ее матерью... А, значит, девушка осталась сиротой... Но я хочу, чтобы она знала — у нее есть родной человек... Который ее защитит... поможет... Ведь у меня у самого нет продолжения... А Яна — дочь моего брата...

— Бог мой! Виктора Константиновича Тимофеева?

— Да...

— Но вы... У вас же другая фамилия!

— Это псевдоним. Дурак был в молодости. Родная фамилия казалась слишком простой, сермяжной. А Феев — это вроде как фее принадлежу, она рукой моей водит... Так и осталось...

— Получается, что и вы — наследник состояния вашего брата, — заметила Валентина.

— Наверное... Только мне ничего не надо. У меня все есть.

Я оторвалась от телефона, чтобы объявить свалившуюся на нас новость остальным, а Валя продолжала говорить с художником, уговаривая его, чтобы он не слишком волновался, берег свое здоровье, что его встреча с племянницей не за горами, и как только мы ее найдем, то обязательно расскажем о новом родственнике. То-то она обрадуется! Наконец она отключилась, но тут же набрала какой-то номер и стала ждать ответа. А мой муж улыбался — видимо, он знал то, чего не знала я. Вообще-то я только сейчас заметила, что улыбались и остальные... Да что же это случилось-то, люди добрые! Что они от меня скрывают? Но Валя смотрела на всех так лукаво, с такой хитрой и зажигательной искоркой, что я поняла — им тоже невдомек, куда она звонит. И вдруг...

— Яна, это вы? Ну, как, видели? Убедились? Все в порядке? Но учтите, что это — лишь ваша соломинка... А уж как ее превратить в бревно, это

вам нужно решить с мамой... Да, да... Я принимаю вашу благодарность, но сам ваш порыв... Он аморален и достоин осуждения... Нет, я не жажду крови... Напротив, я звоню, чтобы сообщить вам радостную вест... Вы не одна на этом свете. Нет, я имею в виду не отвергнутую вами мать... У вас есть дядя... Брат вашего отца... Владимир Константинович... И он очень хочет с вами встретиться... Я бы посоветовала вам сделать это как можно быстрее, так как он — старый и больной человек... А вообще-то вы его знаете... Это художник, выставку которого вы организовывали и у которого мы ужинали при свечах... Он очень ждет вашего звонка... И его молодой человек, как я поняла — тоже... Сотворите пока хотя бы это доброе дело — явитесь пред его очи... Ждете звонка Йозефа? Да на кой он вам? Впрочем, это не мое дело. Йозефу может ответить ваша хозяйка... И советую вам сегодня же поговорить со своей матерью...

Валя закончила разговор и повернулась к нам.

— Она понимает неотвратимость наказания... Но хоть раскаивается? — спросила Грета.

— Мне кажется, да.

— Что ж... Тогда можно как-то... смягчить ее участь...

Я поняла, что эти заговорщики добровольно не откроют мне никаких тайн, их надо добывать собственными руками, и стала трясти подругу как грушу, чтобы она ответила на сто, нет, на тысячу моих вопросов!

— Да хоть на две тысячи... Только сначала, Наталья, мы с твоим благоверным должны тебя повести, так сказать, на... экскурсию... И если ты хочешь узнать все прямо сейчас, то одевайся!

Из квартиры мы вышли все вместе — Грета с Эдуардом поехали на свои рабочие места, а мы побрели к метро. По пути Валентина, правда, заметила, что не худо бы заскочить в квартиру моей тети, ей надо там кое-что уточнить — где именно, например, висит рыжая красавица, ну и еще кое-какие мелочи. Мы с мужем согласились. Впрочем, у него было такое же загадочное выражение лица, как и у Вали! Добирались мы до места назначения где-то около часа, путь наш пролегал мимо киностудии, куда моему мужу вдруг потребовалось зайти. Я не стала спорить — он сказал, что перехватит меня в квартире у тети, и чтобы мы его там подождали.

Мы с Валею подошли к тетиному дому. Возле него в скверике на скамеечке чинно сидели старушки. Здесь ничего не изменилось. Валя посадила меня на пустую скамейку возле бельевых веревок, на которых тетя всегда сушила свои простыни и пододеяльники, и зачем-то стала говорить о том, что я должна, войдя в квартиру, ничему не удивляться, что любого человека в его долгой жизни подстерегают всяческие неожиданности и так далее. Я слушала и думала — к чему бы это? И сказала подруге:

— Знаешь, пойдём-ка в дом, и там ты будешь учить меня жить...

— Ладно, — согласно кивнула Валентина и вдруг задала неожиданный вопрос: — А ты нырять умеешь? Я не помню, ныряла ты вниз головой или нет, когда мы в Волге в юности купались.

— Куда вниз головой? В омут?

Вообще-то нырять я всегда боялась. Это мое слабое место. Но все-таки ныряла, только не вниз головой, а просто прыгала в воду... Вниз ногами...

— А в ледяной воде когда-нибудь плавала? — продолжала задавать странные вопросы Валентина.

— Нет, подружка, я не морж...

— Но ведь могла бы им быть! И я прошу, при отсутствии у тебя, так сказать, подготовительной базы — представь себе, что через две-три минуты тебе надо броситься в ледяную воду! Либо прыгнуть с вышки! Представила?

Я действительно представила, зная, что Валентина никогда ничего не говорит и не делает впустую. Надо — значит, надо! Тем более что мы уже стояли у дверей тетиной квартиры... Может, там случился пожар, и все выгорело дотла, а заботливая Валя хочет меня к этому хоть как-то подготовить? Представила и, набрав в легкие побольше воздуха, сжалась, как пружина, готовая в любой момент развернуться и нанести кому надо сокрушительный удар... А Валя, между тем, нажимала на дверной звонок. Дверь тотчас же распахнулась, из чего я сделала вывод, что нас ждали, и, прежде чем на пороге выросла моя негибкая, не тонущая ни в какой воде и не подверженная никаким выстрелам тетя, я услышала то единственное, что и можно было от нее услышать:

— Хоронить меня вздумала! Да ты проходи, проходи! — Живая и даже словно бы помолодевшая тетя склонила голову набок и смотрела на меня с легким прищуром: — Не изображай из себя... Что я видела в новоафонских пещерах? Сталактит... Сталагмит...

— Вы могли там видеть и то, и другое, — заметила Валентина.

— Вот! Не изображай! Тетка-то умней всех вас оказалась, а? А вы думали — старая дура! Получила пулю в лоб! Небось, и смеялись еще! Я вас знаю! Я все чувствую! Не бывать этому! Варезки-то свои, небось, разинули на мое добро! Нули вы все — без палочки! Дырки от бубликов! Как муж мой говорил, царство ему небесное! Думали, я за ним отправлюсь, да? Ха! Не на ту напали! Бог — он все видит! Он меня любит! Ну, что ты стоишь как статуя, да еще и лыбишься?

Я действительно улыбалась... У меня просто не было сил как-то по-другому выразить свою радость... Господи, как хорошо, что она жива! Жадная, подозрительная, с противным, агрессивным характером, но — как хорошо, что она стоит сейчас передо мной, брызжет слюной, злится, оскорбляет нас всех, однако — живая! Живая и здоровая!

— Слава богу, вы живы! — наконец-то выдавила я из себя. — Живы... Дайте мне до вас дотронуться...

Я сделала к ней шаг и, сама того не желая, обняла ее от всего сердца. Она вдруг замолчала, отстранилась и стала меня внимательно изучать...

— А у тебя возле губ морщинки появились... И седая прядка... Я ее не видела...

— Я поседела, когда думала, что вы... Что вас...

— Не морочь мне голову! Не пудри мозги! Никогда не поверю, что ты способна переживать из-за меня... Ни за что! А почему в доме пустой холодильник? Куда ты все дела? Съела? Как тебе не стыдно! Ты обираешь родную тетку, а у меня пенсия...

Она не договорила. Потому что на нашей сцене началась ария Валентины. Подруга рассказала тете обо всем — и как мы узнали, что ее квартира попала в поле зрения мошенников, и как пытались просчитать их ходы, однако нам не все удавалось — она поверила-таки в новых родственников, после чего ее опоили и в полном неведении того, что творит, она подписала бумаги, с которыми можно было повернуть любые действия с ее недвижимостью... И как Яна, которой она доверчиво открыла дверь, выстрелила ей в лоб... Девушка не умела обращаться с оружием и вздвинувшись от теткингого сопротивления и страха бородавку, которая уже лет десять украшает лоб моей Лии Семеновны, приняла за сгусток крови... За входное отверстие от пули... Хорошо, что у тети был глубокий обморок... Такой глубокий, что даже я приняла ее за мертвую... Валентина решила — пусть пока так все и думают. События начнут разворачиваться быстрее... Однако они разворачивались только благодаря инициативе Яны. Мошенники же, напуганные убийством, залегли на дно. Им-то нужна была естественная смерть жертвы... А Яна гнала лошадей! По ее плану все улики должны были указывать, что убийство совершила Лера. Так бы, возможно, и получилось, если бы не пронизательность Валентины. И моя внимательность помогла... Валя подробно рассказала об эпизоде с рыжей красавицей, после которого стало ясно, что Яна была у тети перед самым убийством...

— Ну, молодец, — выдавила из себя тетка в мой адрес. — Только можно было и без тебя обойтись! Я-то на что? Сама укажу на ту, которая в меня стреляла! Но и я ей показала! Правда, она так меня перепугала, что теперь я уж и не уверена, проживу ли сто лет... Хотя мне еще в юности пророчили — до ста двадцати... Уж и не знаю...

— Злитесь поменьше, вот и проживете! — заметила Валентина.

— А ты не командуй! Здесь я хозяйка! Слышишь? Вот так! Раскомандовалась тут! Мужичка!

Вот и спасай после этого старушек! Я поняла мужа — он никогда лиш- ний раз не показывался в этой квартире, чтобы не получать оплеух. Ведь у тетки все мужчины, кроме ее ушедшего в мир иной мужа, были бездель- никами и «нулями без палочки».

— Мужичка... Она права?

Подруга была явно расстроена и смотрела на меня с надеждой.

— Неправда, Валя... Ты такая одухотворенная... Я заметила — так всег- да бывает, когда дело заканчивается. Кстати, Яна-то знает, что тетя жива?

— Знает! Вчера я ее заметила, подглядывала за мной, — сказала тетка, которая всегда слышит то, чего не надо.

— Да, знает, — подтвердила и Валентина. — Я час назад ее по теле- фону спросила, видела ли она Лию Семеновну... Видела... А дело-то еще не закончено. И еще... Ты за своими повестями просидела... А ведь я только сегодня утром Платона домой проводила... И сама вечером уез- жаю, нечего мне больше здесь делать...

— Завидую тебе! После долгой разлуки...

— Он приехал с мамой... И теперь у нас будет какая-то новая жизнь... Вместе пока поживем, посмотрим...

— А... она?

Я спросила о больной бывшей жене Платона.

— С ней мы пока ничего не решили...

Да, личные проблемы у Вали столь же сложны, как и рабочие... Но по- следними она живет! Это — ее тяжелая ноша, но и радость, и вера в себя.

По подоконнику со стороны улицы осторожно постучали. Тетка побе- жала к окну — выяснять, кто это хулиганит. А я уже поняла, что мужу во- все не хочется сюда заходить, и он выманивает меня на улицу!

— Тетя Лия, вы поняли, наконец, что не должны никому открывать дверь? Ваше упрямство уже сыграло роковую роль, — нравоучительно начала я.

— Вы и моргнуть не успеете, как получите какой-нибудь отупляющий укол, и все начнется снова! В сумочке у так называемой жены вашего так называемого племянника мы обнаружили ампулу именно с таким сред- ством... Доктор со «скорой», которого вам однажды, перед роковым собы- тием, вызвала Наталья, тоже предположил, что в организм ваш было введе- но такое средство... Его догадка нам очень помогла, — подхватила Валя.

— Хватит меня учить! Я не зря потратила вчера восемьсот семьдесят рублей! — Тетка скривилась в своей самой искренней улыбке и, опершись руками о стол и покачивая плечами, словно кокетничающая девушка, до- бавила нараспев: — Могу кое-что показать...

Однажды после подобного предисловия она стала... танцевать! Да еще чуть ли не под «Красотки, красотки, красотки кабаре»! И сейчас, подумала

я, выкинет что-нибудь эдакое же. Но тетка спокойно открыла верхний ящик своей тумбочки и вытащила оттуда... пистолет!

— Вот! Купила! И пусть теперь кто-нибудь ко мне только сунется!

— Его не надо регистрировать? — спросила Валентина, осторожно беря из ее рук оружие.

— А зачем его регистрировать-то? Сигнальный! Не для убийства создан... Но палит так, что будь здоров! Показать? Я ведь все там проверила, в оружейном магазине! Я заставила продавца стрелять!

О, мама дорогая! Представляю, как это было! В нашем роду никто ведь карандаша простого не купит, не перебрав десятки его собратьев и не выбрав из них самый-самый... А уж что говорить о какой-либо сложной технике! Когда Мирон покупал себе телевизор, то со склада были принесены все имеющиеся экземпляры, ими заставили прилавки и пол... Но он выбрал вещь лишь на второй день... Думаю, и тетка не ограничилась одним экземпляром, и в магазине шла настоящая пальба — какой пистолет хлопает громче? Я не ошиблась...

— А что, продавцу действительно пришлось выстрелить? — спросила Валентина из чистого любопытства, не подозревая, какой пласт характера нашей родни она сейчас открывает.

— Почему это — выстрелить? Ему пришлось стрелять! Ведь пистолет-то в магазине не один! И я должна была выбрать!

Мы с Валентиной заявили тетке, что покидаем ее с легким сердцем, ибо теперь она может чувствовать себя в безопасности, и выкатились на улицу.

Муж терпеливо ждал меня во дворе. Он, разумеется, все знал о моей тете — и молчал! А ведь до сей поры мы ничего не скрывали друг от друга. Вот каково тлетворное влияние подруги на наши отношения!

— Постой, Валя... А Мирон? Он что, тоже был в курсе?

— Ха! Ему труднее всех было скрывать от тебя правду, потому он и попросился у себя на работе в длительную командировку... Сегодня-завтра приедет...

Я шла и снова перебирала в памяти все, что случилось. Тому, что художник, на которого Яна смотрела чисто потребительски, оказался ее дядей, я нисколько не удивилась — подобные совпадения я наблюдала довольно часто и подозревала, что за этим даже кроется какой-то физический закон, о котором человечество еще не знает. Неясно другое. Как-то уж очень быстро Яна забыла про наркотики... И возникает вопрос — а был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?

— Я склонна думать, что был... Она просто не успела стать наркоманкой... Начало не нашло продолжения, — сказала Валентина.

Вероятно, так. Ведь в жизни девушки произошли события, потрясшие ее душу... А душа-то есть у нее, есть, куда от нее и деться...

— И все-таки я не понимаю... Ведь она решилась на убийство... Зачем же такая крайность?

— Ну, скорее всего, этот план созрел у нее еще там, на чердаке, когда она поняла, чем занимается ее мать... И не упустила возможности сразу и отомстить, и расчистить себе путь к наследству... Одно знаю — девушка рада, что не совершила непоправимого...

Мы проводили Валентину до Лизиной квартиры и условились, когда именно зайдем за ней, чтобы всем вместе явиться на вокзал, к поезду, который умчит подругу в наш родной город.

А потом вдвоем с мужем тихо шли по улицам, решив хоть раз в жизни добраться до собственной квартиры пешком. Мой лучший друг, опекун и хранитель домашнего очага, который шагал рядом, намекнул, что у меня есть готовый сюжет для новой повести. Молодец! Мысленно я уже перелистывала ее главы. И вдруг уловила, что главной героиней у меня этак ненавязчиво становится Яна... А должна-то — Валентина! Ан нет, она вроде как отходит куда-то в тень... Как и в жизни... Я понимаю — находясь в тени, легче наблюдать за людьми... И заметить ошибку преступника... И понять все его действия...

Вечером мы стояли на заснеженной платформе и любовались лучами света, смешанного с блеском снежинок... Все пространство было похоже на сказочный дворец, в котором мы находились. Как будто и нет на белом свете войн, насилия и зла.

— Красота должна спасти мир, — изрекла я с романтических высот, в которых пребывала.

— Разум! Спасет разум! — заявила Валентина, и муж мой, я видела, был с ней согласен...

Наверное, они правы. Вале, во всяком случае, виднее... Правда, для меня разум — это какое-то мифическое существо, пока я не вижу его глобальных проявлений... Но признаю, что Валентина по сути своих деяний является его представителем...

Поезд медленно поплыл вдоль перрона...

— Передай привет своей тете! — крикнула на прощанье Валентина. — И мое пожелание — пусть она дотянет не до ста двадцати, а до ста пятидесяти, как старожилы на Руси!

Я пообещала. Но поскольку образ тети ассоциировался у меня теперь с пистолетными выстрелами, то в ушах моих все зазвенело и загрохотало... А это поезд набирал ход и скрылся за поворотом...

Эпилог

Вот и конец этой запутанной, но, в общем-то, не такой кровавой истории, как могло показаться вначале. Что же стало со всеми ее участниками? Елисей Павлович и его сестра отбывают сейчас наказание за мошенничество, но скоро, вероятно, снова вернутся в родные места. Вполне возможно, что, несмотря на произведенную конфискацию имущества, им удалось припрятать энное количество валюты, а также сохранить в неприкосновенности свой золотой запас, и жизнь на свободе не окажется для них обременительной. Валерия Емельяновна осуждена еще и за покушение на убийство, вернее, по судебной формулировке — за угрозу убийством... И здесь мне тоже видится рука Валентины, явно подсказавшей, как добиться смягчения наказания. Но все равно Лере придется провести в неволе больше времени, чем Хороневичу и его сестрице. Небольшие сроки получили несколько их помощников, также уличенных в мошенничестве.

А вот Яне, нашей неуловимой рыбке, удалось выкрутиться. И Валентина пошла на этот компромисс. Она всегда жалела тех, кто попал в ее сети — разумеется, если это не был матерый преступник... И когда Лера стала уверять, что именно она пробралась к Лии Семеновне и произвела тот выстрел, и описала все необходимые при этом детали, подробно оговоренные, видимо, с дочерью, то Валентина не возразила... А уж Николай Николаевич и Эдуард — подавно... Перед Вале́й прошло много сломанных жизней, искалеченных судеб, и она не захотела, чтобы еще одна оказалась на ее совести...

Недавно я была на Ваганьковском кладбище — у могилы художника, создателя моего портрета, собралось много людей, шел сороковой день от его кончины. Пришли туда и Яна с Адольфом. Мы с девушкой отошли в сторону, и я расспросила ее обо всем. Меня порадовало, что после пережитого она начала видеть в своей матери человека. Пишет ей письма и хлопчет о ее досрочном освобождении. Переписывается и с Олей, намереваясь помочь ей поступить на учебу в Москве и плюнуть на всяких там Борисов-пескоструев. Сдавать экзамены они, оказывается, будут вместе — на юридический факультет, учиться намерены заочно. Выкинули, значит, из головы все свои театральные подмостки и журналистские поиски. А ведь жаль... И артистам, и журналистам ох как нужны мозги, а не пустое и беспомощное исполнительство... А что до личной жизни Яны, то она все-таки пометалась между Йозефом, сделавшим ей официальное предложение, и своим Адиком и призналась мне, что, не чувствуя в себе горячей способности любить, остановилась на нашем, русском варианте —

уж очень дружны они с Адольфом. Они зарегистрировали свой брак и живут теперь в замечательной квартире художника... Надо же, как совпало — Яна и Адольф оказались его наследниками... Кроме того, они с мужем хотят продолжить дело Яниного отца, налаженное и обкатанное за долгие годы, а для этого большую часть времени проводить в Германии. Яна даже сказала мне несколько фраз по-немецки, зная, что я сумею это оценить.

Галина Петровна живет сейчас со своей внучкой и, по словам ее подруги Любы, молодеет с каждым днем. Дай бог!

Костя с Гретой скоро станут родителями, так что мечта ее об открытии своего сыскного дела пока остается мечтой.

Николай Николаевич и Эдуард почти каждую неделю звонят Валентине, а она — им. Сдружились. Уверена — в экстренных случаях они будут приглашать ее к себе...

Валя с Платоном, два влюбленных сыщика, счастливы друг с другом. Пока они не отпускают от себя его мать, она еще слаба.

Я уверена, что моя подруга — гений. Я ее просто обожаю. Но и она человек и порой тоже может что-то упустить. А поскольку я всегда пишу про нее только правду, то приведу пример и думаю, что образ ее от этого не померкнет.

Когда я стояла с Яной под кладбищенскими березами, мне ужасно захотелось узнать, как у нее не дрогнула рука, когда она целилась в мою дорогую тетю...

— В этого тигра! — заметила Яна.

— В эту пантеру! — переплюнула ее я.

— Затмение на меня нашло... От злобы черной на всех и вся... А рука дрогнула... Знаешь, Наташ, что она мне сказала, стоя под дулом пистолета?

— Ну, наверное, как-то обозвала тебя, но уж никак не испугалась.

— Не испугалась. Она спросила, помню ли я, какая у нее фамилия... Я, конечно, помнила, что Перчик, но и предположить не могла, что вслед за этим она бросит мне в глаза щепотку красного перца! Я и выстрелила — от боли... И ведь показалось мне, что что-то не так было с этим выстрелом... Только увидела сквозь слезы — она лежит, а на лбу... во лбу...

— Не надо про звезду! Безнравственно!

— Я выла от боли, пока в ее ванной пыталась смыть с себя эту гадость...

И потом бежала сломя голову...

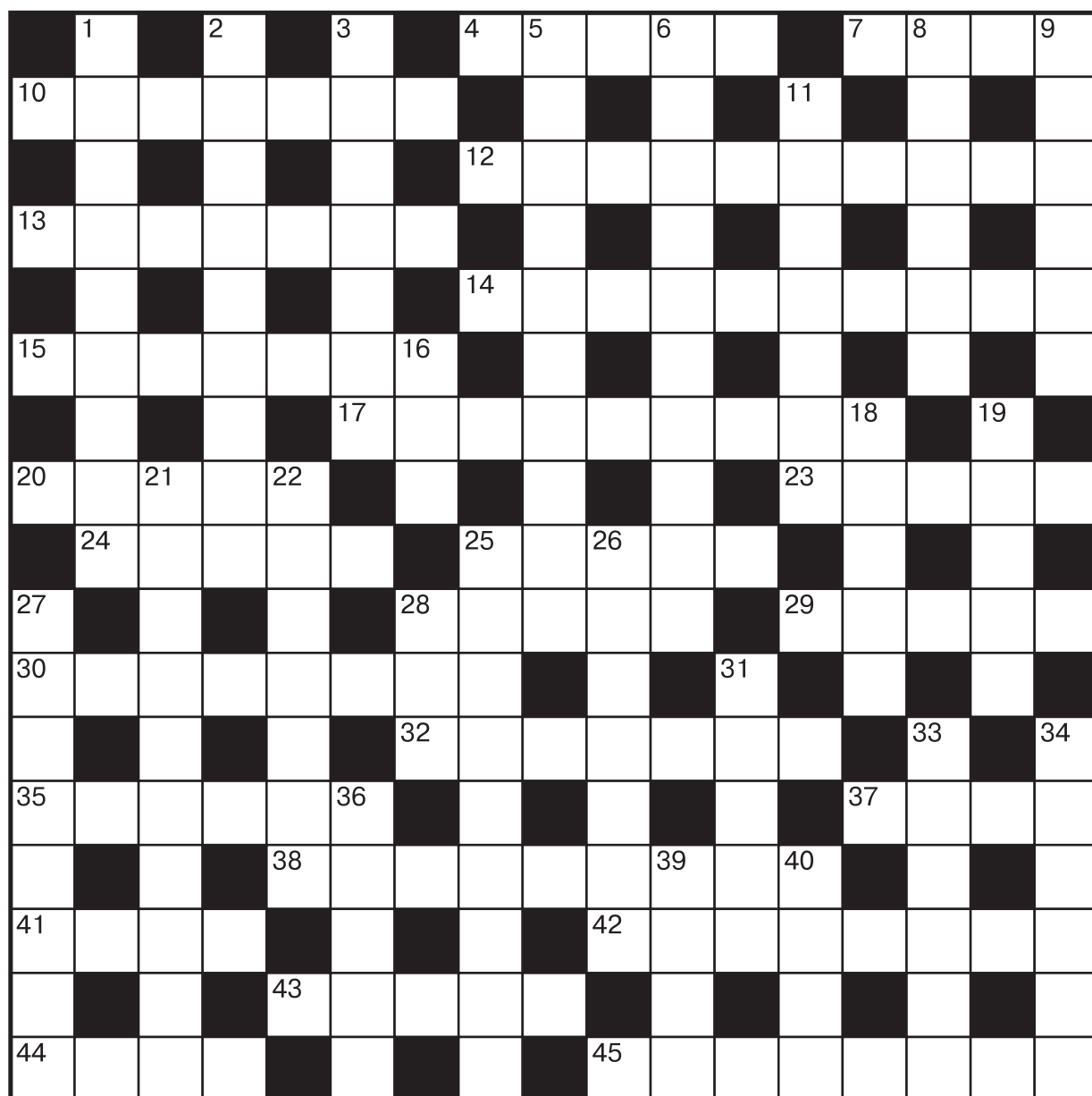
Надо же, а Валя этот финт с перцем-то и не заметила...

Я позвонила ей и рассказала об этом эпизоде.

— То-то мы все там чихали! — воскликнула Валентина. — А я думала — с чего бы это?

Но это был единственный вопрос, на который она тогда не ответила... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Деликатес царского чина. **7.** Соавтор Нового Завета. **10.** Студень из современного календаря. **12.** Фельдмаршал, стоявший во главе Германии с 1925 по 1933 год. **13.** Что может заявить адвокат в суде? **14.** Источник вдохновения для муз. **15.** Фантастический

робот. **17.** Прозвище Козетты из романа «Отверженные». **20.** Поросячий папа. **23.** Шапка на зимнюю стужу. **24.** Пиджак из дамского костюма. **25.** Информатор бога Одина. **28.** Результат наблюдения. **29.** Полтавский полковник, состоявший в заговоре против гетмана Мазепы.

30. Дока в гороскопах. **32.** Игroman на «поле любви». **35.** Аполлон среди классиков русской поэзии. **37.** Международный договор. **38.** Сборник житейских правил, авторство которого историки приписывают Сильвестру. **41.** Душевная вежливость. **42.** Какой сорт выращивают на самых северных виноградниках США, получая из него «черное вино»? **43.** Какой садовый цветок вполне заслужил прозвище «хамелеона» за способность менять окраску в зависимости от погодных условий? **44.** Гиппократ считал, что «если организм не очищен, то любое питание приносит ему ...» **45.** Кто покупает деньги для коллекции?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Старший верстальщик. **2.** «Мой вершинный брат» для Марины Цветаевой. **3.** Рейтинг значимости. **5.** Отставной казачий офицер, с которого Василий Сури-

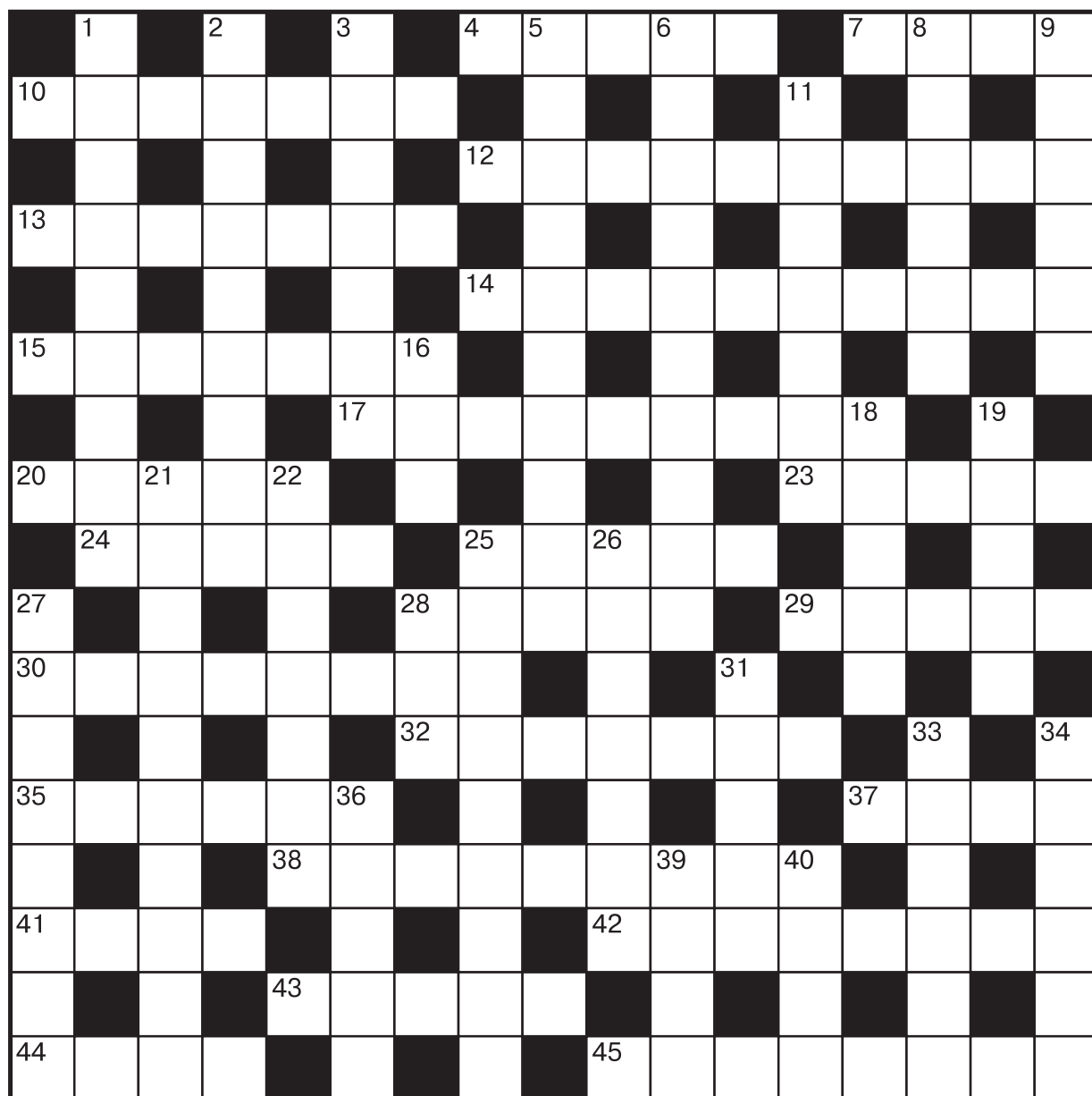
ков написал Александра Суворова. **6.** «Речка спятила с ума — по домам пошла сама!» Про что это? **8.** «Ловец снов». **9.** Горный лев. **11.** Шуточная байка. **16.** Самый длинный из русских романов Владимира Набокова. **18.** Кто из римлян фантастически разбогател, встав на сторону мятежного диктатора Суллы? **19.** «... обладает множеством достоинств, но скромность в их число не входит» (великий сыщик). **21.** «Янтарное море». **22.** Скверный урожай. **25.** Модель будущей декорации. **26.** Кто из звезд Голливуда засветился в клипе «Smack That» от Eminem? **27.** Кто из героев Николая Чернышевского в семнадцать лет «принял боксерскую диету»? **28.** Какого быка запрягают? **31.** Пальто с пелериной. **33.** Чем стреляет огнемет? **34.** Кто бога игнорирует? **36.** «Грай вороний, и ... паровоза». **39.** Тушеная нарезка. **40.** «Ходячий снеговик».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Уксус. **9.** Азнавур. **11.** Шпион. **12.** Буквоед. **14.** Песок. **15.** Йоркшир. **16.** Цахес. **18.** Римус. **20.** Гусарик. **23.** «Холоп». **25.** Фета. **28.** Калинин. **29.** Партер. **30.** Било. **32.** Бараш. **33.** Буран. **34.** Галломан. **36.** Воронихин. **38.** Дортуар. **39.** Фланг. **40.** Кульман. **41.** Франс. **42.** Ступа. **43.** Антимир. **44.** Хомяк.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Озверин». **2.** Лагозух. **3.** Дуб. **5.** Ковчег. **6.** Улей. **7.** Апокриф. **8.** Тобик. **10.** Рубанок. **13.** Дотация. **17.** Супинатор. **19.** Советолог. **21.** Кефир. **22.** Гапон. **24.** Пахан. **26.** Шпага. **27.** Дрель. **30.** Будильник. **31.** Ламинария. **32.** Бастардо. **35.** Котурны. **36.** Ванная. **37.** Плятт. **38.** Днепр.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какая страна однажды потеряла день из-за изменения линии перемены дат? **7.** Муза Клинта Иствуда. **10.** Судебные издержки прежних времен. **12.** «Чувство собственности» у буддистов. **13.** Пограничный сигнал в фонетике. **14.** Хранилище свечей в Визан-

тии. **15.** «Основное направление» ансамбля «Восемь ланкаширских парней», в котором выступал Чарли Чаплин. **17.** Главный символ зороастризма. **20.** Какого мастера часто записывают чуть ли не основателем масонства? **23.** Сказитель у кумыков. **24.** Какой фельдмаршал лично

арестовал Эрнста Бирона? **25.** Что такое лабрис? **28.** Чьи слова начинают повествование в эпосе «Война и мир»? **29.** Кубинская лютня. **30.** История у Константина Станюковича о том, как сирота спасает экипаж клипера ценой своей жизни. **32.** Какой медовый напиток предпочитал отец Зевса? **35.** Трясучка на нервной почве. **37.** Булгаковский герой, едва не устроивший настоящий гадюшник из Москвы. **38.** Синоним монаха. **41.** Американский кроссовер. **42.** Мария Великая русского театра. **43.** Эллинская «царица ночи». **44.** Тайная башня в древнерусской крепости. **45.** Изящная замена грубой действительности.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Динозавр с крыльями. **2.** Мера телесного угла. **3.** Гора, связанная с подвигом Геракла. **5.** «Лицо бренда». **6.** Кто получает патент на выведенную породу? **8.** Шекспировская «истеричка

с бумажными цветами» для Анны Ахматовой. **9.** Пианист и нейрофизиолог, видевший бессмертие в «ускорении нашего чувства времени». **11.** Самые популярные в Литве пирожки с мясом. **16.** Японский трезубец. **18.** Любимый гриб Антона Чехова. **19.** Китайская восковая ... **21.** Прыжок в каскаде у фигуристов. **22.** Плов по французскому рецепту. **25.** Что особенно характерно для образов в поэзии акмеизма? **26.** Кто ввел понятие электростатической индукции? **27.** Пиктограмма в виде смайлика. **28.** Кто написал стихи к песне «Ускакали деревянные лошадки» в исполнении Валентины Толкуновой? **31.** Праздник сразу после «поста Эстер». **33.** Предки молдаван и румын. **34.** «Танец приседаний» у древних греков. **36.** Самый ядовитый из химических элементов. **39.** Душевный имидж. **40.** Первым сахар в ... добавил Людовик XIV.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Шагал. **9.** Жетыген. **11.** Довга. **12.** Богумил. **14.** Остер. **15.** Дюксель. **16.** Дошаб. **18.** Рарог. **20.** Кабаков. **23.** Вийон. **25.** Ника. **28.** Гардинг. **29.** Урсары. **30.** Меле. **32.** Динер. **33.** Перак. **34.** Ангелизм. **36.** Блюттауфе. **38.** Памперо. **39.** Кокар. **40.** Краепад. **41.** Ротко. **42.** Фанза. **43.** Харрьер. **44.** Желна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ленсман. **2.** Мышелов. **3.** Феб. **5.** Акутак. **6.** Акид. **7.** Торсион. **8.** Агела. **10.** Носорог. **13.** Люкарна. **17.** Барджелло. **19.** Гибралтар. **21.** Вилер. **22.** Гашек. **24.** Надим. **26.** Тукан. **27.** Асаги. **30.** Меганевра. **31.** Лайфхакер. **32.** Дзепполе. **35.** Старкад. **36.** Брикон. **37.** Тонар. **38.** Пайза.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
! КОНКУРС !**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№5 май 2022